

THE HOUSE OF
NIGHT AND CHAIN
DAVID ANNANDALE

A WARHAMMER HORROR NOVEL

Annotation

На окраине города Вальгааст застыл в безмолвии Мальвейль. Это дом тьмы. Его заль полны древней истории и боли. Он знает все тайны, и от него невозможно утаить никакую слабость. Теперь он замер в нетерпении, потому что приближается его жертва.

Полковник Мейсон Штрок возвращается в поместье своих предков. Он - лишь оболочка человека, сломленный ужасами войны и личными потерями. Полковник Штрок вернулся домой, чтобы принять титул губернатора планеты. Он надеется, что сможет очистить родной мир от политической коррупции и восстановить отношения со своими детьми, отдалившимися от него. Он надеется, что сможет заново выстроить свою жизнь. Штрок уверен, что видел худшие ужасы галактики.

Но Мальвейль покажет ему, как он ошибается.

Дэвид Аннандейл

ДОМ НОЧИ И ЦЕПЕЙ

Темный колокол звонит в бездне.

Его эхо разносится по холодным и суровым мирам, оплакивая судьбу человечества. Ужас вырвался на волю, и в каждой тени таятся гибельные создания ночи. Здесь нет ничего кроме зла. Инопланетные чудовища дрейфуют в кораблях, похожих на гробницы. Выжидательные. Терпеливые. Хищные. Пагубное колдовство творится в окутанных мраком лесах, призраки овладевают умами, охваченными страхом. От глубин пустоты космоса до пропитанной кровью земли, в бесконечной ночи рыщут дьявольские ужасы, готовые пожрать грешные души.

Оставьте надежду. Не полагайтесь на веру. Жертвы горят на кострах безумия, гниющие трупы ворочаются в оскверненных могилах. Демонические отродья с алчным оскалом глядят в глаза проклятых. И безучастно взирают Гибельные Боги.

Это время расплаты. Время, когда каждая смертная душа оставлена на милость тварей, таящихся во тьме. Это вечная ночь, царство чудовищ и демонов. Это Ужасы Молота Войны. Ничто не избегнет проклятия.

И колокол звонит.

ПРОЛОГ

Тогда

— Там призраки, — сказала Катрин, когда в первый раз увидела Мальвейль. Она говорила с абсолютной убежденностью восьмилетней девочки, и Зандер, которому было четыре, начал плакать.

— Нет там ничего, — возразила Элиана. Она присела рядом с нашей дочерью и обняла ее, на лице ее отразилась тревога, вызванная богохульными словами Катрин. — Никогда не говори такого.

Я поднял Зандера на руки. Сын уткнулся лицом мне в плечо, намочив мою форму слезами. Но при этом он не отрывал взгляда от дома. Мальчик смотрел на особняк с ужасом, слова его сестры лишь подтверждали то, о чем уже подумал он.

Мы стояли у ворот, ведущих на территорию поместья. Дом находился в некотором отдалении, мрачно возвышаясь на вершине холма. Отсюда открывался хороший обзор на огромный особняк, угрюмым силуэтом темневший на фоне свинцового неба, очертания его башен, словно клыки, зловеще выпирали из стен. Детали фасада здания отсюда было не разглядеть. Мальвейль казался сплошной черной массой, и я отчасти понимал реакцию детей, хотя она и огорчала меня. Земля была очень неровной и сильно перекопанной, истерзанной многими поколениями проводившейся здесь добычи полезных ископаемых. Добывающая техника, вгрызавшаяся в каменистый холм, была основой богатства и могущества семьи Штрок, хотя большая часть машин сейчас стояла неподвижно. Жилы были почти полностью выработаны. Мы уже не сможем извлечь много богатства из земли. Да нам это больше и не нужно. Когда его накоплено достаточно много, богатство и все, что проистекает из него, начинает поддерживать само себя.

— Призраков не бывает, — сказал я Зандеру и Катрин. — Не оскорбляйте Императора верой в такую чепуху.

Я говорил мягко, но надо было, чтобы они поняли — таких мыслей у них быть не должно. Я похлопал Зандера по плечу и улыбнулся Катрин.

— Как бы то ни было, вы не должны бояться Мальвейля. Вы должны гордиться. Это дом нашей семьи. Поистине великий дом. Величайший на Солусе.

— Если это наш дом, почему мы не живем там? — спросила Катрин. Судя по ее голосу, она не слишком стремилась жить там, но, по крайней мере, этот вопрос ее заставило задать больше любопытство, чем страх.

— Там сейчас живет мой дядя Леонель. Это его дом, потому что он лорд-губернатор Солуса.

Со временем грань между фамильным поместьем и дворцом губернатора размылась. Хотя Мальвейль официально не был резиденцией правителя, на практике он стал таковой с тех пор, как к власти пришли Штроки. Пока губернатором был Штрок, Мальвейль оставался губернаторской резиденцией. У нашего рода хватало проблем, но пока не наблюдалось признаков, что власть может ускользнуть из наших рук. Даже в нынешних обстоятельствах.

— Но губернатор же ты, — сказала Катрин.

— Губернатор-регент, — поправил я. — На время, пока дяде Леонелю не станет лучше.

Леонель болел уже какое-то время. Природа его болезни была неясна, и он стал затворником, никогда не покидал свой дом и редко принимал гостей. Он стал отсутствующим правителем, и меня отозвали со службы в Астра Милитарум — я служил тогда капитаном в Солусском полку, чтобы я исполнял обязанности губернатора, пока Леонель не выздоровеет, или пока не будет учреждено надлежащее регентство, которое, разумеется, должно обеспечить стабильность на Солусе и устранить любую политическую угрозу власти семьи Штрок.

Этот период в моей памяти остался как золотое время. Я был дома на Солусе большую часть года и наслаждался редкой для офицера Имперской Гвардии возможностью побыть со своей семьей, хоть и ненадолго. Я отправился исполнять свой долг перед Империей, когда Элиана еще ожидала рождения Зандера. То, что я мог видеть Катрин в первые годы ее жизни, было само по себе необычной привилегией, достигнутой лишь благодаря положению моей семьи. Вернуться со службы я ожидал очень нескоро — и то если выживу. К тому времени для обоих своих детей я был бы совсем чужим человеком, если, конечно, они все еще жили бы на Солусе и сами не пошли бы служить в Астра Милитарум. Так болезнь Леонеля стала благословением для меня.

Тот год был прекрасным. Воспоминания о нем поддерживали меня в последовавшие за этим времена, приходилось ли мне встречаться с ужасами поля боя или с другими, более личными скорбями. Но когда я наконец вернулся на Солус насовсем, воспоминания именно о том дне стали преобладать над всеми остальными, отбрасывая свою тень на память всего этого чудесного года. Даже еще до моего возвращения тот день стал расти в моей памяти, словно раковая опухоль, становясь главным воспоминанием того года, и каждый раз заставляя мои мысли возвращаться к нему. Я должен был вспоминать мои игры с детьми на лужайках второго семейного поместья рядом с центром Вальгааста. Я должен был вспоминать, как мои сын и дочь плескаются в фонтане во дворе. Я должен был думать об Элиане, о том, как она улыбалась, глядя на них. Как она держала меня за руку.

Но вместо этого я каждый раз возвращался в мыслях к испуганному голосу Катрин, когда она произнесла эти слова, и к слезам Зандера. И о том, что последовало за этим.

— А ты будешь когда-нибудь правящим губернатором? — спросила Катрин.

Я переглянулся с Элианой, и она сжала губы, сдерживая смех.

— Трудно сказать наверняка, — ответил я. — Это зависит от того, будут ли у моего дяди Леонеля дети. Если будут, то губернатором станет один из них, а не я.

Маловероятная перспектива, учитывая возраст Леонеля, но не столь уж невозможная.

— Это хорошо, — сказал Зандер.

— Вот как? — улыбнулся я. — Ты не считаешь, что я буду хорошим губернатором?

Элиана, обнимавшая Катрин, выпрямилась, но наша дочь крепко прижалась к талии матери.

— Мы не хотим идти в тот дом, — сказала она.

— Пожалуйста, папа, — захныкал Зандер. — Не надо.

— Мы не пойдем туда, — сказала Элиана, взъерошив волосы Катрин, и вздохнула: пора было идти. — Мы не можем даже посетить его, так что не волнуйся.

Мы пошли назад. Зандер дрожал у меня на руках, Катрин вцепилась в руку матери и шмыгала носом сквозь слезы. Мы оставили позади высокие стены, ограждающие территорию поместья, и шагали по дороге от Мальвейля, через индустриальный сектор направляясь обратно, к жилым кварталам Вальгааста. Я оглянулся через плечо, бросив последний взгляд на особняк, прежде чем поворот дороги скроет его от нас. Я никогда не боялся Мальвейля. С детства он всегда был для меня дворцом мечты. Он олицетворял высочайшую вершину, которой мог достигнуть член семьи Штрок, высочайшую честь и — когда я повзрослел — священный и благородный долг. Я никогда не думал, что там могут быть призраки. Когда я оглянулся на него в тот момент, я испытывал жалость к Леонелю, благодарность за то, что он позволил мне быть регентом, и желание снова увидеть те величественные залы, которые я посещал до этого лишь один раз.

У меня не было темных мыслей. Не было предчувствия угрозы.

Но когда я отвернулся обратно, на меня вдруг нахлынуло головокружение. Я споткнулся, едва не уронив Зандера, земля словно стала предательски ненадежной под моими ногами. Казалось, она тонкая, будто паутина, вот-вот разорвется, и мы рухнем в кошмарную пропасть. Зандер обмяк в моих руках, его голова безжизненно повисла, словно шея была переломана. Элиана тащила труп Катрин, не обращая внимания на кровь, лившуюся из перерезанного горла нашей дочери.

Я вдохнул, пытаюсь набрать в грудь воздуха, чтобы закричать. Я словно тонул, падая и задыхаясь одновременно.

А потом это мгновение прошло. Кошмар исчез, испарился из моей памяти. Дорога была безопасной, мои дети невредимы. У меня просто закружилась голова, вот и все. Я уверенно шагал дальше, и спустя несколько секунд думал, что всего лишь слишком быстро повернул голову, и от этого она закружилась.

Многие годы это было все, что я помнил. Даже когда воспоминания об испуге Катрин и Зандера вернулись, мое ужасное видение оставалось скрытым, не появляясь на поверхности памяти.

Пока я не вернулся на Солус. Пока не увидел Мальвейль снова.

Вестибюль перед Залом Суда на линкоре «Вечная Ярость» имел полукруглую форму и ширину в самой широкой части пятьдесят четыре шага. Я сосчитал их. У стены рядом с тяжелыми бронзовыми дверьми, отделявшими меня от моих судей, стоял единственный железный стул. Я еще не садился на него. Я не мог сидеть неподвижно. Я ходил по вестибюлю, не потому что движение приносило мне облегчение, но лишь для того, чтобы избежать проклятья неподвижности.

С обоих бортов в вестибюле были огромные окна высотой от палубы до потолка, и с левого борта в них был виден обугленный камень, который когда-то был имперским миром под названием Клострум. Миром, спасти который было моим долгом. Каждый раз, проходя мимо этих окон, я замирал, вздрагивая от терзавшего меня чувства вины, и не в силах отвести взгляд. Это зрелище притягивало меня, словно крюками вцепляясь в мою душу. Снова и снова я взирал на мертвый мир, и потом отворачивался, мое сердце тяжело стучало, в животе словно разверзалась пустота, а левая ладонь покрывалась потом.

Моя правая ладонь ничего не чувствовала. Так же, как и остальная правая рука, и правая нога. Они были аугметическими, заменившими конечности из плоти, которых я лишился на Клоструме. Я еще не привык к ним. И шагал по вестибюлю не только потому, что испытывал тревогу. Я пытался скорее привыкнуть к новой реальности своего тела. Едва слышное жужжание сервомоторов было для меня еще чуждым звуком, машинным голосом, который я пока еще не связывал с собой. Это был шепот, следовавший за мной повсюду, и источник его был скрыт от глаз, хотя всегда находился близко. Рука и нога работали хорошо, повинуюсь импульсам, которые посылал мой мозг. Мне не приходилось сознательно направлять их движения. И в то же время они были чем-то чужим. Они принадлежали кому-то другому, кому-то, чьи намерения идеально отражали мои. Я испытывал фантомные боли в исчезнувших конечностях, и эти боли совпадали с местами на аугметике, но происходили не из нее. Я был разделенным существом, изображавшим единое.

Моя душа была так же разделена, как и тело. Я присутствовал в настоящем, борясь с мучительным чувством вины. Но я был и где-то вдалеке, часть моего разума укрылась в некоем коконе оцепенения и взирала на мои страдания с холодным безразличием.

Я ждал в вестибюле несколько часов. Когда мои глаза не обращались к зрелищу мертвого Клострума, они останавливались на барельефе на бронзовых дверях. На каждой из них была изображена массивная фигура, олицетворение Правосудия, воплощенное в героических линиях, со скрещенными руками и суровым лицом, взгляд устремлен куда-то над моей головой, словно в ожидании приговора мне. Здесь не найти милосердия.

Я и не ожидал милосердия. Да и не хотел.

Не думаю, что я вообще чего-то хотел. Больше нет. Я ожидал вызова в Зал Суда без нетерпения. Я даже не чувствовал желания, чтобы процесс скорее закончился. Я ощущал лишь чувство вины, словно копье, бившее в щит оцепенения. Щит, удерживавший воспоминания о Клоструме. Мне нужно было защититься от них, иначе они разорвут меня, и я совсем не смогу функционировать. А я намеревался, по крайней мере, встретить свою судьбу с достоинством. Я чувствовал, что это мой долг перед полком. Перед моими

погибшими солдатами.

— Спокойно, — прошептал я себе, снова подходя к левому окну. — Спокойно.

Но усилие избежать воспоминаний дало обратный эффект. Вместо того, чтобы защититься от них, я лишь сделал их сильнее. Они обрушились на мою защиту. Они явились ко мне в виде клешней и когтей, которые могли разорвать «Леман Русс», словно бумажный. В виде тел, раздувшихся от биологического оружия. Они нахлынули роем, затмившим небеса и покрывшим землю нескончаемым ковром ужаса. Я видел героев моего полка, солдат, которые безоговорочно доверяли мне, которые исполняли мои приказы без колебаний и смотрели на меня, ожидая, что я укажу им путь к победе. Я видел, как чудовища превращали их в кровавое месиво. Видел, как океан челюстей пожирал мой полк.

Я был в башенном люке своей командирской «Химеры». Громадное чудовище бросилось на нас. Оно возвышалось над «Химерой», его гигантское тело было защищено непробиваемой хитиновой броней, ужасные лапы оканчивались когтями, похожими на зазубренные копыта. Оно вонзило когти в борта «Химеры», подняло ее и, разорвав надвое, отбросило куски в сторону. Я отлетел и упал на землю в двадцати ярдах от горящих обломков. Я пытался встать. Пытался умереть достойно. Прежде чем я смог подняться, твари бежали по мне, едва замечая меня. Один тиранидский воин задержался, и его когти пронзили мое плечо и бедро.

Боль снова была мучительно яркой. Боль и звук, ужасный звук рвущихся мышц и ломающихся костей. Боль и запах, смесь запаха моей крови и резкого, обжигающего зловония феромонов ксеноса. Боль и внезапное чувство отсутствия, *отделения* руки и ноги от тела.

Возвращались и другие воспоминания, более разрозненные и беспорядочные, но не менее ужасные — может быть, даже более ужасные. Вспышки выстрелов, свет и тьма, вопли и рев. Я то возвращался в сознание, то снова терял его. Мои последние воспоминания о солдатах, которые бросились мне на помощь и погибли, спасая своего полковника. Полковника, который подвел их.

Я пошатнулся, очнувшись снова в вестибюле перед Залом Суда, и вцепился в свою аугметическую руку. Моя искусственная нога, казалось, сейчас подкосится, хотя она стояла на палубе устойчиво. Я тяжело дышал, мои ноздри наполняло зловоние ксеносов и бойни. Мои глаза слезились, грудная клетка вздымалась, словно после тяжких усилий. Я зарычал — потому что иначе я бы завопил.

— Полковник, вы можете войти.

Эти слова вырвали меня из плена воспоминаний. Мои глаза прояснились. Бронзовые двери в Зал Суда были открыты. По обеим сторонам от них стояли два человека — один в форме Имперского Флота, другой майор Астра Милитарум — выживший офицер моего Солусского полка.

Я выпрямился, прочистил горло и кивнул майору. Его звали Хетцер. Он был одним из тех, кто спасал меня — и одним из немногих, кто при этом выжил.

Я перешагнул порог в Зал Суда. Четыре барельефных меча на потолке указывали на его центр, откуда взирал огромный череп. Зал был круглым, и я прошел к возвышению в его центре, встав на бронзовую аквилу, инкрустированную в мраморный пол, прямо под взглядом черепа.

Меня окружало кольцо кресел. Все они были заняты. Большинство присутствующих представляли офицеры Астра Милитарум, наиболее заметным из них был генерал Перевен

из Солусской Гвардии. Много было и офицеров Имперского Флота — все-таки суд происходил на их корабле. Были и другие. Был капитан Нумитор из 8-й роты Ультрамаринов. Я никогда не видел его раньше, но догадался, кто он. Мы все знали, что Ультрамарины сражались на Клоструме, хотя они были далеко от того боя, в котором сражался — и который проиграл — я. В первый раз я так близко видел одного из Адептус Астартес. Я показался себе ничтожным рядом с ним, ощутив нечто большее, чем просто стыд в присутствии такого возвышенного воина.

Рядом с генералом Перевенем сидела женщина в роскошных черных одеяниях, вытканых золотом. Она была очень старой. Тяжелая цепь с медальоном Адептус Терра, висевшая на ее шее, казалось, пригибала ее вниз, но взгляд ее глаз был пронзительным.

Перевен подтвердил мою догадку, представив капитана Нумитора. Женщину он представил как леди Арраск.

— Остальных вы знаете, — сказал генерал.

Я знал их. Я испытывал глубочайшее уважение к каждому из офицеров, присутствовавших в зале. И то, что они видели мое поражение, делало его еще более мучительным.

— Полковник Мейсон Штрок, — произнес Перевен. — Суд рассмотрел ваши действия в бою за Клострум. Вы понимаете ваше положение в этом деле?

— Да, сэр, — я выпрямился, глядя в точку на стене над головой генерала. — Я понимаю, что суд завершил работу и уже вынес решение. Я здесь для того, чтобы выслушать это решение, а не защищать себя.

— Хорошо, — сказал Перевен. — Прежде чем мы объявим решение, суд хотел бы услышать вашу оценку событий.

— Сэр, я командовал полком, которому была поставлена задача противостоять вторжению тиранидов и защищать мирное население улья Трондхейм. Я не выполнил эту задачу. Мой полк потерпел поражение, понес тяжелые потери, и улей Трондхейм был захвачен противником. Как и весь Клострум. После поражения сил Империи было принято решение об Экстерминатусе. Я не могу приводить оправдания относительно той роли, которую мое поражение сыграло в потере мира-кузницы. Каков бы ни был вердикт суда, я приму его с благодарностью и готов буду понести наказание.

Перевен поиграл стилусом в руках.

— Полковник, вы описали события точно, но ваш анализ их неверен.

— Сэр? — недоуменно спросил я.

— Вы достойно исполнили свой долг, — произнес Нумитор. — Успех был невозможен, хотя в начале боя никто из нас этого не знал.

— Вы замедлили наступление тиранидов, — сказал Перевен. — И выиграли достаточно времени, чтобы значительную часть населения улья Трондхейм эвакуировали с планеты, а также много ценных ресурсов. Полковник, вы будете награждены за ваши действия.

— Награжден... — тихо повторил я. Это слово оставило во рту привкус опилок.

— Хотя Клострум потерян, — сказал Нумитор, — крупное наступление тиранидов в этом секторе пространства Империи было остановлено. По крайней мере, пока. Вы были участником победы, полковник, а не поражения.

Вопли пожираемых солдат звучали в моей памяти, на мгновение заставив забыть, что я нахожусь в зале. Если там и была победа, я ее не видел.

— Вы сражались с большим упорством, — сказал Перевен. — Вы сражались хорошо,

полковник.

— Спасибо, сэр, — с трудом произнес я. Его похвала поразила мою душу, словно проклятье. — Я сделаю все, чтобы служить достойно, куда бы Империум не призвал солдат Солуса.

Мне стоило больших усилий произнести эти слова. На моем лбу выступили капли пота. Перевен обменялся взглядами с леди Арраск.

— Нет, — сказала представительница Адептус Терра.

— Что вам запомнилось во время отступления? — спросил генерал, прежде чем я успел что-то сказать.

— Очень мало, — признался я. — Полагаю, большую часть времени я был без сознания.

— Несмотря на ваши раны, вы были в сознании. Вы продолжали отдавать приказы.

— Осмысленные? — я повернулся к майору Хетцеру. Он выглядел смущенным.

— Говорите правду, майор, — сказал Перевен. — Вы не причините вред полковнику. Мы уже знаем ответ на его вопрос. А он нет, но он заслуживает знать правду.

Хетцер прочистил горло.

— Нет, сэр, — сказал он мне. — Большинство ваших приказов не могли быть исполнены.

— Хорошо, что у вас хватило здравого смысла не исполнять их, — грустно сказал я. — Я бредил из-за потери крови?

— По заключению медиков, лишь отчасти. Вы страдали от иной формы шока, полковник.

— Вы отдали полю боя все что могли, полковник Штрок, — сказала леди Арраск. — Вам больше нечего отдать.

Сказанное ею было правдой, и я это знал. Однако согласиться с этим казалось крайне унижительной слабостью.

Потом леди Арраск сказала:

— Но Империуму все еще нужна ваша служба.

Вспыхнула надежда. Я был готов согласиться на все, что позволило бы сохранить хоть каплю достоинства.

— Все, чего я прошу — лишь возможность служить, — ответил я.

— Расскажите нам о вашем родном мире, полковник, — сказала представительница Адептус Терра.

Я был удивлен, но начал рассказывать.

— Солус — аграрный мир. Его столица — Вальгааст, его крупнейший город. Его поставки Империуму составляют порядка двенадцати миллиардов тонн в год... — я остановился, чувствуя себя глупо. — Простите, леди Арраск, я не понимаю, чего вы хотите от меня.

— Вы сказали мне то, что я хотела услышать, — она взглянула на инфопланшет в руках. — Полковник, вы будете удивлены, если узнаете, что поставки десятины с Солуса уже какое-то время постепенно уменьшаются? И сейчас составляют менее десяти миллиардов тонн в год?

— Полагаю, что да, хотя уже много лет я не получал новостей с Солуса. Там были засухи?

— В пределах нормы. Сокращение поставок началось после смерти губернатора Леонеля Штрока.

— Мой дядя к концу жизни был настолько болен, что не мог заниматься управлением. Вот почему было учреждено регентство.

— Да, а под вашим управлением поставки выполнялись стабильно. Даже повышались. Но проблема не только в этом. Были выявлены доказательства появления продукции Солуса на черных рынках.

Я понял, куда клонит Арраск.

— Вы полагаете, что правящий совет коррумпирован.

— Да. Его члены участвуют в крупномасштабных спекуляциях.

— Леонель Штрок умер более тридцати лет назад. Проблема назревала так долго?

— Да, но совет был осторожен. Уменьшение поставок и нарастание спекуляций происходили постепенно, почти незаметно от года к году. Механизмы Администратума работают медленно. Лишь недавно был проведен аудит относительно поставок десятины с Солуса.

— Значит, совет далеко зашел в своих преступных действиях.

— Именно так. Прежде вы исполняли долг перед Империиумом на поле боя. Теперь обстоятельства изменились.

— Я больше не могу принести пользу в бою, — произнес я, с трудом сдержав горечь в голосе.

— Теперь это ваша новая кампания, полковник, — сказал Перевен.

— Мы полагаем, что попытка совета назначить нового лорда-губернатора является лишь вопросом времени, — продолжала леди Арраск. — До сих пор их сдерживало лишь ваше право на наследование этого титула. Но это не будет сдерживать их бесконечно. Вы должны вернуться на родину, *лорд-губернатор* Штрок. Примите титул, который является вашим по праву, и очистите совет от изменников. Вы должны вернуться домой.

Она посмотрела на меня, наблюдая, какой эффект произведут ее слова.

Домой. Я не знал, значит ли это слово что-то для меня сейчас. Я был там слишком давно. Я изменился. Солус тоже изменился, и не только в плане политической ситуации.

Домой. Я выбросил это слово как можно дальше из своего сознания. Но ненадолго. Вскоре оно вернется ко мне. И надо быть готовым к этому.

Сомневаюсь, что буду к этому готов.

— Благодарю вас, леди Арраск, — произнес я, подыскивая правильный ответ. Слова, произносимые мной, казались чужими, словно вместо меня говорил сервитор. — Я благодарен за это назначение.

В мыслях всплыло слово «искупление». Искупление чего? Какого греха? Или, может быть, это наказание? Может быть, этот суд наказал меня, даже не осознавая этого?

— Я верну Солусу утраченную честь, — нашел я подходящие слова.

— Не сомневаюсь в этом, лорд-губернатор.

Уже дважды она назвала меня так. Она подчеркивала мою новую роль. Я больше не должен был думать о себе как о полковнике Имперской Гвардии. Я возвращался к иной традиции моей семьи. Я был представителем знатного рода Штрок, и теперь мой долг перед Империиумом состоял в другом. Также леди Арраск напоминала мне о власти, которую она представляла. Генерал Перевен и другие старшие офицеры могли иметь власть надо мной в рамках Имперской Гвардии. Не в их праве было объявить меня лордом-губернатором. Даже претензии моей семьи на губернаторский титул, в конечном счете, основывались не на власти на Солусе. Каким бы законным ни казалось мое право на власть в традициях моего

родного мира, последнее решение оставалось за Адептус Терра. Леди Арраск могла дать мне власть и лишить ее своим словом.

Я отсалютовал Перевену, потом, поворачиваясь, приветствовал всех своих судей. Они смотрели на меня бесстрастно, выражения их лиц были безусловно нейтральны.

Хетцер и флотский офицер открыли передо мной двери зала.

«*О чем вы думаете?*», размышлял я, спускаясь с возвышения. Я не был осужден, напротив, получил похвалу. Но, как бы то ни было, я больше не был полковником. «*Что вы видите перед собой? Вы скрываете жалость? Благодарность за то, что вы не на моем месте? Презрение к моей слабости?*»

Я был рад не знать этого. Мне хватало и того презрения, которое я испытывал к себе. Что бы ни говорили мне, я презирал того офицера, который потерял улей Трондхейм. И я ненавидел то облегчение, которое испытывал, зная, что больше не вернусь на поле боя.

Эхо воплей пожираемых солдат снова стало громче. Я с трудом сохранял ровное дыхание и спокойный шаг. Я молил Императора даровать мне сил. Я до ужаса боялся, что воспоминания снова нахлынут на меня со всеми их кошмарами и стыдом, прежде чем я успею выйти из зала.

Я сумел выйти, сохранив достоинство, и, когда бронзовые двери закрылись за мной, издал долгий вздох облегчения. Я продолжал идти, шагая механически, словно все мои конечности заменили аугметикой, как будто это движение могло увести меня прочь от кошмаров. Я остановился в вестибюле перед окном левого борта. Мертвый мир медленно вращался под кораблем. Он был свободен от кошмаров, в нем не было теперь ни страха, ни надежды. В нем не было ничего. Я почти завидовал ему.

— Я буду скучать, сэр.

Я не заметил, что Хетцер следовал за мной. Я сумел не вздрогнуть от неожиданности и счел это своей маленькой победой.

— Спасибо, майор, — я повернулся к нему, отворачиваясь от зрелища мертвого Клострума. — Спасибо вам за все.

Его улыбку искажал страшный шрам, пересекавший его лицо. Это напоминание о спасении своего командира он будет носить до смерти.

— Для меня было честью служить под вашим командованием, сэр.

— И для меня было честью служить вместе с вами. Я благодарю Императора, что вы продолжаете службу и теперь возглавите полк. Вероятно, вам недолго осталось ходить в звании майора.

Он, казалось, смутился.

— Так мне сказали, — кивнул он.

— Я рад. Позвольте поздравить вас и назвать полковником, прежде чем мы расстанемся.

Мы пожали друг другу руки.

— Надеюсь, что ваше возвращение на Солус будет счастливым, — сказал Хетцер.

Я заставил себя улыбнуться — я совсем не был уверен, что мое возвращение будет счастливым. Я возвращался домой — к скорби и мучительной надежде. И я не знал, что хуже.

Той ночью мне снился день, когда я показал Мальвейль моим детям. Видение об их смерти, словно оживший труп, с жутким ревом поднялось из могилы воспоминаний.

Я проснулся, задыхаясь от ужаса. В моих ушах звучали вопли погибших товарищей.

ГЛАВА 2

Ворота Мальвейля были открыты, когда мы подъехали к поместью. Белзек, мой водитель, остановила машину, но я еще некоторое время сидел на заднем сиденье. Поместье так долго ждало своего нового господина, подождет еще немного. В последний раз, когда я видел Мальвейль, это зрелище было омрачено слезами моих детей, и память об этом не стерлась.

— Подъехать прямо к дому, лорд-губернатор? — спросила Белзек. Она тоже была ветераном Гвардии, уволенным из-за тяжелых ранений. Она имела звание сержанта и происходила из небогатой семьи, поэтому ее аугметика лишь позволяла ей как-то двигаться — не более того. Нижняя часть ее тела представляла собой платформу с мотором на гусеницах. Этот механизм хорошо входил в автомобиль, но за его пределами она могла лишь ползать на этих гусеницах. Такая жизнь была лучше, чем жизнь сервитора, но все же за ее службу это была недостойно малая награда.

— Нет, спасибо, — ответил я. — Я пройду пешком.

Я хотел почувствовать землю поместья, в первый раз по-настоящему познакомиться с Мальвейлем.

— Подожди здесь. Потом отвезешь меня в Зал Совета.

— Да, лорд-губернатор.

Я вышел из машины, захлопнув дверь. Автомобиль был старый и, насколько возможно, поддерживался в хорошем состоянии, хотя его мотор слишком громко рычал, и выхлопная труба изрыгала клубы синего дыма. Это была надежная машина, тяжелая и приземистая. Сила в ней преобладала над роскошью, и мне это нравилось. Это был сигнал о том, каким губернатором я собирался быть.

Я подошел к воротам, чувствуя себя крошечным рядом с древней стеной, окружавшей поместье. Массивная камнебетонная стена достигала пятидесяти футов в высоту и потемнела от времени. Пока Мальвейлем владели Штроки, стене не приходилось защищать поместье от нападений, но когда Леонель стал затворником, эта стена укрыла его от слишком любопытных и плетущих интриги. Железные ворота были почти такой же высоты, как и стена, каждый из их засовов достигал толщины более фута. Я вошел на землю поместья, которая теперь была моей, и ощутил силу стены за спиной.

Пусть Совет продолжает свои подлые интриги. Предательство, как бы глубоко ни укоренившееся в нем, вдруг показалось воистину слабым по сравнению с силой и властью, которую символизировал этот дворец на холме.

С внутренней стороны к стене примыкала кордегардия, ее островерхая крыша бросала глубокую тень на готические окна. Это был дом Рена Кароффа, управляющего Мальвейля. Он предлагал встретить меня у ворот, но я попросил подождать меня в самом доме. Мне требовалось провести некоторое время наедине с собой, чтобы подготовиться. Много изменилось с тех пор, как я стоял с Элианой и детьми у ворот поместья. Надежды умерли в

этих стенах. Это было не то возвращение, которое я когда-то представлял себе.

Но надежды не были реальностью. А именно с реальностью мне предстояло встретиться лицом к лицу.

Путь к вершине холма едва ли можно было назвать дорогой. Он петлял туда-сюда между входами в шахты и рудники. Покрывавший дорогу камнебетон был расколот и выворочен за столетия проезжавшей по дороге тяжелой техникой. Сейчас машины больше не ездили по ней, рудники были выработаны. Леонель не ремонтировал дорогу, и после его смерти она пришла в еще более запущенное состояние. Я шел между зияющими ямами и темными туннелями шахт, пробитых в каменном теле холма. Опустевшие рудники чернели, словно разрытые могилы. Здесь и там, будто покосившиеся надгробия, стояли ржавые краны и экскаваторы. День был прохладный, и северный ветер, не слишком сильный, но постоянный, с жутковатым свистом обдувал железные скелеты машин.

Когда я приблизился к вершине, старые рудники остались позади. Здесь были деревья, но все они давно умерли, убитые ядовитыми отходами, отравившими землю за столетия работы рудников. Полезные ископаемые были источником богатства и могущества нашей семьи, но ценой этого стала мертвая земля поместья. В этой земле не было красоты. Она была серой и твердой, окаменевшей. И хотя деревья были мертвы, они не падали. В своей окаменелой смерти они окружали Мальвейль, вытянув сухие ветви к свинцовому небу, словно пытаясь вцепиться в него, словно умоляя о чем-то.

Дом все больше и больше заполнял пространство передо мной, по мере того, как я поднимался к вершине. Иногда он скрывался за горой пустой породы, а потом появлялся снова, становясь еще больше. Мертвый лес укрыл его из виду, за острыми ветвями и кривыми стволами были видны лишь части дома. Потом я вышел из-за деревьев, и дом снова появился передо мной во всем своем величии.

«Теперь это твое. Это принадлежит тебе».

Почему-то мне было трудно поверить в это.

«Штроки принадлежат Мальвейлю».

Эта мысль была странной. Я попытался выбросить ее из головы, как глупую фантазию. Но она отказывалась уходить, потому что *была уверена в своей истинности*, и будто вгрызалась в меня.

Я попытался сменить тактику и думать по-другому.

«Хорошо. Мы принадлежим Мальвейлю. Это то же самое. Мы едины в своей силе и власти. Я возьму то, что принадлежит мне по праву рождения — и воспользуюсь этой властью, чтобы спасти Солус».

Мальвейль существовал задолго до того, как Штроки сделали его своей семейной резиденцией. Он был построен тысячелетия назад, его рождение терялось в тумане древней истории Солуса. Его стены были изъязвлены неумолимыми когтями времени. Мальвейль был здесь задолго до нас, и будет существовать после того, как род Штроков станет историей. Это был не пессимизм. Это был просто факт. Мальвейль не скрывал своего возраста. Более того, он казался даже старше, чем был, казался в чем-то даже будто древнее самого Солуса. И, несмотря на свою древность — а возможно, благодаря ей — он не казался дряхлым. Он был настолько же крепким, насколько старым. Он был вечным. Он никогда не падет. Я мог вообразить Мальвейль на поверхности Клострума после Экстерминатуса, стоящий вопреки царившему вокруг разрушению, переживающий миры, ибо он был неизменным фактом галактики.

Дом был длинным, тянувшимся далеко вправо и влево. Высокие и узкие стрельчатые окна казались суровыми глазами на мрачном бесстрастном лице. Вход охраняли две квадратные башни, на стенах с равными интервалами были установлены более узкие конические башни. С западной стороны, слева от меня, к главному дому примыкала самая большая башня. Она была круглой, массивной и выглядела заметно более старой, чем даже основное здание. Она казалась остатком какого-то еще более древнего сооружения, хотя при этом выглядела так, будто породила новый дом. Феррокритовые стены Мальвейля от времени стали темно-серыми, но большая круглая башня была полностью черной, словно превратилась в каменную ночь под тяжестью тысячелетий истории Солуса.

За моей спиной ветер шелестел в мертвых деревьях. Ветви скрипели, словно открывавшиеся двери в склеп.

Мальвейль не был гостеприимным домом. Его предназначение было не в этом. Большую часть своей жизни я считал, что его предназначение было в том, чтобы служить центром притяжения для семьи Штрок. Но теперь, стоя здесь, глядя на его суровый и безучастный облик, и пытаюсь приготовить себя к возвращению той мучительной скорби, которая неизбежно вернется, когда я войду в его двери, я понял, что эта мысль была заблуждением. Я держался за нее, когда служил в Имперской Гвардии, далеко от реальности Солуса. Я держался за эту ложь, потому что должен был за что-то держаться. Она давала мне утешение. Теперь я больше не мог верить в нее.

И снова я подумал о том дне, когда привел Катрин и Зандера посмотреть на Мальвейль. Я вспомнил, что Элиана сказала той ночью, когда мы наконец смогли успокоить детей. Мы уже готовились ложиться спать, краем уха прислушиваясь, не заплачут ли дети снова.

— Нам повезет, если мы обойдемся этой ночью без кошмаров, — вздохнул я.

— Я предупреждала тебя, — ответила Элиана. Откинув одеяла, она забралась на постель. — Чего ты ожидал? Что им очень захочется посетить волшебный замок?

— Нет. Конечно, нет. Я просто... — на мгновение я задумался, пытаюсь вспомнить, почему я решил, что посещение Мальвейля с детьми будет хорошей идеей. — Это их наследие. Это часть того, кто они есть. Важно, чтобы они это знали.

— Я согласна. Но только когда они станут старше.

— Теперь я это понимаю, — робко сказал я, ложась на постель рядом с ней. Я обнял Элиану и она прижалась к моей груди. — Я просто не думал, что дом может так напугать их, вот и все.

— Я люблю тебя, Мейсон, но как, во имя Императора, ты мог не знать, что этот дом напугает их?

Я не помнил, что ответил ей. Наверное, промямлил что-то глупое. Потому что ничего умного ответить было невозможно.

— Разве он не пугал тебя, когда ты был маленьким? — спросила Элиана.

— Нет.

— Даже в первый раз?

— Нет. То есть... — я замялся. — Наверное, нет. Я не помню, когда увидел его в первый раз.

— Ага.

Она улыбнулась, и мне нечего было сказать. Я вспомнил эту улыбку сейчас. Я хотел сказать Элиане, что она была права. Не потому, что она не этого не знала. Я хотел, чтобы она поняла, что *и я* это знал.

Это было бессмысленное желание. Оно лишь причинило новую боль. Столь же бессмысленно было стоять здесь, чего-то ожидая. Вероятно, ничего.

«Сделай это».

Я подошел ближе к входу, нависавшему, казалось, все выше и выше надо мной. Тяжелые дубовые двери открылись, и навстречу мне вышел Рен Карофф.

— Добро пожаловать в Мальвейль, лорд-губернатор, — сказал управляющий, низко поклонившись.

— Спасибо, Карофф. Рад тебя видеть.

С Леонелем я встречался лишь пару раз. Но Кароффа, напротив, я успел узнать достаточно хорошо за время своего регентства. Он был единственным контактом между Леонелем и внешним миром — тяжелый и неблагодарный труд, который Карофф исполнял с молчаливым и бесконечно терпеливым достоинством.

Он уже тогда был немолод, а сейчас стал глубоким старцем. Никто не служил Штрокам дольше, чем он. Увидев его, я в первый раз почувствовал, что вернулся домой. Несмотря на возраст, он стоял прямо. Он давно был лысым, на его лице, изрезанном глубокими морщинами, резко выделялись скулы и подбородок. Нависающий лоб затенял его глаза, из-за чего казалось, что он постоянно пребывает в глубоких раздумьях. Двигался он с аккуратной четкостью, сейчас он был медленнее, чем когда я видел его в последний раз — но при этом не казался дряхлым.

Карофф отошел в сторону и пригласил меня войти.

— Работа началась, как только мы получили весть о вашем возвращении... — начал он.

— Но еще многое предстоит сделать, — закончил я. — Нет необходимости извиняться. Я и не ожидал, что будет по-другому. Дом был пустым слишком долго.

— Да, мой лорд. Приятно будет увидеть его снова *живым*.

Эхо наших голосов раздавалось в вестибюле, отражаясь от мраморного пола и возносясь по широкой лестнице, которая поднималась вперед и налево, выходя на лестничную площадку. По обеим сторонам от лестницы были открыты двери в обширные залы. В зале слева стоял огромный обеденный стол длиной почти двадцать футов. Его темная блестящая поверхность отражала свет свечей, горевших в огромной железной люстре под потолком. Зрелище этого стола заставило меня задержаться на мгновение.

— Когда за этим столом последний раз принимали гостей? — спросил я Кароффа.

Он немного помедлил, прежде чем ответить.

— Ваша супруга принимала за ним гостей один раз, — сказал он, и я едва удержался, чтобы не вздрогнуть. — А до того... боюсь, не могу сказать, мой лорд. Это было слишком давно.

Я кивнул, и не стал говорить, что теперь это изменится. Я не собирался устраивать в Мальвейле роскошные приемы. В то же время мысль о том, чтобы обедать одному в этом огромном пространстве, была слишком тоскливой.

Столовая и находившийся справа от вестибюля парадный зал были тщательно прибраны. Но даже так их пространство наполняла атмосфера потускневшей былой роскоши. Картины на стенах потемнели, то, что было на них изображено, стало трудно различимым. Стены покрывали тончайшие паутинки трещин. Мальвейль мог стоять вечно. Он мог и разрушаться вечно.

Мы уже собирались подняться по лестнице, когда я вдруг остановился, услышав что-то странное.

— Здесь есть дети? — спросил я.

— Нет, мой лорд.

— Мне показалось, я слышал детский смех. А ты не слышал?

— Нет, мой лорд, — повторил Карофф. — В этом доме нет детей. Никто из слуг не приводит их сюда. Это не место для детей.

Он говорил с абсолютной убежденностью.

— Должно быть, мне просто показалось.

«Наверное, это всего лишь искаженное эхо», подумал я.

— Показать вам ваши апартаменты, мой лорд? — спросил Карофф.

Я кивнул, и мы стали подниматься по лестнице. Я обратил внимание, что деревянные ступени отлично отполированы. На затейливых узорчатых железных перилах не было пыли.

— Вы уже проделали впечатляющую работу, — сказал я.

Отовсюду в доме слышался приглушенный шум продолжавшейся работы слуг по превращению Мальвейля в функционирующую жилую резиденцию губернатора.

— Мы сосредоточились сначала на наиболее заметных или наиболее используемых участках, лорд-губернатор, — сказал Карофф. — Большая часть дома по-прежнему в сильно запущенном состоянии. Много комнат представляют собой, по сути, своего рода склады.

— Другими словами, они забиты всяким мусором?

— Да, а еще мебелью, коллекциями разнообразных предметов искусства и многим другим. Понадобятся годы, чтобы привести все это в порядок. Кроме того, там есть семейные архивы, мы не можем их касаться.

— Понятно. Элиана была здесь слишком недолго, чтобы исправить многое из того, что пришло в упадок при моем дяде...

Я упомянул имя Элианы почти случайно, и поспешил сменить тему:

— Насколько плохо шли дела при болезни Леонеля? — я имел некоторое представление об этом, работая с Кароффом во время своего регентства, но полагал, что полная картина была куда хуже того, что мне известно, а впоследствии стала еще хуже.

— Все было настолько плохо, насколько возможно, лорд-губернатор. Даже я многого не знал до смерти вашего дяди. В свои последние годы он редко выходил из своей спальни. Часто бывало, что он закрывал дом, не пуская туда никого, в том числе слуг.

— И даже вас не пускал?

— Да. Когда он умер, мы нашли его лишь спустя много дней.

Это была воистину скорбная мысль.

Никто из слуг, работавших в Мальвейле, не жил в его стенах. Даже управляющий Карофф жил в кордегардии, за пределами дома. Остальные же слуги все жили в Вальгаасте. Они приходили к воротам поместья на рассвете, и последние из них уходили обратно в город ночью. Так было уже многие поколения. Я сомневался, что кто-то знает ответ на вопрос, произошла ли эта традиция из уважения к частной жизни Штроков, или имела какую-то другую причину. Принимая во внимание часто довольно беспокойную историю моей семьи, я вполне мог представить, что в случае с Леонелем слуги в любом случае предпочли бы не оставаться в доме и хотя бы на время оказаться подальше от их безумного хозяина.

Я представил Леонеля, совсем одного в его огромном доме, бродившего по коридорам, словно призрак, и наконец умершего в полном одиночестве. О его смерти долго никто не знал — и никто не скорбел по нему.

А потом я невольно представил Элиану, тоже одну, поглощенную этой огромностью.

Еще один призрак, потерянный в темных лабиринтах Мальвейля.

Она переехала в Мальвейль после смерти Леонеля. Я был ближайшим живым наследником Леонеля, и поместье стало нашим. Но я не мог вернуться со службы в Гвардии, чтобы принять пост губернатора, и глава правящего совета Вет Монфор успешно блокировала все попытки назначить Элиану регентом-губернатором в мое отсутствие. Похоже, я оказался слишком успешным регентом. Теперь я понимаю, что мне стоило проявить большее подозрение относительно совета. Но все же, тот факт, что Элиана жила в Мальвейле, должен был напоминать совету о том, что Штроки все еще правят Солусом. Катрин и Зандер не сопровождали ее. Они тогда учились и жили в школе-пансионе, их образование должно было познакомить их с Солусом и подготовить к обязанностям, которые ожидали их как представителей правящей семьи. Они не возвращались в Вальгааст до ее смерти.

Это было слабое утешение. Но все-таки утешение.

Мы поднялись на второй этаж, где длинный коридор-галерея вел к персональным апартаментам. Стена была увешана портретами моих предков, почти скрытыми мраком. Зыбкие тени колыхались в пламени свечей. Окна в дальнем конце коридора едва пропускали свет пасмурного дня. Карофф привел меня к двери в восточном конце коридора, которая вела на еще одну лестницу. Теперь мы поднялись в одну из угловых башен, моя спальня располагалась на самом ее верху. Перед ее дверью железная лестница поднималась к люку, ведущему на крышу. Спальня занимала всю ширину башни. В стенах со всех четырех сторон были окна. В спальне было больше естественного света, чем я до сих пор видел во всем остальном доме, хотя стекла были толстые, старые и грязные. Вид, открывавшийся из окон на земли поместья, оказался довольно унылым. Вся местность вокруг была покрыта туманом.

Мебель тоже была старой, хотя и в хорошем состоянии. Центр комнаты занимала кровать с балдахином, и еще оставалось достаточно пространства для письменного стола в северо-восточном углу и пары глубоких кресел рядом с камином у западной стены. Пол покрывал роскошный ковер, сделанный в Донуме, в южном полушарии Солуса. На ковре была выткана история нашего мира и его вознесение к Свету Императора, исходившему из центра. Этот ковер стоил больше, чем все жилье, в котором жил я со своей семьей во время моего регентства.

Я посмотрел на кровать. После десятилетий сна на походных койках она казалась нелепо огромной.

И пустой.

— Это была комната моей жены? — спросил я.

— Да, мой лорд, — ответил Карофф. — Это традиционно комната хозяина поместья. Или вы желаете выбрать другую?

— Нет. Я просто хотел знать.

— Это не здесь она... — начал Карофф.

— Знаю, знаю. Спасибо, Карофф. Пока это все.

Карофф поклонился и вышел, оставив меня одного в комнате, которую я должен был разделять с Элианой. Я чувствовал ее близость, стоя здесь. И в то же время ее отсутствие было мучительно, словно клинок в груди.

— Прости, — сказал я вслух. Мой голос звучал приглушенно в мертвой тишине комнаты. — Мне очень тебя не хватает.

Тишина была тяжелой, словно обвинение.

Чувство вины следовало за мной, словно тень. Я подошел к южному окну и бросил взгляд на твердую землю внизу.

ГЛАВА 3

Я был снова спокоен и собран, когда Белзек везла меня по улицам Вальгааста к Залу Совета. Я прошел первое испытание из ожидавших меня по возвращении. Впереди ждал еще одно. Я не рассчитывал, что моя первая встреча с правящим советом пройдет гладко. Хотя это было еще не испытание. Я ожидал предстоящей схватки с нетерпением. Это было поле боя, на котором я намеревался победить. Я надеялся, что эта кампания заставит замолчать голоса мертвых, погибших на Клоструме. Настоящим испытанием будет встреча с Зандером. Он будет там.

Я встречусь со своим сыном, в первый раз за более чем тридцать лет.

— Вы считаете, Вальгааст сильно изменился, лорд-губернатор? — спросила Белзек.

— В чем-то. Но не так сильно, как я ожидал.

— Если позволите сказать правду, он изменился к худшему.

— Спасибо, что говоришь правду. Да, здесь стало хуже.

Хотя Вальгааст был самым крупным городом на Солусе, по имперским стандартам он был не таким уж большим. Население этого мира жило рассредоточенно, и большая часть его была занята в работе на крупных фермах. Численности населения не позволялось подниматься до уровня, при котором рост населенных пунктов угрожал бы сокращением ценных плодородных земель. Наборы в Имперскую Гвардию поддерживали численность населения на стабильном уровне.

Сам Вальгааст был домом для нескольких сотен тысяч человек. Это был самый важный транспортный узел на планете, отсюда осуществлялся экспорт продукции Солуса в другие миры Империи, управление поставками и выплатой десятин. Также в городе располагались высшие эшелоны администрации, управляющей фермами. Здесь решались споры между крупными аграрными сообществами и устанавливались показатели производительности на основании региональных условий. Здесь сосредотачивалось богатство мира, и похоже, что за годы моего отсутствия это богатство все больше сосредотачивалось в руках немногих.

Общественные сооружения находились в запущенном состоянии. Дороги, по которым мы ехали, не были должным образом отремонтированы. Здания выглядели более грязными, закопченными, обветшавшими.

— Судя по тому, что я вижу, — сказал я, — совет мог бы стараться и получше, не так ли?

Белзек только фыркнула.

— И пожалуйста, — добавил я. — Продолжай говорить правду.

— Очень многие сказали бы, что совет и так слишком старается.

— Стараются для себя, ты имеешь в виду?

— Да, лорд-губернатор. Особенно они стараются выжимать богатство из всех остальных в свою пользу. Но когда нужно что-то отремонтировать, всегда найдется важная причина, почему это невозможно. Ресурсы ограничены. Средства нужны на многое другое. Мы все должны терпеть и трудиться изо всех сил, потому что Империя ведет войну.

— И я не сомневаюсь, что все терпят и трудятся, — кивнул я. — Кроме, возможно, членов совета?

— Уж им-то не приходится затягивать пояса, лорд-губернатор. Определенно нет. Как и их друзьям.

— Крупным землевладельцам?

— Да, мой лорд.

— И, тем не менее, поставки продукции с Солуса продолжают снижаться?

— Прямо мистика какая-то, — криво усмехнулась Белзек.

Индустриальный район, разросшийся у подножия холма, на котором стоял Мальвейль, превратился в город-призрак с тех пор, как истощенные рудники закрылись. В упадке этой отрасли, честно говоря, не было вины совета. Мы ехали по изрытым ухабами улицам между пустыми корпусами мануфактуров. Некоторые фабрики еще работали, их трубы извергали черный и бурый дым, но таких было меньше половины.

Дальше пошли жилые районы. Расположенные ближе всех к мануфактурам были темными и тесными трущобами. Чем дальше мы уезжали от мануфактуров, тем богаче выглядели районы вокруг. На фасадах домов вместо грязи были видны украшения, и жители выглядели явно более состоятельными. Но и здесь улицы были узкими, их ширины едва хватало для проезда машины, здания стояли очень тесно, словно сбившись вместе в ожидании зимы.

Вальгааст находился далеко к северу от экватора Солуса. Влажный климат, благодаря которому земля была плодородной, в месяцы после сбора урожая делал погоду в городе сырой и холодной.

Мы проехали мост над медленно текущей рекой Обливис, и оказались в административном районе города. В его центре возвышался собор Веры Беспощадной, стоявший напротив Зала Совета на площади Щедрости Императора. Белзек высадила меня перед богато разукрашенным фасадом Зала Совета. Главный вход украшало крылатое воплощение Жатвы Войны. В одной руке статуи был серп, в другой меч, у ног ее лежали колосья пшеницы, а над ней распростерла крылья золотая аквила.

Поднимаясь по ступеням к входу, я бросил взгляд на двуглавого орла. Его размеры и величественность укрепили мою решимость. Золото напомнило мне о том, с чем я собирался бороться. Аквила была здесь задолго до регентства, но сейчас она казалась символом тщеславия и лицемерия членов правящего совета. Они клялись служить Императору. Но вместо этого служили золоту.

Часовой из милиции СПО отсалютовал мне и открыл передо мной медные двери. На камни площади начали падать первые капли дождя. Я вошел внутрь.

В вестибюле раздавалось гулкое эхо, его сводчатый потолок поднимался на десять этажей, пересекаемый арочными галереями. Передо мной поднималась большая мраморная лестница, по обеим ее сторонам грозно взирали два огромных крылатых черепа.

У подножия лестницы меня ждала глава совета, Вет Монфор.

— Спасибо, что пришли на встречу, старший советник, — сказал я.

Она вежливо и холодно улыбнулась.

— Мне кажется, такая встреча не соответствует важности события. Возвращение на Солус лорда-губернатора спустя столько лет следовало бы отметить соответствующе.

— Полагаю, оно отмечено соответствующе, — сказал я. — Я здесь, чтобы заниматься делами, а не тратить время на церемонии. Было бы неправильно начинать мое правление таким образом, который не соответствует его цели. Не так ли?

Она слегка поклонилась.

— Как пожелаете, лорд-губернатор. Пойдем?

Мы поднимались по мраморной лестнице вместе — два врага, изучающие один другого.

Монфор была, вероятно, на десять лет старше меня. Ее длинные седые волосы были стянуты в строгий узел. Лицо ее избороздили морщины опыта, и это был опыт продажности и порочности, столь долго составлявших наследие ее семьи, что они являлись почти предметом гордости. Ее нос сгнил, и из носовой полости тянулась длинная дыхательная трубка, сквозь горло уходящая в бионическую гортань. Голос ее был аристократическим, но безжизненным и с металлическим отзвуком. Она владела своим монотонным голосом, словно рапирой. Шагая, она опиралась на украшенную бриллиантами трость, стуча ее наконечником по мраморному полу с хозяйской твердостью.

Во время своего регентства я старался как можно меньше иметь с ней дел. Наши семьи имели долгую историю вражды. Монфоры были самым могущественным родом на Солусе, пока богатство, полученное от разработки полезных ископаемых, не привело на вершину власти их соперников Штроков. Монфоры так и не простили нам захват власти на Солусе — власти, которую они по праву считали своей. Пока Леонель был еще жив, я не обладал полной властью лорда-губернатора. Прямая конфронтация с Вет Монфор была бы контрпродуктивной, а давняя вражда наших семей заставляла бы наш конфликт выглядеть как сведение личных счетов. Возможно, так оно и было. Но тогда она не была так сильна, как сейчас, и я мог обойти ее. Я не тешил себя иллюзией, что смогу поступить так же сейчас.

— Полагаю, — сказала Монфор, — было бы слишком оптимистично надеяться, что мы сможем работать вместе иначе как друг против друга.

Ее рот изогнулся в насмешливой улыбке.

— Не вижу причин, почему бы и нет? — отразил я этот выпад. — Разве мы с вами не служим Императору? Разве не желаем благополучия Солусу?

— О, конечно, — кивнула она. — По крайней мере, я надеюсь на это. Конечно, некоторые из моих коллег советников могут усомниться, стоит ли доверять... постороннему человеку.

— Вы меня позабавили, старший советник.

— Рада слышать.

Монфор привела меня на самый верхний этаж, где находилась зал Внутреннего Совета. В совете в его полном составе собирались представители всех регионов Солуса. Но полностью совет собирался больше для рассмотрения жалоб, чем для чего-либо еще. Фактическое управление планетой находилось в руках небольшого числа самых могущественных и влиятельных семей Солуса.

В зале над собравшимися висели знамена аграрных районов Солуса. На стенах были укреплены гербы знатных домов, в их геральдике преобладали различные варианты изображений жатвы и плуга. Сходство изображений на знаменах и гербах указывало на связь между знатными родами и аграрными районами. Это было очень близко к истине. Корни

знати Солуса уходили глубоко в плодородную почву нашего мира, и власть не могла с легкостью перейти от одного дома к другому. Возвышение Штроков приобрело почти мифический статус, потому что это была первая и единственная столь крупная перемена во власти за многие столетия истории Солуса.

Кресла членов совета располагались полукругом, в центре которого стоял трон лорда-губернатора, так долго пустовавший. Справа от него стояло кресло старшего советника.

«И снова Штроки отстраняют от власти Монфоров». Я постарался, чтобы эта мысль не отражалась на моем лице.

Двери, в которые мы вошли, располагались в противоположной стороне от губернаторского трона. Остальные места были заняты. Восемь представителей самых знатных родов Солуса встали, приветствуя нас — и внимательно нас рассматривая. Я ответил столь же пристальным взглядом, изучая, какие силы мне противостоят. Некоторых из них я знал давно. Информацию о других тщательно изучал во время моего полета обратно на Солус.

Войдя со мной в зал, Монфор остановилась.

— Уважаемые члены совета, — объявила она, — сегодня воистину день радости! Необходимость в регентстве наконец закончилась. У Солуса снова есть лорд-губернатор. Представляю вам лорда-губернатора Мейсона Штрока. Да будет его служба Императору долгой.

— Да будет его служба Императору долгой, — повторили члены совета.

Я подошел к губернаторскому трону, повернулся, все еще стоя, и кивнул совету.

— Благодарю вас за теплый прием, — сказал я.

Мы все лгали друг другу. Поддерживать видимость вежливости было необходимо, по крайней мере, пока. Мне было нужно освоиться и изучить обстановку, прежде чем я пойму, какое действие следует предпринять, когда и против кого.

— Кроме того, я благодарю вас всех за долгую и терпеливую службу Солусу, — мне было трудно не позволить проявиться гневу, который я испытывал. — Я занимаю пост лорда-губернатора с благодарностью и решимостью верно служить Императору. Администратум направил меня с целью обеспечить выполнение особых задач, которые Империиум ожидает от Солуса.

«Я низвергну ваши гнилые трупы с гор награбленных вами богатств».

— Я уверен, что с вашей помощью смогу выполнить эти задачи.

«Я не ожидаю, что вы раскаетесь в своих преступлениях. Но если вы научитесь бояться меня больше, чем Монфоров, возможно, я позволю вам жить».

Раздались вежливые аплодисменты, и мы сели на свои места. На двух членов совета я смотрел особенно внимательно, чтобы понять, как они восприняли мою речь. Одна из них — Адрианна Вейс. Она улыбалась мне. Из всех присутствующих здесь, похоже, только она была искренне рада меня видеть. И судя по всему, она поняла все, что скрывалось за моими словами.

И еще здесь был Зандер.

Когда я последний раз видел его, мой сын был достаточно маленьким, чтобы нести его на руках. Я едва узнавал его в том мужчине, который небрежно развалился в кресле с железной спинкой. Он смотрел на меня с праздным любопытством. Он не казался враждебным. Он казался скучающим. Его костюм, очень изысканно пошитый, казалось, был выбран с таким старанием, что у его обладателя осталось мало сил на остальные дела. Его

волосы и борода были пострижены и причесаны с щепетильной безупречностью. Он выглядел как человек, который с нетерпением ждал возможности отправиться куда-то в другое место, гораздо более интересное, чем то, где он был сейчас.

Я призвал совет к порядку и сделал вид, что полагаюсь на опыт Монфор.

— Буду признателен старшему советнику Монфор, если она ознакомит нас с повесткой дня. Я рассчитываю на ваш опыт и не сомневаюсь, что вы сообщите мне все, что мне нужно знать.

Это была моя разведка. Я изучу это поле боя, прежде чем идти в атаку.

Дела, предстоявшие нам, оказались вполне обыденными. Это были несколько небольших юридических споров и вопрос об ассигновании бюджетных средств на ремонт канализации Вальгааста, что показалось мне довольно забавным. Противник словно предвидел, что я буду озабочен состоянием общественных сооружений.

За все время обсуждения этих вопросов Зандер не сказал ничего. Он лениво сидел в своем кресле и выглядел все более скучающим и нетерпеливым.

— Есть еще один вопрос, — сказала Монфор, когда заседание совета уже подходило к концу. — Советник Трефехт обратила наше внимание на это дело, и пусть она расскажет о нем подробнее.

— Спасибо, старший советник, — ответила Марианна Трефехт. Она была примерно одного возраста с Зандером и вместе с ним являлась самой младшей из членов совета. Хотя она не выглядела скучавшей. Скорее она выглядела голодной.

— Мне неловко признаться в этом, лорд-губернатор, и стыдно за то, что мы обнаружили это только сейчас. Были обнаружены значительные объемы нелегальной торговли в аграрном секторе Росала.

— Вот как? — спросил я, изо всех сил стараясь изобразить интерес. — И насколько велика эта проблема?

— Расследование все еще ведется. Но я уверена, что мы ликвидируем ее очень скоро.

— Рад это слышать. Пожалуйста, информируйте совет об успехах расследования.

Я бросил взгляд на Монфор. *«А ты не глупа»*. Была ли это просто попытка помешать моему расследованию, прежде чем оно начнется, или же это было еще и предупреждение?

«Ты хочешь показать, как много ты знаешь? Я принимаю вызов. И одержу верх над тобой».

Заседание было закончено. Члены совета стали покидать зал, и Зандер лениво встал со своего кресла и направился ко мне.

— Оставлю вас наедине, — усмехнулась Монфор.

— Отец, — сказал Зандер. — Я рад видеть тебя.

— И я.

Наступило мгновение тишины. Зандер улыбнулся.

— Да, — сказал он. — Как-то неловко встретились.

— Трудно найти что сказать после такого долгого расставания, — согласился я.

Он пожал плечами.

— Мы и не должны ничего говорить, если сказать особо нечего. Мы не можем притворяться, что знаем друг друга.

Он не был настроен враждебно. Напротив, казалось, его все устраивало.

— Возможно, мы стали чужими за столько лет, — сказал я. — Но мы одной крови. А это что-то да значит. И я надеюсь, что мы не останемся чужими.

— Это было бы здорово, отец, — ответил Зандер, улыбнувшись с таким выражением, словно я сказал, что предпочитаю один сорт амасека другому.

— Я рад, что ты так думаешь, — продолжал я. — Потому что мы будем еще часто видеться. Нам предстоит много трудной работы.

— *Много работы?*

Я не был готов к такому вопросу, и особенно к тому, как он был задан. В тоне Зандера слышалось чистое и простодушное удивление и огорчение. По крайней мере, в тот момент это убедило меня, что Зандер — если только он не был отличным актером — совершенно не знал, чем занимаются другие члены совета. Но преобладающим чувством, охватившим меня, было глубокое разочарование. Зандер выражал изумление, что вообще нужно что-то делать — и страх, что ему лично придется приложить усилия.

Раньше я думал, почему Монфор не нашла способ удалить из совета представителя Штроков. Теперь я знал почему.

— Да, — сказал я, с трудом скрывая отвращение. — Нас ожидают великие дела.

— О... — он помолчал, словно подыскивая причину, почему он может быть освобожден от работы. Наконец он пожал плечами. Возможно, он просто покорился неизбежному. Или, может быть, решил жить текущим мгновением. Я не требовал от него усилий прямо сейчас, значит, об этой проблеме можно было пока не задумываться.

Потом он сменил тему:

— Ты еще не встречался с Катрин?

— Нет, — я боялся, что эта встреча может быть куда более болезненной, чем встреча с Зандером. У меня не было душевных сил встретиться с обоими моими детьми сразу же после моего возвращения на Солус. — Я свяжусь с ней завтра.

— Думаю, она будет рада, что ты вернулся, — произнес Зандер еще одну бессмысленную банальность.

— Было бы здорово, — ответил я тем же.

— Ну, тогда я пойду, — он снова улыбнулся. — Увидимся, отец.

Он повернулся и вышел, прежде чем я успел ответить. Он так спешил к своим развлечениям. Я смотрел ему вслед, напоминая себе, что он мой сын и его стоит спасти.

«Лучше праздность, чем измена. Подумай об этом».

Когда я вышел из зала, у лестницы меня ждала Адрианна Вейсс. Я был до слез рад ее видеть. Она усмехнулась и подняла бровь.

— Ну? — спросила она. — Устроим попойку в большом доме сегодня ночью?

— Несомненно.

Мы втроем собрались в Мальвейле этим вечером, встретившись в библиотеке. Она располагалась в конце восточного крыла на первом этаже. Ее собрание книг было огромным, полки, полные старинных томов, тянулись от пола до потолка. Корешки книг были все еще покрыты густым слоем пыли, их не касались десятилетиями. Но под наблюдением Кароффа слуги начали наводить здесь порядок. Я сидел с двумя своими старыми друзьями, удобно устроившись в тяжелых креслах, расположенных полукругом. В библиотеке было тепло, амасек был прекрасным, и мы смотрели, как капли ночного дождя стекают по окнам. Сквозь тучи в небе едва заметно светилось тускло-желтое сияние азотной атмосферы Люктуса, большой луны Солуса.

В первый раз за этот день я расслабился. Никогда еще после Клострума я не чувствовал себя так легко.

— Тебе предстоит трудный путь, — сказал кардинал Кальвен Ривас.

— Да, будет нелегко, — подтвердила Вейсс, прежде чем я смог ответить. — Но ты нам нужен.

— А мне будет очень нужна ваша помощь, — сказал я.

— Мы поможем, — заявил Ривас. — Всем, что в наших силах.

Вейсс, Ривас и я выросли вместе. Их судьба была определена с самого рождения, куда более четко, чем моя, и они с усердием выполняли свой долг. Адрианна Вейсс, старшая наследница своего дома, управляла им с честью, с тех пор, как унаследовала место главы. Ривас, также первенец в своей семье, последовал традициям служения Экклезиархии, принятым в его роде. Я доверял им обоим, потому что хорошо знал их, и никакое самое долгое расставание не могло изменить этого. Хотя прошло много лет с тех пор, как я в последний раз видел их, мы так легко снова вошли в компанию друг друга, словно не виделись лишь пару дней.

У Адрианны Вейсс были необычно большие глаза. Они смотрели на мир пронизательным и оценивающим взглядом. Как и Вет Монфор, она была очень прагматична и не строила иллюзий. Но, в отличие от Монфор, она не использовала свой ум для удовлетворения худших своих инстинктов. Единственное излишество, которое она позволяла себе — роскошь в одежде. Ее длинные черные волосы, едва начавшие сесть, были убраны под затейливо украшенный головной убор, чей переплетающийся золотой и багряный узор дополнял черный и алый цвета ее платья с высоким воротником. Украшавшие головной убор длинные перья патаарки слегка покачивались при движении. Эта ее театральность была в чем-то ироничной, словно показная роскошь символизировала все соблазны, которым Адрианна противостояла, и была зримым упреком Монфорам, которые были врагами ее семьи, так же, как и моей. Клан Монфор был зловонным болотом. А дом Вейсс — оплотом против скверны. Они давно были соперниками Монфоров. Когда Штроки возвысились, дом Вейсс приветствовал наш приход к власти, и с тех пор поддерживал нас.

За многие годы я встречал экклезиархов, которые были настоящими образцами веры — и других, которые были позором Имперской Церкви, погрязших в море политических махинаций. Кальвен Ривас, несомненно, относился к первым. Хотя он вполне понимал, что человеку его положения невозможно держаться в стороне от политики. Ему совсем не нравились грязные реалии власти, но он никогда не отворачивался от того, что необходимо было сделать, всегда действуя на пользу Имперскому Кредо. Он был высоким и всегда слегка склонялся вперед, словно постоянно проявляя интерес к чему-то. Если Вейсс смотрела на мир с ироничным весельем, то Ривас был настроен меланхолично.

— Как прошла встреча с детьми? — спросил он.

Я уставился в свой кубок, подыскивая подходящий ответ.

— Ты же видел их?

— Катрин еще не видел. Может быть завтра.

— Зандер был на заседании совета, — сказала Вейсс.

— Он вел себя... учтиво, — пожал плечами я.

— Лучше учтиво, чем нет, — Вейсс потянулась к бутылке на низком столике. — Что ты думаешь о своей первой встрече с советом?

— Думаю, что вы мои единственные союзники здесь, — ответил я, вспомнив

настороженные лица членов совета. — Я прав? Все настолько плохо?

Вейсс кивнула.

— Я боролась с Монфор и продолжаю бороться с ней, но до сих пор наверху была она. И никакой возможности сбросить ее — она сумела добиться, чтобы у остальных членов совета были все основания поддерживать ее. — Вейсс предостерегающе подняла палец. — Она опасна, Мейсон. Очень опасна. Невозможно преувеличить угрозу, которую она представляет.

— Спасибо за предупреждение. Скоро она увидит, что я не менее опасен.

— Уж постарайся.

Я заставил себя задать следующий вопрос:

— Зандер тоже одна из ее креатур?

— Нет, я так не думаю. Он... — Вейсс на мгновение замолчала. — А у тебя какое сложилось о нем впечатление?

Я поморщился.

— Похоже, он слишком ленив, чтобы участвовать в коррупционных схемах.

— И мне так кажется. Он достаточно богат, чтобы развлекаться в свое удовольствие.

— И незачем утруждаться, чтобы стать еще богаче... — мрачно вздохнул я. Воистину печально, если участвовать в предательстве не позволяет всего лишь лень.

— И снова, лучше пусть так, чем иначе, — негромко сказала Вейсс. — Монфор не подпускает его к важным делам, и он, похоже, вполне этим доволен. Ты можешь это изменить. Он все-таки твой сын. Трудно поверить, что кровь Штроков настолько слаба в нем. Его сестра не такая.

— Верно, — кивнул Ривас. — Она исполняет свой долг достойно.

— Я слышал о ней, — сказал я. Катрин служила инструктором в Схоле Прогениум в Вальгаасте. Я гордился ею настолько же, насколько был разочарован Зандером.

— Почему ты с ней еще не встретился? — спросил Ривас.

— В последний раз я связывался с ней, когда умерла Элиана. Катрин ясно дала понять, что больше не хочет со мной разговаривать. Это было давно...

— Но кажется, что совсем недавно, да? — спросила Вейсс.

— Да.

— Как ты сам себя чувствуешь после возвращения? — поинтересовался Ривас.

Я вздохнул.

— Мне казалось, что будет немного легче от того, что у меня не было воспоминаний о том, как я жил в Мальвейле вместе с ней. Но увы. Это тяжело.

— Император направит тебя, — заявил Ривас.

— Мне воистину нужна Его помощь.

Еще через час я попрощался с ними, пожелав им доброй ночи. И когда я закрыл за ними дверь, то в первый раз оказался в Мальвейле совсем один. В наступившей внезапной тишине я приготовился, что на меня вновь обрушатся воспоминания о Клоструме. Днем мне помогала загруженность делами. Но ночей я научился бояться до ужаса. Я ожидал, что сон будет недолгим и полным кошмаров. Я знал, что когда останусь один, крики умирающих солдат вновь раздадутся в моем разуме.

И, когда я отвернулся от двери и стал подниматься по ступенькам, мертвые снова воззвали ко мне. В мои мысли хлынули ужасные картины Клострума, бесконечного потока чудовищ и льющейся крови. Но они не заставили меня остановиться. Мальвейль не исчезал

из моего восприятия. На этот раз я не погрузился до конца в мучительные отзвуки памяти своего поражения. Воспоминания были, но они не обладали той же силой, что раньше, потому что они были не одни. Их сопровождали другие воспоминания о других потерях. Тишина Мальвейля была словно наполнена эхом всех утрат моей жизни. И самой мучительной из них была скорбь о смерти Элианы. Она будто накрыла меня. Каждая секунда, которую я проводил в этом доме, могла быть секундой, в которую я мог бы быть с Элианой — но не был с ней.

Мы были украдены друг у друга, и я не знал, почему. Я не знал, как она умерла.

К тому времени, когда я поднялся по ступенькам, тишина в доме казалась иной. Это было уже не безмолвие. Это был словно белый шум — как будто все мои утраты сразу оглушительно вопили от боли. Это была стена в воздухе, сжимавшаяся вокруг меня, пока я уже не мог дышать.

Я бросился бежать по коридору, и приступ головокружения обрушился на меня. Я не испытывал его с того дня, как посетил Мальвейль с детьми, но сразу узнал это ощущение. Пол превратился в тонкий лед — и угрожал превратиться в разреженный воздух. Я пошатнулся, мое тело инстинктивно искало твердую землю — но ее не было.

Шатаясь, я схватился за голову.

— Прекрати, — сказал я себе, надеясь, что звук моего голоса изгонит эту вопящую тишину. — Прекрати!

Я вложил всю силу воли в этот приказ, но моя душа отказывалась повиноваться, и головокружение становилось только хуже. Казалось, сейчас я провалюсь сквозь пол и полечу вниз и вниз, к самому ядру Солуса. Все было нереальным. Реальными были только утраты и горе.

Я остановился, оперся о стену и закрыл глаза.

— Хватит, — произнес я. — Хватит.

Я продолжал повторять это слово, пока не смог сосредоточиться на его звуке, реальном звуке моего голоса. Белый шум стал уменьшаться, и пол под ногами становился более твердым.

Шатаясь, я направился к двери своей спальни. Голова все еще кружилась, и эхо скорби рыдало где-то на краю памяти. Делая глубокие вздохи, я старался успокоить бешено колотившееся сердце.

Но я не испытывал удивления. Я ожидал чего-то подобного.

«Ты знал, что эта первая ночь будет нелегкой. И следующая ночь тоже. И ночь после нее. Это часть твоего боя. Часть твоего покаяния».

— Император защищает, — прошептал я, собираясь с духом. — Император хранит.

Я преодолел последний пролет лестницы почти не шатаясь, и вошел в спальню. Сразу же я рухнул в кровать, чувствуя, что одержал маленькую победу, поборов головокружение и воспоминания.

Но воспоминания еще не были побеждены. Они лишь ждали, пока моя защита вновь ослабеет. Я жаждал сна — и боялся его. Я снова начал делать глубокие вздохи, прислушиваясь к их звукам, держась за их ритм, словно они могли заглушить тот белый шум, угрожавший затопить мою душу.

Потом я заснул. Я провалился в сон. Провалился в кошмар, и это был кошмар падения.

Элиана падала.

Я видел, как она прыгнула с башни, и в этом видении она была не одна. Она держала за

руки Катрин и Зандера, которые были еще детьми. Маленькими детьми, которые никогда не станут взрослыми, потому что их мать схватила их и потянула за собой с башни. Они падали вместе с ней — и они кричали. Их лица заслонили все остальное перед моими глазами. Лицо Элианы было бесстрастным. Она падала молча, не издавая ни звука, ее губы были сжаты, а мертвый взгляд устремлен на приближавшуюся землю. Катрин и Зандер вопили, их лица были искажены ужасом и горечью предательства.

Это сновидение было самым живым и ярким из всех, что я видел. Я чувствовал порыв ветра, когда моя жена и дети падали с башни. Вопли детей пронзали мой слух. Я видел, как развеивается их одежда при падении.

Я чувствовал, что и сам пытаюсь завопить, но мог только молчать в ужасе. Однако при этом я знал, что это сон. Какая-то крошечная часть меня понимала, что это не реально, и что этот ужас закончится, прежде чем моя жена и дети ударятся о камни.

Такова была природа кошмаров. Так им не позволялось свести нас с ума.

Треск удара разбудил меня. Теперь я мог кричать.

ГЛАВА 4

Оставшуюся часть ночи я не спал. Я сидел у окна и ждал наступления дня, преследуемый воспоминаниями, словно коварными хищниками. Кошмар нависал надо мной, будто дьявольское подводное течение тянуло мои мысли назад, к воплям падающих детей и тошнотворному хрусту костей от удара о камни. Сон был ярким, словно реальное воспоминание, и пугающим, как правда. Когда я пытался выбросить его из головы, меня затягивала темная гравитация Клострума.

Ночь была долгой. Я молился, но хотя произносил слова вслух, не мог на них сосредоточиться. Когда наконец за окном начал сереть утренний свет, и можно было разглядеть капли дождя на стекле, я облегченно вздохнул.

Я едва не заснул снова, успокоенный дневным светом. Но я воспротивился этому соблазну. У меня были обязанности. У меня была гордость. Я не подчинюсь более слабой части себя. И буду спать ночью. Я научусь нормально спать снова.

Я оделся и, спускаясь из своей башни, услышал, как в Мальвейль входят слуги и приступают к дневной работе. Я задержался на втором этаже, давая время кухонной прислуге приготовить мне завтрак. За это время я осмотрел другие комнаты в этом крыле. Некоторые из них были совсем пустыми, с голыми полами, и стенами, лишенными украшений. Вероятно, из-за того, что Леонель делал в них, единственным способом сделать их вновь пригодными для использования было полное очищение. Ближе к центральной лестнице оказалась пара спален, еще обставленных мебелью. Но и они производили впечатление мучительно пустых.

Карофф нашел меня в комнате, ближайшей к лестнице. Кровать, кресла и гобелены в ней были темными, но общее впечатление от нее было скорее теплым, чем мрачным.

— Желаете завтракать, лорд-губернатор? — спросил управляющий.

— Да, — рассеянно сказал я. — Эту комнату надо использовать. *Мальвейль надо использовать.*

— Мой лорд? — удивленно переспросил Карофф.

— Вы проделали хорошую работу, — сказал я. — Надо сделать еще кое-что. Я хотел бы, чтобы вы скорее подготовили эту комнату и ту, что рядом с ней.

— Конечно, мой лорд. Могу я узнать, каких гостей мы ожидаем?

— Со временем мы можем ожидать много гостей. Я надеюсь на это. Но эти комнаты не для них. Я хотел бы, чтобы вы подготовили их для моих детей.

Карофф удивленно посмотрел на меня.

— Они поселятся в Мальвейле?

— Я собираюсь пригласить их сюда.

— Ясно, мой лорд, — он нахмурился, явно взволнованный.

Я положил руку на его плечо.

— Я точно знаю, о чем говорю, — сказал я. — Они могут не принять приглашение сейчас или вообще никогда. Но мы будем действовать в уверенности, что они примут приглашение. В конце концов, это дом Штроков. Он должен иметь возможность принять всю семью.

Какова бы она ни была. Ни у Катрин, ни у Зандера не было детей. Были другие родственники, другие ветви семьи Штроков, рассеянные по всему Солусу. Если мой род прервется, другая ветвь Штроков займет его место, как я занял место Леонеля, умершего, не оставив наследников.

— Я прослежу, чтобы комнаты подготовили, лорд-губернатор, — сказал Карофф.

— Благодарю вас.

Теперь от меня зависело, чтобы усилия Кароффа и слуг не пропали даром.

Я вернулся на Солус с надеждой не только восстановить экспорт продукции на прежний уровень. Я не был уверен, надеялся ли я исцелиться. Не знал, возможно ли это. Но я все же думал о том, кто станет моим наследником. И я скучал по своей семье. По той, какой она была. И хотел удержать то, что еще осталось от нее.

Я начал спускаться по ступеням. Карофф шел на шаг позади меня.

— Вы хорошо спали, мой лорд? — спросил он.

Он говорил с таким искренним беспокойством, что я ответил честно:

— Это была трудная ночь.

— Вероятно, нужно будет немного привыкнуть, — он говорил так, будто просил меня подтвердить это. — Вам давно не приходилось жить в таком просторном доме.

— Именно так.

Я бы хотел, чтобы он оказался прав.

Я велел Белзек везти меня к Схولة Прогениум. Комплекс аскетичных зданий Схолы располагался примерно в миле к западу от площади Щедрости Императора. Река Обливис огибала Схолу с трех сторон, словно ров, изолируя ее от города, не жившего по суровым принципам этого учебного заведения. На каждом из четырех углов главного здания Схолы возвышались круглые башни. Оно было массивным и мрачным, что придавало ему облик настоящей крепости дисциплины. Его рокитовые стены не потемнели от времени. Они были черными изначально. В облике Схолы не было ничего доброжелательного, и именно так и должно было быть. В нее принимали осиротевших детей офицеров и дворян, детей,

потерявших всех, кто мог бы их защитить. Схола превращала их из уязвимых в сильных. Превращала их в штурмовиков, комиссаров и офицеров. Делала их несокрушимым основанием Астра Милитарум.

В вестибюле, словно крепостная башня, возвышалась круглая стойка из черного мрамора. Сидевший за ней солдат был, как и Белзек, ветераном, потерявшим большую часть своего тела на поле боя. Из его плеч тянулись многосуставчатые аугметические руки, один его глаз был бионическим, и, всматриваясь в меня, светился тусклым красным сиянием. Узнав меня, солдат улыбнулся, и встал бы, если бы у него были ноги.

— Полковник! — воскликнул он. — То есть, лорд-губернатор, прошу прощения...

— Все в порядке, солдат. Я еще сам не привык к своему повышению.

Он благодарно поклонился.

— Это честь для меня, мой лорд. Я служил под вашим командованием на Эпсилоне Фрурос.

— Там мы одержали великую победу.

— Да, мой лорд, воистину так.

— Я пришел, чтобы встретиться с инструктором Катрин Штрок.

Солдат на мгновение выглядел изумленным, словно только сейчас понял, что мы с Катрин родственники.

— Конечно, мой лорд, — он сверился с инфопланшетом. — Ее лекция по истории скоро закончится. Послать за ней?

— Нет, спасибо. Я к ней приду.

— Да, мой лорд.

Солдат повернулся к сервочерепу, висевшему над стойкой.

— История, Штрок, — сказал он.

Сервочереп пискнул, из его рта появилась пергаментная лента с руническим кодом. Солдат оторвал ее. Рядом со стойкой замер в расслабленной позе сервитор. Солдат вставил ленту с кодом в щель на затылке сервитора, и тот ожил, и отвернувшись от стойки, покатился на своих гусеницах. Я последовал за ним.

Сервитор повел меня по лабиринту коридоров Схолы Прогениум. Мы проходили мимо многочисленных амфитеатров для лекций, дверей, ведущих на площадки для тренировок и в спальни. Наконец сервитор остановился у входа в зал на четвертом этаже. И пока я шагал за ним, мне все больше казалось, что встречаться с Катрин не столь уж хорошая идея. Эта встреча будет куда более трудной, чем с Зандером. Он и я стали просто чужими друг другу. Катрин же разорвала связи со мной. Много раз я раздумывал над тем, что мог бы сказать ей — и каждый раз отбрасывал эти предположения. Все это казалось чем-то неуместным. Слишком долго мы не виделись. Разрыв между нами был слишком велик.

Я заглянул в дверь, располагавшуюся в нижней части амфитеатра, и поднял взгляд на ряды скамей, на которых в напряженном внимании сидели студенты. Перед ними, шагая по амфитеатру, читала лекцию Катрин.

— Итак, чему учит нас Эпоха Искупления? Она учит нас тому, что воля Императора в конце концов восторжествует над всякой формой ереси и отступничества. Тому, что искупление возможно. Но также она показывает нам путь к искуплению. Искупление может быть достигнуто лишь огнем, кровью, и истреблением еретиков и предателей. Эпоха Искупления учит нас тому, что милосердие хуже, чем слабость. Оно есть преступление против Императора. Если проявить милосердие хотя бы к одному еретику, это может стать

преддверием нового Царства Крови. Те, кто проявляет милосердие, проявляют тем самым нерешительность своей веры. На поле боя нерешительность означает смерть. Она означает поражение. Она означает бесчестье. Если после того, что мы узнали сегодня, среди вас есть кто-то, кто еще верит в милосердие, то знайте, что от меня вы милосердия не увидите.

Ее волосы были такого же рыжеватого цвета, как у ее матери, но у Катрин они были коротко подстрижены. Взгляд, которым она смотрела на студентов, был суровым и мрачным. В своей черной форме и сапогах с каблуками, стучавшими по полу, словно барабан перед казнью, она была воплощением безжалостности Схолы Прогениум. Она держалась необычно прямо, благодаря металлическим креплениям, поддерживавшим ее позвоночник. Высокий воротник, поддерживавший ее шею, еще больше усиливал впечатление от ее властного облика.

Я видел, что она гордится тем, какая служба ей выпала. Но я знал и то, что это была не та судьба, которую она сначала выбрала для себя. Несмотря на наше отчуждение, она решила пойти по моим стопам и поступила на службу в Имперскую Гвардию.

Когда Леонель умер, и наследование перешло к моей ветви рода Штрок, мои дети были автоматически исключены из призыва на службу. Но это не означало, что они не могут поступить в Имперскую Гвардию добровольно. Зандер, разумеется, не собирался этого делать. Но Катрин пошла служить добровольцем, как только достигла совершеннолетия. И там на тренировке она сломала позвоночник. Травма была слишком серьезной, чтобы она могла продолжать службу. Могла бы помочь бионика, но ее сочли слишком большим расточительством для того, у кого нет боевого опыта.

Катрин не могла служить Империи в бою. И она обратила свою энергию на подготовку будущих офицеров — тех, кто мог сражаться. Наблюдая за ней, я ощущал гордость, забывая о своей боли.

Лекция закончилась. Студенты вышли через двери на верхних этажах амфитеатра. Катрин подошла к кафедре и собрала свои записи.

— Привет, отец, — сказала она, не оборачиваясь. Я даже не знал, что она заметила меня.

Я вошел в аудиторию.

— Привет, Катрин.

Она подошла ко мне, остановившись на формальном расстоянии.

— Я слышала о сражении за Клострум, — сказала она. — Я рада, что ты выжил.

Это было лишь дежурное приветствие. Ее слова звучали неискренне, и я видел в ее глазах все то же осуждение.

Этого осуждения я и боялся, потому что оно отражало мое чувство вины. После смерти Элианы Катрин враждебно относилась ко мне, и я подумал, что причины ее гнева могли измениться. Теперь она обвиняла меня в том, что я остался жив? Или в том, что я вернулся?

— Скажи, — продолжила она, — ты благодарен за то, что выжил, когда столь многие из твоих солдат погибли?

Теперь она говорила искренне. Любезности кончились, и я только что услышал, что она думала о милосердии.

— Я благодарен, что еще могу служить Императору, — сказал я. — И только за это.

Я тоже говорил абсолютно честно.

Она кивнула.

— Мы должны служить Императору как можем, пусть и не так, как мы выбирали.

Она направилась к выходу, и мы вышли из аудитории.

— Ты видел Зандера? — спросила она.

— Да.

— И как он?

— А ты не знаешь?

Катрин покачала головой.

— Мы с ним не общаемся.

— Почему?

Она посмотрела на меня, словно я шутил. Но я не шутил. Я не хотел больше недосказанности. Наша семья потеряла и так слишком много — и особенно много было потеряно времени.

— Если вы не общаетесь, — сказал я, — то я хотел бы знать почему.

— Хорошо. Я не разговариваю с ним потому, что не знаю, что случилось с его чувством чести. Или чувством стыда, если уж на то пошло.

— Да, похоже, он забыл о таких вещах, — согласился я. — Но я намерен помочь ему снова обрести чувство чести.

— Не думаю, что он захочет принять твою помощь.

— У него не будет выбора. Я не позволю совету продолжать дела по-прежнему. Именно это — моя главная задача на Солусе. В этом моя служба Императору.

— Я думала, ты будешь служить как *лорд-губернатор*, — заметила она с оттенком презрения. Я мог взглянуть на себя ее глазами. Командир, отстраненный от командования и покинувший поле боя, чтобы наслаждаться привилегиями, полагавшимися ему благодаря его происхождению. Я не мог ее винить. То же самое я видел в зеркале.

— Должность губернатора для меня лишь средство в достижении цели, — сказал я. — Совет коррумпирован. Я призван стать очистительным пламенем. Я собираюсь сделать Солус достойным того, чему ты учишь здесь.

— Надеюсь, ты сможешь это сделать, — теперь ее голос звучал менее враждебно. Я чувствовал, что она хотела поверить мне.

Мы расстались у ее кабинета.

— Я хотел бы увидеться с тобой снова, — сказал я. — Я предпочел бы, чтобы мы не были чужими.

Она, помедлив немного, кивнула. Я кивнул в ответ и повернулся, чтобы уйти. Но едва я успел сделать пару шагов, как она спросила меня:

— Ты скучаешь по ней?

Я обернулся. *Ты скучаешь по ней?* Я пытался найти слова, чтобы ответить, но все, что приходило на ум, казалось безнадежно банальным и никак не способным выразить ту страшную пустоту, которую создало в моей жизни отсутствие Элианы.

Мое молчание и было тем ответом, который искала Катрин. Она кивнула снова, более мягко. Мы разделили это мгновение общей потери, и расстояние, разделявшее нас, казалось, стало немного меньше. Я подумал, что смог заглянуть за воздвигнутую ею стену дисциплины, и в то же время почувствовал, что теперь лучше понимаю Зандера. Мои дети, каждый по-своему, укрылись от терзавшей их боли потери. Зандер погрузился в распущенность, а Катрин нашла убежище в стенах Схолы Прогениум. Они были там, где, как они верили, им больше не придется испытывать эту боль.

Кто я был, чтобы пытаться вытащить их из-под воздвигнутой ими защиты? И нужно ли

было это делать?

Может быть. Может быть. Я думал, что попытаться стоит, и думал, что это действительно необходимо.

Я ушел, не сказав ничего о Мальвейле. Потом еще будет время — более подходящее — чтобы пригласить ее. Но я покинул Схолу Прогениум с несколько большим чувством надежды. Я верил, что мы можем снова стать семьей, и сделать наш род снова сильным — сильным настолько, насколько должен быть правящий дом Солуса.

Я улыбнулся солдату у входа, проходя мимо него. Улыбка была искренней. Я не мог вспомнить, когда в последний раз она была такой.

— *Росала?* Они сказали, что обнаружили нелегальную торговлю в Росале?

Эрнст Штаваак, начальник Адептус Арбитрес, начал смеяться. Вскоре он просто хохотал, стуча кулаком, похожим на молот, по исцарапанной поверхности своего письменного стола.

Мы были в его кабинете на верхнем этаже высокой башни в центре базы Адептус Арбитрес в юго-западном районе Вальгааста. Окна были грязными, и вид, открывавшийся отсюда на город, был довольно мутным. Я с трудом мог разглядеть силуэт собора и Зала Совета. Собственно, я пришел сюда, чтобы подготовить мой первый удар против Вет Монфор и ее союзников.

Прошла почти минута, прежде чем Штаваак наконец перестал смеяться.

— Прошу прощения, лорд-губернатор, — сказал он, вытирая слезы, выступившие от смеха. Его широкое лицо было еще больше изборождено шрамами, чем его стол.

Я махнул рукой и откинулся на спинку стула.

— Если это хорошая шутка, я хотел бы понять, в чем она заключается. Или она была на мой счет?

— Боюсь, что так. Но я бы не слишком беспокоился. Вряд ли большинство людей за пределами самой Росалы и этого здания смогли бы оценить ее.

— И в чем же она?

— Обнаружить черный рынок в Росале все равно, что объявить, что зимой бывает сыро.

— Вот как. И это общеизвестный факт?

— Не совсем. В самой Росале да, это общеизвестный секрет. А за ее пределами... — Штаваак пожал плечами. — Я бы сказал, что если кто-то об этом знает, значит, он в этом участвует.

Хоть какое-то утешение. Это означало, что можно было не удивляться, почему Вейсс не упомянула об этом. В обозримом будущем я должен был ко всему происходящему здесь относиться с подозрением. Но я не хотел, чтобы оно переросло в тотальную паранойю.

— Могу я узнать, почему ничего не было сделано с нелегальной торговлей в Росале, если ее объемы столь высоки?

— Местные законы не входят в сферу ответственности Адептус Арбитрес, — напомнил Штаваак.

— Даже когда их нарушение влияет на способность планеты выполнять свои обязательства перед Империем?

— Это вопрос баланса и ресурсов. Росала — большой аграрный сектор.

Это действительно было так. Росала занимала около половины небольшого континента в южном полушарии.

— И вы считаете, что проблема слишком велика, чтобы ее решить, и лучше ее игнорировать?

— Вовсе нет, — ответил Штаваак. — Или, по крайней мере, больше нет. Но советник Монфор и ее союзники были осторожны. Во всем, что не касалось поставок сельскохозяйственной продукции с Солуса — а собирать информацию относительно их уровня не в нашей компетенции — они не делали ничего, что препятствовало бы верной службе этого мира Империи. И это они устанавливают законы на Солусе. У нас не было возможности вмешаться, не дестабилизировав при этом работу правительства.

— Но теперь ситуация изменилась.

Штаваак ухмыльнулся.

— Вы лорд-губернатор. Теперь ваше слово закон.

Я тоже улыбнулся.

— Думаю, мы сможем продуктивно сотрудничать ради блага Солуса.

— Надеюсь, что так. Вы понимаете, что ваши действия могут вызвать... определенные волнения?

— Я был направлен сюда искоренить коррупцию. Это приказ Адептус Терра.

— Это хорошо.

— Значит, вам известно, что советник Трефехт участвует в нелегальной торговле в секторе Росала?

— Участвует? Она ее контролирует.

— Еще лучше.

— Что вы намерены предпринять? — спросил Штаваак.

— Наказать ее в назидание другим.

Тем вечером я вернулся в Мальвейль с чувством, что сумел действительно продвинуться по пути к своим целям — и официальным, и личным. Поднявшись в свою комнату, я сел за письменный стол, решив занять работой время до ужина и как-то отвлечься от воспоминаний.

Но это не помогало. Мой взгляд снова и снова возвращался к окну, выходящему на юг. Наконец я сдался. Выйдя из комнаты, я поднялся по лестнице к люку, ведущему на крышу, и помедлил, прежде чем открыть его.

«Что ты надеешься узнать?»

«Ничего».

Хотя, вопреки здравому смыслу, я все же надеялся что-то узнать.

«Чем это поможет тебе достигнуть поставленных целей?»

«Ничем».

Но тем не менее, я открыл люк и поднялся на крышу. Там была узкая круглая площадка на вершине шпиля. Ограждение высотой до пояса выглядело как дурная шутка. Я посмотрел вниз. Земля отсюда казалась гораздо дальше, чем из окна моей спальни. Голова закружилась. Камни внизу манили меня своей загадкой.

«Ты хочешь знать, как умерла Элиана? Это надежный способ узнать».

Я моргнул, стряхнув с себя это наваждение.

«Спускайся отсюда. Это бессмысленно».

Я спустился обратно, сказав себе, что на этот раз буду работать, но вместо того, чтобы вернуться за письменный стол, я направился на первый этаж. Я подчинился

иррациональному импульсу пойти туда, куда упала Элиана, и посмотреть вверх, на то место, где она стояла перед смертью.

Я был уже на полпути по лестнице на первый этаж, когда услышал детский смех.

Я удивленно остановился. Вообще-то я верил Кароффу, что никто из слуг не приводил сюда своих детей. И в то же время я был уверен, что смех мне не послышался. Я затаил дыхание, внимательно прислушиваясь и пытаюсь услышать что-то еще кроме звуков уборки и ремонта, продолжавшихся в доме.

Смех раздался снова, за ним последовал смех будто другого ребенка. Смеялись два голоса, как мне показалось, где-то на первом этаже. Я поспешил по ступенькам. Смех словно заманивал меня глубже в лабиринты огромного дома, дальше от залов южной стороны.

Я шел по коридорам, в которых еще не был, следуя за эхом. Смех снова и снова звучал где-то за следующим углом, где-то у порога следующей комнаты. Дети словно бежали. И, хотя я шел быстро, но не мог их догнать. При этом я не слышал никаких шагов. Звучал только смех, словно серебряный колокольчик, заманивая меня все дальше.

Скоро я оказался в той части дома, где работы по уборке и ремонту еще не начались. Двери, мимо которых я проходил, вели в темные комнаты, забитые всяким хламом. Я различал во мраке силуэты огромных куч каких-то вещей, возвышавшихся, словно холмы. Каждый раз, когда я останавливался, смех звучал снова, и я снова шел за ним.

Я спрашивал себя, может быть, я воображаю этот смех? Воспоминания о Клоструме, мучившие меня, были невыносимо реальными, вопли погибавших солдат звучали, казалось, наяву. Но когда я вспоминал о Клоструме, то не слышал детский смех. Нет, он явно звучал откуда-то извне, было слышно, как его эхо отражается от стен. Иногда он звучал громче, иногда более приглушенно. Этот смех не был порождением моего разума.

«Хорошо, если так». Потому что, если это не так, то значит, я утратил способность различать реальность и фантазию, и действительно непригоден к службе — ни к какой.

Наконец смех привел меня в небольшой зал, тоже превращенный в склад для всякого старья. Хлам, скопившийся за многие годы, был свален на полу в беспорядочные кучи. Я с трудом пробирался между этими завалами. Мебель, портреты, статуи, канделябры и стопки журналов громоздились повсюду вокруг. Я проходил мимо сундуков с одеждой, обувью, ящиков с какими-то письмами и гор прочего разнообразного хлама. Я словно попал в подземную пещеру, свет фонарей здесь был очень тусклым. Я мог видеть перед собой не больше чем на фут. Тропинка между грудями старья терялась в сером мраке. Горы забытых и ненужных вещей маячили в темноте, словно готовые вот-вот рухнуть.

Смех прекратился, когда я вошел в зал. Возможно, дети спрятались. *Или, может быть, их здесь и нет.* Я не знал, какой из этих вариантов был менее пугающим.

Вдруг мое внимание привлек знакомый силуэт. Он был наполовину зарыт в груде вещей слева от меня, и здесь было так мало света, что я легко мог не заметить его — но все-таки заметил.

Это была механическая модель звездной системы Солуса, маленький планетарий, сделанный из хрусталя и бронзы. Моя рука задержалась над силуэтами планет, выступавшими из горы хлама. Я знал это устройство потому, что оно не принадлежало Леонелю. Это была вещь Элианы, и она являлась неотъемлемой частью нашего жилища. Я смотрел на нее, почти ожидая, что ее силуэт растворится в тенях. Я забыл о смехе, который привел меня сюда, и пытался понять смысл того, что видел перед собой.

Понять было нетрудно. Труднее было принять.

Я привык к мысли, что Леонель оставлял больше и больше вещей из своей жизни в этих комнатах — заполняя их настолько, что жить в них стало невозможно. Но, если это был наш планетарий, значит, Элиана делала то же самое.

Сколько же это продолжалось?

Груда хлама, в которой он лежал, была довольно далеко от входа в зал. И планетарий был в ней не на самом верху.

Что еще из нашей с ней жизни я найду здесь?

Карофф избавил меня от возможного ответа на этот вопрос.

— Лорд-губернатор? — позвал он.

— Я здесь, — отозвался я.

Планетарий не исчез. Значит, он не был моей галлюцинацией.

Карофф прочистил горло.

— Ваш ужин готов, мой лорд.

— Спасибо. Сейчас приду.

Я задержал взгляд на планетарии. Надо будет прийти сюда завтра, и взять с собой фонарь. Хотя едва ли меня порадует то, что я здесь найду.

Смех не возвращался. Я повернулся, чтобы уйти, и уже готовился смириться с нелегкой мыслью, что мои чувства обманывают меня. И тогда я увидел их — прямо передо мной, скрытых в тених, у края горы хлама. Они стояли так тихо, что я прошел мимо них, даже не заметив.

— Катрин? — прошептал я. — Зандер?

Они смотрели на меня, их глаза были словно черные провалы в бесконечную ночь. Они были детьми, которых я оставил, не теми взрослыми и чужими мне людьми, с которыми я встречался вчера и сегодня. Их бледные, словно молоко, лица будто светились во мраке. Их губы были раздвинуты в печальной и торжественной улыбке.

Они были неподвижны, словно мертвые.

Я охнул, по спине побежали мурашки. Я застыл так же неподвижно, как мои дети.

Только это не были мои дети. Это были две фарфоровые статуи, изображавшие детей, которые умерли — если они вообще когда-то жили — поколения назад. Подойдя ближе, я увидел, даже при столь тусклом свете, крошечные трещины на фарфоровых лицах и щербинки на одежде. У мальчика не было руки, от его левого запястья остался лишь пустой обрубок.

Я пошел обратно к коридору, шагая как можно быстрее.

«Глупость», думал я. «Все это глупость. Я устал, мне нужно отдохнуть. Это все, и этого достаточно».

Я знал, что я прав. И все же я испытал облегчение, когда увидел, что Карофф ждет меня в дверях. И когда мы пошли в обеденный зал, мне пришлось сделать усилие, чтобы не прислушиваться, ожидая услышать смех.

Хотя толпы были гораздо меньше, когда я на следующий день подъехал к Залу Совета, на площади Щедрости Императора было еще много народу. Я пообещал себе, что добьюсь, чтобы им сегодня было чему радоваться.

Заседание совета началось с того, что, как мне объяснили, было последней фазой затянувшейся тяжбы между двумя небольшими аграрными секторами Джерноа и Фрайн. Ни один из них не был настолько значительным, чтобы иметь представителя во Внутреннем совете. Спор об административных границах секторов длился уже более пятидесяти лет и касался трех мега-ферм, разделенных этими границами. Ни один из секторов не владел фермами полностью. Фактически в одном случае Фрайн настаивал на передаче Джерноа большей части одной фермы. Похоже, сами мега-фермы здесь не имели особого значения. Судебная тяжба между аграрными сообществами представляла собой запутанную смесь местных законов, старинной клановой вражды и традиций, происхождение которых терялось в истории, таким образом, этот процесс мог быть бесконечным. Насколько я мог сказать, сама эта тяжба уже почти стала одной из этих самых традиций. Чем больше советники разъясняли мне суть разногласий между секторами, тем больше я был склонен не вмешиваться и позволить этому бессмысленному процессу следовать дальше по пути в никуда. Я понял, что целью всего этого было представить мне дело, в равной степени сложное и при этом не являющееся важным, и запутанное до полной бессмысленности.

По мере того, как заседание продолжалось, я чувствовал, что во мне нарастает злость. Зандер даже не пытался скрыть скуку, и наконец задремал в своем кресле. Вейсс почти ничего не говорила, но мы с ней обменялись понимающими взглядами. Монфор тоже молчала. Я видел, что она наблюдает за мной.

Я позволил разъяснениям и дебатам продолжаться, пока не был полностью уверен, что дал достаточно времени на подготовку того, что я задумал, и то, что мне нужно, уже ожидает за дверями зала.

Наконец я сказал:

— Позвольте высказаться кратко. Стороны ожидают от меня решения сегодня?

— Собственно, нет, лорд-губернатор, — ответил Амир Боканта, представитель Гренфереса, крупного аграрного сектора, расположенного по соседству с судившимися сообществами. — Я полагаю, они ожидают подтверждения серьезности дела и обещания, что в связи с его важностью, этому спору будет уделено соответствующее время и внимание.

— В этом можете не сомневаться, — отрезал я. — Я подпишу официальное объявление, где все это будет подтверждено. А теперь, — продолжил я, прежде чем Монфор успела поставить на повестку следующее столь же бессмысленное дело, — я хотел бы вернуться к тому важному вопросу, который мы обсуждали на предыдущем заседании. Советник Трефехт, как продвигается расследование по нелегальной торговле в секторе Росала?

— Лорд-губернатор, прошло только два дня, — сказала она, словно объясняя простейшую вещь непонятливому ребенку. — И эта проблема лишь недавно привлекла наше внимание. Я полагаю, мы должны проявить терпение.

— Нельзя проявлять терпение к измене и коррупции, — заявил я. — И я не намерен их терпеть.

— Мы, конечно, можем действовать на основании того, что нам известно, — сказала Трефехт. — Можем провести демонстрацию силы.

— Отличная идея, — кивнул я, и возвысив голос, приказал:

— Арбитратор, можете приступать!

Двери в зал Внутреннего совета распахнулись, и вошел Штаваак, сопровождаемый двумя бойцами Адептус Арбитрес. Зандер, вздрогнув, проснулся. Монфор выглядела по-настоящему испуганной.

— Лорд-губернатор... — начала она.

— *Нет*, — ответил я.

Арбитры подошли к Трефехт. Она вскочила в смятении, вся ее властность исчезла.

— Марианна Трефехт, — объявил Штаваак. — Вы арестованы по обвинению в измене и саботаже военных усилий Империи.

— Это просто смешно... — сумела произнести она.

— У вас будет еще много времени, чтобы рассказать нам, насколько это смешно, — сказал Штаваак.

Арбитры надели на нее наручники и вывели из зала. Штаваак, проходя мимо меня, кивнул. Мы оба подумали об одном и том же.

«Вот мы и начали».

Я объявил о завершении заседания. Поднявшись со своего трона, я встретил молчанием растерянные и испуганные возгласы советников. Из моих врагов молчала только Монфор. Она сумела восстановить контроль над собой, и теперь переводила взгляд то на меня, то на своих креатур. Теперь я не рассматривал других советников иначе. Они не просто были ее союзниками. Они не действовали без ее одобрения. Своими возмущенными криками они лишь проявляли слабость. Это был вой страха и бессильной злобы. Они ничего не могли сделать, чтобы помешать происходящему, когда одну из них арестовали — и это приводило их в ярость. Но Монфор лишь наблюдала. Я видел такое выражение лица и раньше. Я видел его на лицах моих лучших офицеров, способных составлять самые смертоносные планы, когда мы разрабатывали стратегию очередного наступления.

Монфор ушла, не сказав ни слова, и ее уход стал сигналом для остальных прекратить бесполезную болтовню и следовать за ней. Они бросились к выходу. Монфор безмолвно вышла из зала, словно серая тень с тростью.

Зандер все это время сидел неподвижно, широко раскрыв глаза. Если у меня и были какие-то сомнения относительно его невиновности, то теперь они должны были окончательно рассеяться при виде его потрясенного изумления. Не думаю, что он был настолько наивен, чтобы считать, что советники не могут быть предателями. То, что я видел, было, вероятно, результатом его полного отсутствия интереса к делам. Он так старательно уклонялся от всякого труда и ответственности, что теперь просто не мог понять происходящее.

Вейсс, пронаблюдав за концом этого спектакля, повернулась ко мне, на лице ее отразилось сомнение.

Несколько минут спустя мы с ней вышли из зала совета, дав остальным время уйти. Их уход был похож на бегство — тем лучше.

— У тебя больше страсти к театральным эффектам, чем я думала, — сказала Вейсс.

— Я научился этому на поле боя, — ответил я. — То, насколько сильным считает тебя противник, может значить не меньше, а то и больше, чем действительность.

— Она смогла сохранить спокойствие, — заметила Вейсс. — Это Монфор хорошо умеет.

— Думаю, все-таки это было для нее неожиданно.

— Может быть, но это не значит, что ее можно легко запугать. Не стоит недооценивать врага.

— Полагаю, что уж этой ошибки я не совершу, — я подавил дрожь при воспоминании о тиранидах. — Но ты считаешь, что мне следовало подождать?

— Да, пока у нас оказалось бы больше доказательств и средств давления на нее. Мейсон, ты здесь лишь несколько дней.

— Предпочитаю считать, что я действовал быстрее, чем она успела подготовиться.

— В таких делах она всегда наготове. Ты раскрыл карты слишком быстро. Она найдет способ использовать против тебя то, что ты сделал сегодня.

Когда мы вышли из здания, площадь оказалась пустой, за исключением наших двух машин и их водителей.

— Она уже нашла... — прошептала Вейсс.

Я оглядел пустую площадь вокруг.

— Всем внезапно стало скучно? — спросил я.

— Это первый ответный ход Монфор, — ответила Вейсс. — Это *ее люди*. Она велела им приветствовать тебя, и они приветствовали тебя. А теперь она велела им исчезнуть, и... — Вейсс щелкнула пальцами.

— Впечатляюще, — кивнул я. — Ты права. Она тоже умеет использовать театральные эффекты.

— Это лишь одна причина, по которой я призываю к осторожности. Ты не понял, о чем я только что сказала?

— Что тут были ее люди?

— Не только эти. Здесь вообще все — ее люди. Они *не твои*. Возможно, *возможно*, если бы ты правил здесь все эти годы, они были бы твоими. Но сейчас ее щупальца проникли повсюду. И эта борьба будет для тебя нелегкой. Монфор и ее круг контролируют все аспекты жизни на Солусе. Они невероятно богаты, но она умеет заставить их быть и очень щедрыми, когда нужно. Это не просто несколько человек, попавших во власть, направляют поставки не туда, отдавая приказы ничего не знающим подчиненным.

— Надеюсь, ты не считала, что я так думаю.

Вейсс продолжала так, словно я ничего не сказал.

— Коррупция здесь повсюду. Она охватывает все на Солусе. Пропавшие поставки не все вывозятся с планеты. Есть торговцы, которые имеют больше товаров, чем должны, и эти товары доступнее, чем следовало бы.

— Полагаю, что Монфор позаботилась, чтобы никто не голодал во время засухи.

— Голодали куда меньше людей, чем если бы поставки по десятине были выполнены полностью. Нам с тобой понятна необходимость идти на жертвы. Но о ней легко забыть, когда у кого-то оказывается больше еды, чем ожидалось. И вот результат, — Вейсс указала на пустую площадь. — У тебя есть власть, чтобы править. А у нее есть средства.

— Значит, я должен лишиться ее этих средств. Я не люблю жестокость, но не остановлюсь перед ней ради блага Солуса и Империиума.

Вейсс вздохнула.

— Очень надеюсь, что это тебе не понадобится.

— Я тоже на это надеюсь. Как думаешь, насколько далеко она посмеет зайти?

— Настолько далеко, насколько потребуется, чтобы нанести поражение тебе и сохранить свою власть.

Я нахмурился, обдумывая наихудшие сценарии.

— Она пользуется влиянием среди милиции Солуса?

— Мои связи в военных кругах ограничены, но полагаю, что да — до определенной степени. Насколько в точности сильно это влияние, я не знаю, и это меня беспокоит.

Обдумав это, я покачал головой.

— Это не важно. У ее власти есть пределы. Восстание вызовет вмешательство Астра Милитарум. Не думаю, что она этого хочет. Это станет концом для нее.

— Ей не нужно будет восстание, если она сможет избавиться от тебя.

— *Я надеюсь, что она попытается,* — произнес я с внезапным ожесточением, удивив себя и шокировав Вейсс.

— Что ты задумал? — спросила она.

— Еще не знаю, — я вздохнул несколько раз, успокаиваясь. Но я сказал то, что сказал, и говорил это вполне серьезно. И только сейчас понял, почему. — Возможно, свершить справедливость.

— Я не понимаю.

— Не было никакой причины, почему Элиана должна была оказаться на крыше той башни. Ей незачем было подниматься туда. Идти туда — это напрашиваться на падение, и я поднялся на крышу лишь потому, что туда поднималась она. Иначе я вряд ли бы даже заметил тот люк. Так почему она там оказалась?

— Мейсон... — прошептала Вейсс.

— Нет. Я отказываюсь признать, что она сама прыгнула с крыши. Зачем? Она не была самоубийцей.

— Ты думаешь, Монфор убила ее?

— Элиана мертва. Дети слишком молоды, чтобы править. Я покинул Солус, возможно, навсегда. Все это должно было облегчить ее приход к власти. Не так ли?

— Да, — согласилась Вейсс. — Но нет никаких доказательств, что она... Я отнюдь не испытываю любви к ней. И если есть какой-то способ свергнуть ее, его надо использовать. Но все же...

— Ты не думаешь, что она могла бы убить Элиану?

— Это, конечно, не является невозможным. Но тем не менее...

— Если она это сделала, пусть попытается снова, — прошептал я. — У нее не получится. А потом я уничтожу ее.

Вейсс пристально на меня посмотрела.

— Пожалуйста, обещай мне, что не сделаешь ничего глупого. Ты уже достаточно спровоцировал ее.

Вопли погибших на Клоструме вновь зазвучали в моей голове, и на мгновение все, чего я хотел — броситься в последнюю атаку, которая даст мне забвение и покой.

Это мгновение прошло. Я подумал о Катрин и Зандере. Подумал о том, что я пытаюсь построить на Солусе. Я был здесь для чего-то большего, чем разрушение. И не мог требовать для себя покоя. И я не собирался вновь давать повод для высокомерия Вет Монфор. Я не дам ей одержать победу, на которую она рассчитывает.

— Обещаю, — сказал я.

Вейсс еще пару секунд смотрела мне в глаза.

— Хорошо, — сказала она и села в машину.

Снова начался дождь.

Той ночью я опять сосредоточился на своем дыхании, пытаюсь слушать его, а не свои воспоминания. Моим инстинктивным желанием было зажать уши руками, и я с трудом заставил себя не делать этого.

«Голоса в твоей голове, не снаружи. Заставь их замолчать. Дыши, дыши, дыши».

Иные из голосов, те, которые я едва мог различить, казалось, действительно являлись откуда-то извне. В моем воображении они будто летали по дому, звуча у входа в каждую комнату.

«Они будут звучать все громче. Ближе. Рано или поздно они найдут тебя».

«Останови их. Останови».

Страх, которые приносили воспоминания, был реальным. Боль, которую они причиняли, была реальной. Голоса не были реальными. Не более реальными, чем те, которые звучали в моей каюте на «Вечной Ярости».

Голоса детей, которые теперь не только смеялись, но и что-то шептали, казалось, действительно становились ближе. Теперь они звучали громче, чем вопли моих погибающих солдат, громче, чем рев тиранидов. Смех и шепот поднимались по ступеням моей башни. Казалось, они были прямо за дверью.

Я затаил дыхание, ожидая, когда по двери заскребут ногти.

Я напряженно прислушивался, пытаюсь услышать то, чего я не хотел слышать. Я был словно парализован, ожидая, когда произойдет невозможное.

«Там призраки», раздался в памяти голос Катрин, тихий и исполненный страха.

Я перевел дыхание и понял, что прислушиваюсь к тишине. Никаких голосов не было.

Я глубоко вздохнул. Единственным звуком было мое дыхание. Смеха не было слышно. Его здесь никогда не было. Я снова мог двигаться. Вопли воспоминаний затихли. Я снова был в тишине.

Напряжение словно вытекло из моего тела, как будто превратившись в воду, и ушло в землю под домом. Я лежал, глубоко дыша, и надеялся, что смогу заснуть. Я действительно был бы очень рад заснуть.

В последние моменты моего бодрствования вдруг послышался голос, чистый и прекрасный, будто звон колокольчика:

— *Мейсон...*

Элиана звала меня.

Мучительный спазм скорби охватил меня. Погружаясь в мир сновидений, я оставлял ее в бессонной ночи. И она пошла за мной.

Сначала я увидел ее в вихре воспоминаний. Я снова танцевал с ней в ту ночь, когда мы впервые встретились, на балу, который устроил Леонель в Зале Совета, в те времена, когда мой дядя еще иногда выезжал из Мальвейля. Я видел, как она выходила из дворца Администратума, где она управляла целым отделом, ее походку, когда она спускалась по ступеням, уверенную и целеустремленную, простые движения ее ног навсегда запечатлелись в моем сердце. Я видел, как она держит на руках нашу маленькую дочь. Я видел, как она утешает нашего сына, когда он учился ходить и упал. Я видел, как мы занимались любовью.

Каждое воспоминание было поразительно четким, таким ясным, словно я переживал все это снова наяву. Но я знал, что это лишь прошлое. Я чувствовал эти переживания как тогда — но чувствовал их словно сквозь фильтр своего горя. Я снова испытывал скорбь, зная, что все это действительно у меня было, и больше этого никогда не будет.

Я зарыдал во сне.

«Мейсон».

Образы ворвались в разум быстро, почти одновременно. Черета радостных воспоминаний превратилась в боль. И сквозь эту боль я продолжал слышать голос Элианы.

«Мейсон».

Она была передо мной. Не воспоминанием, хотя мы стояли в гостиной нашего дома в Вальгаасте. Я был таким, каким был в настоящем. Уже немолодым. Я слышал слабый шум сервомоторов моей аугметики. Элиана была такой, какой я в последний раз видел ее. Эти глаза, исполненные любви и видевшие меня насквозь, понимавшие, что я хотел сказать, даже если я говорил глупости. Эта улыбка, немного ироничная, словно приглашавшая меня посмеяться вместе.

— Мейсон, — тихо произнесла она. — На что ты так смотришь?

— На тебя, — ответил я, мой голос звучал хрипло от скорби и от радости, что я говорю с ней снова. — Я не видел у тебя такого платья.

— Это моя ночная рубашка, — сказала Элиана. — Она была новой. Ты не видел ее. Это в ней я умерла.

Я попытался ответить. Но смог только издать стон.

— Все хорошо, — мягко сказала она. — Все хорошо.

Я так часто хотел еще хоть раз поговорить с ней. Хотел попрощаться, сказать о хотя бы одной из тех вещей, которые были так важны, и о которых я так и не смог ей сказать.

— Прости. Я не был с тобой тогда.

В ее улыбке мелькнула печаль.

— Тут нечего прощать, — сказала она. — Ты и не мог быть со мной.

— Я так скучаю по тебе.

— Шшш, — произнесла она. — Тише, тише...

Она подняла палец и погладила мою щеку.

Я почувствовал ее прикосновение.

Вздрагнув, я проснулся, прикосновение ее руки ощущалось на моей коже, горячее и холодное одновременно. Потом я увидел, что все еще нахожусь во сне. Хотя я был в своей спальне в Мальвейле, Элиана была здесь и стояла у двери.

— Пойдем со мной, — сказала она, протянув руку.

Я встал с кровати. Все казалось реальным. Я чувствовал ткань простыней и холодные доски пола под ногами. Но когда Элиана взяла меня за руку, я не почувствовал ничего, словно чем более реальным был мир вокруг меня, тем менее реальной казалась она.

— Я хотел быть здесь с тобой, — прошептал я. — В этом доме.

— Теперь мы вместе. По крайней мере, у нас есть это.

— Этого недостаточно.

— Я знаю, — она улыбнулась. — Пойдем со мной. Пойдем!

Я не чувствовал ее руки, но она тянула меня куда-то, и я пошел за ней.

Шагая по темным коридорам Мальвейля, я не видел, куда мы идем. Я мог смотреть только на нее, и испытывать изумление. Я знал, что это все не реально, и думал, как я буду чувствовать себя, когда проснусь.

«Цени это. Ты говорил с ней. Она говорила с тобой. Это прощание, которого у вас никогда не было. И оно еще не закончилось. Она еще здесь».

«Она коснулась твоей щеки».

Я пообещал себе, что сохраню это воспоминание как настоящее, даже когда проснусь.

Мы словно плыли во тьме. Казалось, Элиана медленно летит по лабиринтам Мальвейля под дуновением эфирного ветра. Может быть, этот путь по коридорам будет продолжаться вечно. Я был бы счастлив никогда не просыпаться.

И вдруг она остановилась.

Мы были в библиотеке. В зале было темно, лишь в окна проникал слабый лунный свет. В его желтом сиянии корешки книг казались янтарными. Я видел Элиану как никогда ясно. Она смотрела на ряд книг на полке примерно на уровне груди. Ее улыбка стала грустной.

Я понял, что настал момент нашего расставания.

— Я люблю тебя, Элиана, — сказал я.

Она повернулась ко мне, ее улыбка становилась все шире и шире. Я посмотрел в ее глаза, ожидая увидеть то выражение любви.

У нее не было глаз. В ее черепе остались лишь пустые глазницы, черные и глубокие. А в ее лбу зияла дыра, проломленная при падении.

ГЛАВА 6

Я проснулся с криком и, шатаясь, обнаружил, что стою в библиотеке, на том самом месте, куда привела меня Элиана. Раньше я никогда не ходил во сне и не видел таких ярких и запоминающихся сновидений. Воспоминание о сне упорно не хотело уходить после того, как я проснулся. Я помнил каждое мгновение, проведенное с Элианой. И я вспомнил, что сам обещал запомнить это прощание. Но когда я попытался найти утешение в том, что все-таки увидел Элиану и поговорил с ней, мои мысли заполнил ее безглазый череп с проломленным лбом. Я содрогнулся от усилий изгнать это зрелище из памяти. Оно было неправильным. Было ужасно думать о ней так. Мой разум словно предал и меня и Элиану.

Стоя в библиотеке, на том самом месте, где я видел мертвую Элиану, я осознал, что мне слишком тяжело вырваться из объятий кошмара. Он как будто не кончался.

— Он закончился, — вслух произнес я в темной библиотеке. — Закончился.

Я устал от снов и воспоминаний. Я был болен ими. Знать это было важно. И вооруженный этим знанием, я с помощью Императора одолею их.

Я опустил на колени и, сотворив знамение аквилы, закрыл глаза.

— Нет мудрости кроме слова Императора, — прошептал я. — Нет объяснения выше слова Императора. Есть только повиновение. Вера через повиновение. Сила через веру. Когда мои чувства лгут мне, да будет вера моим щитом.

Слова молитвы успокоили меня, хотя не настолько, как я надеялся.

— Нужен свет, — сказал я себе.

Я осторожно пробирался в темноте, пока мои руки не наткнулись на маленький столик рядом с креслами у окна. За окном огромная сфера Люктуса равнодушно взирала на меня с неба, словно глаз, затянутый катарактой, его свет подчеркивал тени, делая их еще темнее. Я нащупал на столике железную стойку люмена, и, включив свет, наконец смог оглядеться.

Реальность сна отступила, его волны словно плескались за пределами круга света.

Я подумал о том, как Элиана печально посмотрела на полку, перед тем, как ее глаза исчезли.

«Нет, она не смотрела, потому что ее здесь не было».

Пора было уходить из библиотеки. Я буду лучше себя чувствовать в другом месте. Я направился к двери, пройдя мимо того места, где стояла Элиана.

Реальность превратилась в тонкий лед и начала разламываться.

Книги, на которые смотрела Элиана, были многотомной хроникой мучеников Солуса. Одна книга была меньше и тоньше, чем остальные, и на ее корешке не было надписей. Она стояла посреди других томов, и ее обложка была такой же темной, как у остальных книг. Ее было легко не заметить. Но она немного выступала, нарушая ровный ряд книг.

Я потянулся к ней застывшими пальцами. Пульс громко застучал в ушах, когда я взял книгу с полки и открыл ее.

Я смотрел на страницы, исписанные почерком Элианы.

Мои руки сжали ее. Я ожидал, что книга сейчас исчезнет прямо в моих руках, потому что она не могла быть реальной. Я ожидал, когда действительно проснусь. Но пробуждения все не наступало. Дневник Элианы не исчезал из моих рук и оставался настоящим.

Шатаясь, я подошел к столу и рухнул в одно из кресел. Слова Элианы расплывались у меня перед глазами. Тяжело дыша, я пытался найти разумное объяснение происходящему. Имперское Кредо отрицало существование призраков, и я не мог, не должен был идти против него.

Однако в моем мире словно образовалась зияющая трещина, и я не мог закрыть ее.

«Должно быть, ты видел этот дневник раньше, и забыл об этом. Когда Вейсс и Ривас были здесь, ты, наверное, заметил его. И это воспоминание проявилось в скрытой форме. Вероятно, что-то подобное и случилось. Больше ничем это не объяснить».

Объяснение было слабым. Но пока сойдет и такое. Это был единственный бастион, который я мог воздвигнуть против суеверия.

Я осторожно прикоснулся к страницам дневника. Это было сокровище куда более ценное, чем все, что я мог сохранить из сна. Это не было воображаемое исполнение желания, как образ моей жены, созданный памятью. Это было нечто реальное, что-то, что действительно осталось от нее. Это были ее слова.

Я задержался на долгое мгновение, моя рука замерла над первой страницей.

«Ты уверен, что хочешь это читать?»

Нет, я не был в этом уверен. Неважно, какое путешествие описывал этот дневник, в финале его было мертвое тело Элианы. Я могу пожалеть о том, что узнал некоторые вещи.

«Ты должен узнать их. Это слова Элианы. Это ее правда»

Мог ли я отложить дневник? Не читать его?

Конечно, нет.

Пульс все еще стучал в ушах. Я убрал руку со страницы и начал читать.

Дом теперь наш. Наш. Это слово звучит довольно иронично в данной ситуации. Правс жить в нем наконец перешло к Мейсону, мне и нашим детям, но живу здесь только я. Леонель выбрал время умереть, когда Катрин и Зандер уехали в пансион.

Мальвейль огромен. До сего дня я не представляла, насколько он большой. Глядя на него с расстояния, невозможно оценить его величину. Странно чувствовать себя такой

крошечной в таком огромном пространстве. Раньше я никогда не испытывала подобного ощущения. Если бы я смогла понять, почему я чувствую себя так, возможно, я смогла бы что-то с этим сделать. В конце концов, и раньше я много раз была в больших зданиях. Может быть, разница заключается в том, что Мальвейль теперь мой дом? Но я не чувствую его своим. Что я должна делать со всем этим пространством? Дом кажется пустым даже тогда, когда в нем работают слуги. Мальвейль просто поглощает их, и я снова остаюсь одна. А на ночь слуги уходят в город.

Я чувствую себя так, словно проваливаюсь сразу в две необъятные бездны. Угнетающая громадность и пустота дома соответствует непомерному объему задач, свалившемуся на меня. До сих пор я тоже не испытывала ничего подобного. Я пытаюсь исполнять свои прежние обязанности в Администратуме, и одновременно делаю все возможное, чтобы сохранить позиции Штроков в совете. Но мое положение никогда не было настолько сильным, насколько это необходимо. После смерти Леонеля лордом-губернатором должен был стать Мейсон, но его здесь нет, а у меня нет никакого официального титула. Я не советник. Мое присутствие на Внутреннем совете — не более чем жест вежливости, достигнутый благодаря некоему соглашению между Адрианной Вейсс и Вет Монфор. Я использую то влияние, каким обладаю, но трудно сказать, насколько в действительности оно эффективно. Странно. До сих пор я могла сказать себе, что моя работа имеет значение. Теперь я в этом не уверена.

Я посмотрела на все, написанное мною, и мне хочется выругать того, кто это написал. Это совсем на меня не похоже. Я очень устала. Последнюю ночь я не спала. Я все время просыпалась от того, что мне снилось, будто моя постель висит в бесконечной пустоте. Усталость. Вот почему я так на все это реагирую. Я не думала, что переезд сюда так меня вымотает, и я даже не знаю, почему. Карофф отлично со всем управляется, и мне ничего не надо делать.

Возможно, в этом и проблема. Сегодня мне нечего было делать. Вероятно, было ошибкой просить отпуск во Дворце Администратума. Я лишь ходила из комнаты в комнату с растерянным видом и не сделала ничего полезного. Сидеть в библиотеке, словно я пытаюсь от чего-то укрыться еще хуже. Укрыться от чего? Это глупости. Мне должно быть стыдно писать такое. Если бы мои писцы в Администратуме видели меня, они бы потеряли страх и уважение.

Значит, надо найти что полезного сделать сегодня.

Позже.

Наверное, я больна. Что-то со мной не так. Я пыталась ознакомиться с Мальвейлем, систематически обойдя все помещения. Я думала, что если буду знать это пространство, оно станет казаться не столь большим. Увидеть все эти неиспользуемые комнаты, набитые хламом поколений, также пойдет на пользу, думала я, потому что я буду знать, что даже такое пространство как Мальвейль можно заполнить.

Я ошибалась. Я лишь почувствовала себя хуже. Дом кажется более огромным, чем когда-либо. Я пыталась тщательно исследовать каждое крыло, останавливаясь у каждой двери и изучала каждую комнату. Я думала, что смогу запечатлеть географию Мальвейля в своей памяти. Но я не смогла. Каждый раз, когда я доходила до конца крыла и возвращалась назад, на обратном пути я находила двери и коридоры, которые не заметила в первый раз, и, в конце концов я запуталась еще больше, чем вначале. Я пыталась исследовать первый

этаж западного крыла, наверное, пять раз, но до сих пор не знаю, сколько в точности комнат выходят в главную галерею.

Это глупо. Но что бы это ни было, это, кажется, нечто большее, чем просто усталость. Однако от бессонницы все, конечно, только хуже. Завтра я попытаюсь еще раз, и обойду первый этаж, когда Карофф и остальные слуги будут здесь. Мне не стоило пытаться исследовать Мальвейль в одиночестве, тем более, когда чувствую себя не очень хорошо. Я слишком много внимания обращала на эхо своих шагов.

Может быть, поэтому я и забыла, в каких комнатах была, а в каких нет.

Да уж, какое-то неудачное начало у этого дневника. Если мне стыдно за то, что я пишу, сейчас, то даже не могу представить, как посмотрю на это утром. Так что завтрашней Элиане приношу свои извинения. Впрочем, посмотрим, будет ли она лучше, чем Элиана сегодняшняя.

Трон Святой, как же я устала. А завтра заседание совета. Если я хоть немного не посплю, то сомневаюсь, что смогу спуститься с холма.

Дрожащей рукой я закрыл дневник. Иначе я так и не встану с этого кресла. Я так ясно слышал ее голос. Ее голос, и ее растерянность и смятение. Это совсем на нее не похоже.

Я заставил себя положить дневник на столик рядом с креслом. Мне нужно было вдохнуть свежего воздуха — и сосредоточиться на других делах. Вскоре мне предстояло снова окунуться в кипящий котел политики Вальгааста.

Дневник подождет. Я уже знал, что буду читать его понемногу.

Потому что я хотел насладиться этим прощальным даром — словами моей жены.

Так я говорил себе — и пока верил в это.

Я пошел на риск, приказав арестовать советника Трефехт. К предупреждениям Вейсс я отнесся вполне серьезно, и все же я был рад, что сделал первый залп в этой войне. Риск, на который я пошел этим вечером, заставил меня больше задуматься.

Первая стадия этой кампании была успешной, и я счел это хорошим знаком. Катрин и Зандер приняли мое приглашение на обед в Мальвейле.

Мы втроем сидели за огромным столом в обеденном зале. Слуги под наблюдением Кароффа ненавязчиво подавали обед из трех перемен блюд, которые я с трудом различал на вкус. Наш разговор был прерывистым и неловким. Мы были чужими друг другу. Зандер вел себя любезно, но явно удивлялся, зачем я решил устроить этот тягостный спектакль. Катрин держалась подчеркнуто формально, проявляя явную холодность по отношению к своему брату. По крайней мере, не было открытой враждебности. Уже что-то.

Когда мы закончили есть, Зандер с улыбкой оглядел огромное пространство обеденного зала. Постучав ножом по краю бокала с амасеком, он прислушался.

— Здесь великолепная акустика, отец, — сказал он. — Очень звучное эхо.

— Потому что здесь пусто, — кивнул я. — Но я хочу вернуть сюда жизнь. Начнем хотя бы с нас троих.

— Ты собираешься устраивать приемы для совета? — холодно спросила Катрин.

— Нет, пока он не очищен от коррупционеров.

Улыбка Зандера несколько померкла.

— Я слышала о советнике Трефехт, — сказала Катрин. — Хорошее начало.

— Это лишь начало.

К моему разочарованию, Зандер сменил тему.

— Похоже, этот зал уже давно не использовался?

— Да, как и большая часть дома. Но я собираюсь и это изменить.

— А ты... — Зандер замялся, — ты не видел ничего из... из вещей мамы? Я имею в виду...

Он поморщился, подыскивая подходящие слова.

Я понял, что он пытался сказать.

— Что-то, что показывало бы, что она когда-то жила здесь?

— Да, — Зандер жестом показал на пространство вокруг. — А то, глядя на все это, так и не подумаешь.

— Да, я нашел ее дневник. Буквально этим утром.

— Там сказано, почему она отвернулась от своей семьи и от своего долга? — спросила Катрин.

Зандер вздрогнул от гнева в голосе сестры. Я подавил побуждение яростно броситься на защиту Элианы. Это был гнев порожденный болью.

— Ты считаешь, именно это она сделала? — мягко спросил я.

— Как еще можно на это смотреть? Для человека ее положения самоубийство — акт трусости. Она опозорила нас всех.

— Мы не знаем, почему она это сделала, — пожал плечами Зандер. — Мы не знаем, через что она прошла...

— Это не имеет значения, — отрезала Катрин. — Собственно, мне все равно, почему она это сделала. Она бросила нас, и отказалась от исполнения своих обязанностей, своего долга перед Администратумом и перед Солусом, а значит, она предала Императора. Нет никаких причин, которые могут оправдать ее самоубийство.

— Если это было самоубийство, — сказал я.

— Ты думаешь, что она... не сама...? — изумился Зандер.

— Я в этом не уверен.

— Нет никаких доказательств, что ее убили, — заметила Катрин.

— Прямых доказательств нет. Но ее смерть была выгодна некоторым людям. Одному человеку — особенно.

— Вет Монфор? — уточнила Катрин.

— Так как смерть Элианы была ей особенно выгодна, у нее был мотив. Но коррупция в совете так трудно искоренима именно благодаря своей незаметности. Очевидное убийство в этом случае стало бы проблемой.

Зандер выглядел потрясенным, как тогда на заседании совета. Катрин казалась задумчивой.

— В этом есть смысл, но это только предположения, — сказала она.

— Пока.

— Что же написано в ее дневнике? — теперь Катрин, похоже, была искренне заинтересована.

— Я только начал его читать, — ответил я. — Она написала очень много. Понадобится время, чтобы все это прочитать. Может быть, в нем нет ничего, что помогло бы нам выяснить, что в действительности случилось, но даже если так, когда я читаю этот дневник, я будто снова слышу ее голос. Это чего-то стоит.

— Дорого бы я заплатил за то, чтобы снова услышать ее голос, — вздрогнув, тихо

произнес Зандер.

— Конечно, — сказал я. Его лицо было открытым, уязвимым. Наигранная небрежность исчезла. — Я передам дневник тебе, когда прочитаю его.

— Как ты нашел его?

— Она хранила его в нашей спальне. Дневник ждал, чтобы я нашел его, с того времени, как она умерла.

В такую ложь поверить было куда легче, чем в правду.

— Я думаю, мы все должны прочитать его.

— Поэтому ты пригласил нас сюда? — спросил Зандер. — Чтобы рассказать о дневнике?

— Нет. Большую часть вашей жизни я был для вас чужим человеком. И вы стали чужими друг другу. Я хотел бы изменить это. Я полагаю, что наш долг, как представителей рода Штроков — быть сильными, и мы будем сильнее вместе.

Это была более легкая часть моих аргументов. Обращение к чести и долгу было легче принять, по крайней мере, для Катрин.

— И я скучал по своим детям. Я не думал, что когда-либо еще вернусь на Солус. Мы получили еще один шанс стать семьей, и думаю, должны использовать его.

— Что ж, почему бы и нет, — кивнул Зандер. Его небрежно-веселое поведение вернулось, но теперь в его голосе звучал энтузиазм.

— Что ты предлагаешь? — спросил он. — Будем обедать здесь каждую неделю?

Его голос был наигранно небрежным, но в глазах светилась осторожная надежда, словно он хотел попросить меня о чем-то большем, но не решался.

— Я хочу предложить тебе и Катрин жить в Мальвейле.

Это предложение застало их обоих врасплох. Они изумленно посмотрели на меня, потом друг на друга.

— Но зачем? — наконец спросила Катрин. — Почему это важно?

— Потому что это резиденция нашей семьи. Мальвейль — это символ. После смерти вашей матери он стал пустым — во всех смыслах, и *этот* символизм усилил позиции наших врагов в совете. Но если здесь снова будут жить Штроки — не только я один, но *семья* — это будет иметь огромное значение. Это будет демонстрация силы и преемственности. Это покажет врагам наше единство в этой борьбе.

Зандер поморщился.

— Это не моя борьба.

— А должна быть и твоей.

— Я не знаю, что происходит между тобой и советом, и, честно говоря, не хочу знать. Ко мне это не имеет никакого отношения.

— Ты действительно настолько наивен? — спросила Катрин. — Или просто настолько труслив?

— Ни то, ни другое, — с улыбкой сказал Зандер. — Я просто слишком ленив для этого.

Он признался в этом без всякого смущения.

— Я догадываюсь, что в совете идут какие-то закулисные интриги, но не хочу знать, что и как именно. Монфор хочет, чтобы я держался подальше от важных дел, и это меня вполне устраивает. Борьба с коррупцией потребует огромных усилий, а я, честно признаюсь, не очень хорош в тех делах, где требуются усилия.

— По крайней мере, ты честно об этом сказал, — мрачно произнесла Катрин.

— Думаю, лучше, чтобы все это знали сразу. Так никто не будет разочарован.

Он был доволен собой, словно его логика была безупречной.

— Больше ты не сможешь следовать по этому пути, — сказал я ему. — Я объявил войну Вет Монфор и ее креатурам. Администратум поручил мне положить конец их преступной деятельности, и это будет исполнено. Монфор, конечно, будет сопротивляться и использует любое оружие, доступное ей. Она не позволит тебе оставаться безучастным наблюдателем. Она попытается подчинить тебя.

— Она не сможет.

Наконец-то я услышал в голосе Зандера что-то похожее на решительность. Я был рад. Все-таки в нем была кровь Штроков.

— Тогда она станет угрожать тебе. Даже если ты не вмешаешься в борьбу, ты больше не сможешь оставаться в безопасности.

Зандер вздохнул.

— Знаешь, отец, до сих пор я просто наслаждался жизнью. Довольно жестоко с твоей стороны лишать меня этой радости.

Я улыбнулся.

— Возможно. Но ничего не поделаешь.

— Ничего не поделаешь, — повторил он.

— Ну? — спросила Катрин. — Ты понимаешь?

— Да. Не буду притворяться, что это меня радует. Но если я буду вынужден выбирать сторону, я ее выберу. И я не встану на сторону Монфор против моей семьи.

В его крови все-таки было железо, как бы ни пытался он это отрицать. Он заявил о своей верности семье словно инстинктивно, эти слова шли из самого сердца, которое было сердцем Штрока.

— И ты останешься здесь?

— Можно мне подумать над этим предложением?

— Конечно. Я не собираюсь держать тебя здесь насильно.

Я посмотрел на Катрин.

— А ты?

— Я согласна с принципами, которые ты озвучил. Я согласна, что наша семья имеет определенные обязанности перед Империем и несет ответственность за этот мир.

«И ты думала, что из всей нашей семьи ты одна осталась верна этим принципам», подумал я, но ничего этого не сказал.

— Арест советника Трефехт дал мне надежду, — продолжила Катрин.

— Что я намерен делом подтвердить свои слова?

«Что я не предал твое доверие на Клоструме и что я не покину тебя снова?»

Она немного подумала над ответом:

— Что действительно что-то будет сделано.

— Сделано будет, не сомневайся.

— Тогда я серьезно подумаю над тем, чтобы жить здесь.

— Хорошо, — сказал я. — Спасибо вам обоим. Я хорошо обдумал свое предложение, и, в свою очередь, не ожидаю, что вы ответите на него сразу же. Для начала, если желаете, можете провести ночь здесь, для вас уже подготовлены комнаты. Конечно, если вы предпочитаете вернуться к себе домой, Белзек отвезет вас.

Они оба согласились. Всплеск радости, который я ощутил, помог отодвинуть

воспоминания о кошмаре еще дальше в глубины разума. Я испытал облегчение от того, что ни Катрин, ни Зандер не стали уточнять, *что именно* написала Элиана в своем дневнике. Они смогут прочитать его потом, когда все немного успокоится, и наша семья еще больше сблизится.

Может быть, мне не нужно было быть столь осторожным. Но первые несколько страниц дневника, которые я прочитал, вызвали у меня тревогу.

Я не мог заснуть. Голоса воспоминаний на этот раз не атаковали меня, и я радовался этой передышке. Знание того, что мои дети впервые за многие десятилетия под одной крышей со мной, давало мне утешение, и в то же время трепет надежды не позволял заснуть. Я даже позволил себе вообразить, что в комнатах под моей башней спят не суровый инструктор Схолы Прогениум и добродушный ленивый прожигатель жизни, а те маленькие дети, которых я оставил, лишившись возможности видеть, как они растут. Я словно вернулся в прошлое, и тот крошечный мальчик, которого я держал на руках, и та маленькая девочка, державшаяся за мою руку, казалось, были совсем недалеко от меня.

Я встал. Мне нужно было куда-то выпустить нервную энергию от переполнявших меня чувств, иначе я не смогу заснуть. Я взглянул на дневник Элианы, лежавший на столике рядом, но решил пока не читать его сейчас. Не стоит будоражить мысли еще больше, а реакция Элианы на Мальвейль тревожила меня. Если бы я не знал ее почерк, то мог бы заподозрить, что дневник — подделка. То смятение и растерянность, которые выражали ее слова — все это было совсем не похоже на Элиану, которую я помнил.

Для начала, ее чувство направления всегда было безупречным. Я едва ли мог представить, чтобы она испытывала такие сложности, пытаясь ориентироваться в доме.

Но попытки подойти к делу систематически были вполне в ее характере. Кроме того, это был своего рода вызов. Я жил в Мальвейле уже несколько дней, но в доме все еще оставалось множество помещений, которые я не изучил. *«Я последую за тобой»*. Эта мысль была привлекательна тем, что я мог снова почувствовать себя как будто немного ближе к Элиане. И, может быть, изгнать из своих мыслей тот кошмар.

Я направился на первый этаж. Начну отсюда, с западного крыла и дойду до самой Старой Башни. Понемногу, по участку за раз, возможно за день, но я намеревался изучить каждый угол дома.

В обеденном зале я взял со стола канделябр, чтобы освещать путь в темных коридорах. Я повторял метод Элианы, останавливаясь, чтобы отметить каждый перекресток коридоров, и даже воображая, что копирую ее жесты. Я говорил себе, что это позволяет мне чувствовать себя ближе к ней.

Я двигался, словно дрейфуя в море теней, их волны колыхались в зыбком пламени свечей. Впереди и позади дом погрузился в непроглядную тьму, и я начал понимать, почему Элиана могла растеряться. *«Не стоило делать это ночью»*. Но я намеревался закончить то, что начал, и продолжал шагать вперед. Наконец я дошел до двери, ведущей в Старую Башню.

Дверь была массивной, окованной железом, и сделанной из такой древней и тяжелой древесины, что она, казалось, окаменела от времени, превратившись в черный камень. Дверь выглядела мрачно и угрожающе, и казалась больше препятствием, чем входом куда-либо. Я почти ожидал, что она будет заперта. Но она оказалась открыта, хотя мне пришлось с силой потянуть за тяжелое железное кольцо, чтобы открыть ее. Железо заскрежетало по камнебетону, петли проворачивались с пронзительным скрипом.

Громадная темная масса, вздыбившись, нависла надо мной, когда я перешагнул порог. Я отпрянул, но это движение было иллюзией, порожденной тенями от пламени свечей. Мне понадобилось несколько долгих мгновений, чтобы понять, что я вижу перед собой. А это было нечто потрясающее в своей абсурдности. Я просто подумать не мог, что такое возможно.

Я стоял на винтовой лестнице, которая вдоль стен по спирали поднималась к верхней части башни справа от меня, и опускалась на неизвестную глубину слева. Сама башня была пустой внутри, и эту пустоту заполняла невероятно огромная куча хлама, самая большая, какую я только видел в Мальвейле. Она, словно застывший вихрь, вздымалась из тьмы внизу и поднималась, снова скрываясь во тьме наверху. Из нее торчали портреты, ящики, части мебели и еще какие-то предметы, которые я не мог разглядеть во мраке, и казалось, эта масса расширялась кверху, словно смерч из обломков, запертый внутри башни. Мне пришлось долго смотреть на нее, чтобы убедиться, что она не двигается. Она должна была бы рухнуть. Я не мог представить, благодаря какой случайности эта колонна из мусора держится и не падает.

«Неужели это сделал Леонель?»

В это тоже было трудно поверить. Сколько же времени его жизни ушло на то, чтобы создать этот монумент бесполезности? Набрать столько хлама и стаскивать его в башню, подниматься по лестнице и швырять все это вниз... Чтобы сделать это, понадобилась бы целая армия слуг и многие годы одержимости.

«Или, возможно, целые поколения безумцев».

«Элиана тоже приняла в этом участие». То, что она сделала в одной комнате, она могла сделать и здесь.

Мне казалось, что я смотрю в самое сердце безумия, словно хлам, накопленный здесь, поднялся из глубин Старой Башни и стал расползаться по дому. Глядя на него, я почувствовал холодный сквозняк. Он дул из темноты внизу, словно из какой-то ледяной пещеры. Сперва он лишь коснулся моих щек. Потом он превратился в настоящий ветер.

«Воздух из рудников? Туннели под фундаментом уходят к рудникам?»

Это объяснение казалось странным. Но отсутствие какого-либо объяснения было еще хуже.

Мое лицо стало неметь от холода.

Я вышел из Старой Башни, и, упиравшись плечом в дверь, захлопнул ее, оставляя позади это пугающее зрелище, что бы оно ни значило. С этим лучше разобраться при дневном свете. Сегодня ночью не это было моей целью.

Но Старая Башня изрядно поубавила мою жажду исследований. Я уже не думал о том, чтобы составить мысленную карту западного крыла. Внезапно я почувствовал себя очень усталым. Отвернувшись от двери в башню, я направился обратно к своей комнате. Ноги отяжелели, словно налившись свинцом. Я смотрел лишь на пол, больше не пытаюсь разглядеть окружающую обстановку. Мне хотелось лишь спать.

Я думал, что направляюсь обратно прямым путем к парадному входу, и не помнил, чтобы сворачивал в какой-либо из боковых коридоров. Но, похоже, я все-таки куда-то свернул, потому что неожиданно зашел в тупик. Подняв канделябр, я растерянно огляделся, не узнавая комнату, в которой оказался. Она была пустой за исключением пыльного, покрытого паутиной столика в углу. Повернув назад, я обнаружил, что из комнаты вели три двери. Я не помнил, через какую из них вошел.

«Надо идти на восток. Какая стена здесь восточная?»

Я не знал.

Остаться здесь я не мог. Иначе я засну прямо на полу. Я заглянул в каждую из дверей. Они вели в узкие коридоры. На их стенах висели картины, в темноте их невозможно было разглядеть, но из-за них коридоры казались еще более тесными. Я не мог вспомнить, проходил ли я одним из этих коридоров. *«Это просто темнота»*, сказал я себе. Я не мог толком разглядеть ни одно из помещений, где я проходил.

«Не будь дураком. Хватит блуждать во тьме. Найди где-нибудь лампу».

В коридорах должны быть люмены. Я выбрал наугад одну из дверей, и осторожно пошел по коридору, пытаясь найти на стене светильник. Пройдя мимо еще нескольких дверей, я снова зашел в тупик, но не нашел ничего, что помогло бы мне осветить путь. Свечи в канделябре таяли, их свет тускнел, словно от дыма и пыли.

Я направился назад по коридору, и снова не мог сказать, из какой комнаты я попал в него. Я заглядывал в двери, и почти все комнаты за ними казались одинаковыми в своей пустоте и заброшенности.

Но я продолжал идти. На первом перекрестке коридоров я повернул направо. Новый коридор выглядел столь же незнакомым, как и предыдущие, двери в нем вели в другие неизвестные мне помещения — новые залы, коридоры и комнаты, иные из них были пустыми, а некоторые забиты кучами хлама.

Я заблудился.

«Как? Как ты мог заблудиться, когда все время шел по прямой?»

«Не по прямой. Я повернул не туда».

«Как? КАК?»

Ответа не было.

Оставалось только продолжать идти. Один из коридоров рано или поздно должен вывести меня обратно в главную галерею. Мальвейль был большим, но не бесконечным. И все же я не мог избавиться от впечатления, что погружаюсь все глубже и глубже в лабиринт залов и коридоров, который оказался больше, чем космический линкор. Я не мог даже найти ни одной комнаты с окнами. Я оказался в каменной паутине, и когда я дойду до ее центра, Мальвейль пожрет меня.

— Нет, — сказал я вслух. — Это просто глупая бессмысленная фантазия.

Слова глухо прозвучали во мраке, едва слышные и лишённые силы. Тьма словно сгустилась вокруг меня. И потом, будто дождавшись моей слабой попытки нарушить тишину, снова раздался детский смех.

Во рту у меня пересохло. Смех слышался откуда-то позади, и я представил детей, глядевших на меня из-за полузакрытой двери, их улыбки были слишком широкими и мертвенно-холодными. И слышался лишь смех. Клострум, казалось, был целую жизнь назад, вопли и кровь его жертв стали вдруг будто мучениями чьей-то другой души, кого-то, кого я мог знать, но кем я больше не был.

Я не мог притворяться, что смех был плодом моего воображения.

Но я должен был считать, что это так. Я мертвой хваткой держался за версию, что это всего лишь моя усталость.

Я вошел в другой коридор, такой же незнакомый мне, как и остальные. Я шагал быстрее, стараясь уйти от этого смеха. Но смех следовал за мной. Дети, которые не могли быть настоящими, всегда будто прятались за углом, из-за которого я только что вышел, или

за дверью комнаты, мимо которой я только что прошел.

— Катрин! — позвал я, смирившись со своим унижением. — Зандер! Я, кажется, заблудился! Вы слышите меня?

Мне ответил лишь смех позади. А потом...

— Отец? — раздался вдруг голос Катрин. Катрин, которая была ребенком.

Я обернулся. Она была здесь, такой, как я помнил ее, какой я *знал* ее. Женщина, которая спала в комнате этажом выше, была чужой для меня. Она лишь очень слабо напоминала мою дочь, которую я помнил — настолько слабо, что могла быть кем-то другим. Здесь, передо мной, была моя маленькая дочь. А позади нее, выглядывая из-за двери и зажимая рот, чтобы не рассмеяться, стоял Зандер, такой, каким он остался в моем сердце. На их лицах было хитрое озорство, но они смотрели на меня с любовью, которую я тоже помнил, и которую моя душа хранила все эти долгие годы разлуки.

Я улыбнулся в ответ и шагнул к ним.

— Мейсон!

Крик Элианы заставил меня оглянуться через плечо. Но там никого не было. А когда я снова повернулся к детям, то пропали и они. Я с опозданием осознал, что их и не могло здесь быть.

— Мейсон! — снова послышался голос Элианы.

Я опять повернулся и едва не столкнулся с дверью в библиотеку. Но мгновение назад ее здесь еще не было. Я знал, где в Мальвейле находится библиотека.

«Это просто темнота, и трудно разглядеть, куда идешь, вот и все».

И все же я мог поклясться, что там, где сейчас была дверь, еще секунду назад тянулся коридор.

— Мейсон! — крик раздался снова, в голосе Элианы звучало отчаяние.

Я бросился в библиотеку. Элианы там не было, потому что ее и не могло там быть, потому что все эти голоса звучали только в моей голове. Как будто некий внешний импульс позвал меня к полке, где я нашел дневник Элианы прошлой ночью.

Он снова был здесь, среди томов хроники мучеников Солуса. Я оставил его в своей спальне, и все же он был здесь, ожидая, когда я найду его во второй раз. Я взял дневник, и он не исчез в моих руках. Он не был галлюцинацией. Он был настоящим. Холодным, как лед, и тяжелым, как проклятье.

ГЛАВА 7

Я нашла цель в этом доме. Теперь у меня есть направление. Я знаю, что это мне поможет. Но меня беспокоило не только отсутствие цели. Полагаю, что я ощущала его лишь как один из симптомов, вызванных громадной пустотой Мальвейля, пустотой, которая усугубляется, потому что я здесь одна. Карофф и слуги работают здесь только днем, когда меня нет. И лишь в недолгое время вечера в стенах дома слышны иные голоса кроме моего. Но даже когда слуги здесь, мы существуем в слишком разных сферах. У меня нет никого, с кем я могла бы поговорить. Я одинока. Но если я смогу справиться с чувством

бесцельности, это поможет мне бороться и с одиночеством.

Одинока. Когда я пишу это слово, кажется, я проявляю слабость. Но притворяться, что это не так, значит проявить еще большую слабость. Я не испытывала этого чувства до того, как переехала в Мальвейль. Наверное, это размеры дома и его пустота заставили меня признаться себе, насколько я одинока. В Центральном Вальгаасте, среди густонаселенных районов города, я могла притворяться, что не одинока. Но здесь, ночью, я воистину одна.

Я скучаю по Катрин и Зандеру. Конечно, я скучаю. Они уехали достаточно недавно, чтобы я болезненно ощущала их отсутствие. За последние несколько дней я иногда просто забывала, что их здесь нет, и ловила себя на том, что говорю с ними, думая, что краем глаза вижу кого-то из них. Это не здоровое поведение. И необходимо честно признаться себе в этом.

Я скучаю и по Мейсону, и еще мучительнее, чем раньше. Наверное, потому что я живу в Мальвейле, а это дом его семьи. Вероятно, осознание этого заставило снова открыться и эту рану.

Меня беспокоит, что я не замечала этого раньше, но кто остался здесь из моих друзей? Адрианна Вейсс всегда хорошо относилась ко мне, но она подруга Мейсона, они росли вместе. Где же мои друзья? Эмбет, Трева и Бакаль были призваны в Астра Милитарум вместе с Мейсоном. Верей мертв. Ханья тоже. Петрейн и Фенза сейчас на другой стороне планеты. Мое одиночество наступало постепенно, так, что я не замечала его, пока оно не стало полным.

Трон Святой. Сколько жалости к себе. Но если это то, что я чувствую, я должна признаться себе в этом. Надо быть честной. Я не могу решить проблему, притворяясь, что ее не существует. Поэтому надо ее признать.

Я одинока.

Хорошо. Проблема установлена. И пребывание в Мальвейле лишь усугубляет ее. Каким может быть решение? Стать блестящей светской львицей Вальгааста? Заполнить ночи в доме торжественными приемами самых знатных людей Солуса?

Я испытываю отвращение, когда пишу это. Реальность всего этого может оказаться нестерпимой. Я не выношу политических интриг, которые неминуемо сопутствуют таким событиям. Я почти слышу, как Мейсон смеется над мыслью, что я собираюсь заняться чем-то настолько мне отвратительным. Нет, от этого фарса станет только хуже.

Как бы то ни было, я нашла решение. У меня теперь есть направление. Я действительно довольна этим. Я выявила жалость к себе, и теперь могу избавиться от нее.

Идея возникла этим утром, когда я готовилась ехать на службу во дворец Администратума. Спускаясь по главной лестнице, я обратила внимание на портреты прежних губернаторов из рода Штроков, развешанные на стенах. И глядя на них, я вдруг подумала, что сейчас все их забыли. Я знаю, кто эти люди, лишь потому, что они были правителями Солуса. И больше ничего. Как ни пыталась, я не вспомнила имени ни одного из предшествовавших нам губернаторов, за исключением Леонеля. А он был болен так долго, что единственный примечательный факт его правления, который я смогла вспомнить — это его болезнь. Я могу перечислить каждое из неудачных решений, которые принял совет. Я помню, как важно было учредить регентство. Но о самом Леонеле я не знаю ничего. Я знаю, что он устраивал бал, на котором я встретила Мейсона, но не могу вспомнить,

чтобы на том балу я видела Леонеля.

Днем я убедилась, что это незнание истории — не только мой личный пробел. В разговорах в Администратуме я выяснила, что всех предшествующих Штроков словно поглотило забвение. Никто из тех, с кем я говорила, не смог вспомнить о Леонеле больше подробностей, чем я. Никто даже не смог вспомнить имени его предшественника (Беренова), не сверившись с инфопланишетом.

Что еще странно — насколько я могу вспомнить, Мейсон даже ни разу не упоминал никого из губернаторов-предшественников, кроме Леонеля. Может быть, я ошибаюсь. Но он всегда рассказывал множество историй о своих родителях. Может быть, правящая ветвь семьи была слишком далека от них?

Вся эта ситуация странная и в то же время неправильная. Несправедливо, чтобы служба Штроков Солусу была таким прискорбным образом забыта. Я собираюсь изменить это. Я хочу изучить Мальвейль, хочу знать его и его историю. Я верну прежних губернаторов в историю Солуса.

Моя идея обрела форму этим вечером, когда я обнаружила, что есть один вопрос, на который мне нужно найти ответ. В библиотеке есть генеалогия Штроков. Мне нужно будет дополнить ее, потому что последнее имя в ней — имя Леонеля. Она станет полезным источником, и, по крайней мере, даст мне имена, которые я намерена сличить с именами на портретах. Но изучение генеалогии выявило некий трагический парадокс, который, кажется, преследует семью Штроков. С одной стороны право Штроков на титул губернатора Солуса было неоспоримо в течение столетий, с тех пор, как на этом холме у Мальвейля были открыты первые рудники. С другой стороны, похоже, что с тех пор в их роду ни разу не было прямой передачи власти от родителей к детям, но лишь через двоюродных братьев и сестер, племянников, племянниц и так далее. Иногда эти родственные связи были довольно отдаленными. И какая бы ветвь семьи ни принимала губернаторскую власть, позже эта власть неизменно переходила к другой ветви. В генеалогии нет точных данных, но легко установить, что злой рок преследует семью губернатора. Даже когда у губернаторов были дети, никто из них не наследовал родителям, и никто из них не имел потомков...

Мне не нравятся эти выводы. Я не позволю этим мыслям терзать меня. Информация в генеалогии отрывочна. Это не вся история. Наверняка не вся. И я найду ее отсутствующие части.

Я сохраню историю.

И это поможет мне успокоиться.

Это более чем достойная цель. Я считаю, это просто необходимо.

Позже.

Задача, которую я поставила перед собой, кажется, достигла того результата, к которому я стремилась. Я все время думаю над ней. Я больше не чувствую, что бесцельно провожу время. Напротив. Мое историческое исследование занимает все мои мысли даже на службе в Администратуме. Мне пришлось сделать выговор архивистам за то, что они не успели найти новую информацию, и все время я не перестаю думать о тех древних грудах документов, которые ждут меня в доме. Моя служба в Администратуме по сравнению с этим кажется чем-то тривиальным. Там я лишь наблюдаю за работой подчиненных, отдаю приказы. А здесь все зависит только от меня.

Уже поздно. Я провела несколько часов, пытаясь найти старинные документы в завалах лишь в одной из комнат на первом этаже. Дело, за которое я взялась, займет многие годы. Я даже боюсь, что на него может не хватить и всей жизни. Мне понадобится помощь Кароффа и слуг. Одному человеку физически невозможно перебрать все эти массы старых вещей. Если бы я не соблюдала осторожность, меня бы раздавило лавиной хлама.

В жутком хаосе завалов в этих комнатах нет ни намёка на какую-то упорядоченность. Если бы все документы, которые остались после Леонеля и, несомненно, его предшественников, хранились в одном месте, мне было бы гораздо легче. Но здесь все ужасно перемешано. Когда я смотрю на эти горы хлама, то невозможно сказать, сколько важных документов может быть скрыто в них. Все, что мне остается — лишь копать и надеяться.

Но я все-таки начала. Большая часть из того, что мне удалось откопать этим вечером, увы, бесполезна. Копии старых объявлений, записки с распоряжениями и обрывки речей, списки имен, списки вещей, списки списков. Но я нашла несколько стенограмм заседаний совета, и что-то вроде черновиков губернаторских указов. Точных дат очень немного, и понадобится изрядная дедуктивная работа, чтобы из этих записей Леонеля сложилась упорядоченная картина. Я даже не уверена, что найденные мной документы относятся к правлению Леонеля. Но это начало. Думаю, что могу с удовлетворением посмотреть на то, что я достигла сегодня. Это очень интересная работа, хотя и утомительная.

Должна сказать, что сегодня я чувствую себя еще более уставшей, чем вчера. Мысль о том, что завтра придется снова ехать в Вальгааст и покидать Мальвейль, кажется невыносимой.

В нашу первую встречу со Штавааком я приходил к нему. Этим утром он пришел ко мне. Я пригласил его в библиотеку. Мы сели у окна, и Штаваак говорил негромко, склонившись ко мне. Я никогда не видел, чтобы арбитратор вел себя с такой осторожностью. Еще одно напоминание об опасностях войны, которую я объявил.

— Думаю, вы должны знать, — сказал Штаваак. — В Росале проведено много арестов.

— Быстро. Ваша работа?

Он покачал головой.

— Это местная милиция.

— Следуют вашему примеру?

— Именно, — произнес он голосом, полным сарказма.

— Вы не доверяете тому, что происходит.

— Это произошло слишком быстро и слишком кстати. Если у них были доказательства, необходимые для всех этих арестов, они должны были действовать раньше. Если доказательств не было, они не успели бы собрать их.

— Тогда почему эти аресты?

— Это дело Монфор, — ответил Штаваак, — готов спорить на что угодно.

— Чего она надеется этим добиться?

— Она собирается превратить потерю в преимущество. Теперь она намерена поднять уровень производства сельскохозяйственной продукции в Росале.

— Ага, — теперь я понял. — Уменьшить задолженность по десятине Солуса без потерь

для себя и своих оставшихся союзников.

— Именно так.

— Росала сможет производить достаточно продукции, чтобы покрыть задолженность всего Солуса?

Если Монфор сумеет этого добиться, Адептус Терра увидят то, что хотели видеть, и сочтут, что я выполнил свою задачу. Солус снова ускользнет из их внимания, и у Монфор будет большая свобода действий. И тогда мое положение станет весьма уязвимым.

— Я не знаю, возможно ли это, — ответил Штаваак. — Разве что если они будут вывозить столько продукции, что возникнет риск голода среди населения Росалы. Тогда объема продукции может и хватить.

— Тогда нам нужно действовать непосредственно против Монфор.

— Давно пора, — усмехнулся Штаваак. — Но с этим-то и проблема, не так ли?

— Вы можете арестовать ее?

— Нет доказательств. И она слишком многое держит под своим контролем. Нужны неопровержимые доказательства.

Я подумал над этим несколько секунд.

— Я могу приказать, чтобы мне докладывали об объемах производства каждого сектора в отдельности. Тогда скрывать хищения будет невозможно.

— Это может дать нам материалы против Монфор. По крайней мере, хоть какой-то шанс, — Штаваак встал, собираясь уходить. — В любом случае, я хотел, чтобы вы знали, что происходит, и Монфор не смогла бы застать вас врасплох на заседании совета.

Я с благодарностью похлопал его по плечу.

— Спасибо, я очень ценю вашу помощь.

Когда мы вышли в вестибюль, я заметил, что Штаваак рассматривает внутреннее убранство Мальвейля с нескрываемым любопытством.

— Вам не приходилось здесь бывать? — спросил я.

— Нет.

— И даже во время правления Леонеля?

— Присутствие Адептус Арбитрес здесь не требовалось.

— Жаль, — сухо сказал я. — В последние годы его правления здесь явно требовалось присутствие *кого-то*.

— Моя бабушка как-то была здесь. Вскоре после того, как поступила на службу в Адептус Арбитрес, если я правильно помню семейную историю.

— Она была здесь по службе?

— Ах, таких подробностей я не помню. Но скорее всего да.

— Интересно, что же могло привести ее в Мальвейль? — спросил я.

— Странно, но я не могу вспомнить, что она упоминала причину, по которой приходила сюда.

— Просто, похоже, что в истории моей семьи трагические случаи были не столь уж редки, — сказал я.

— Понятно. Но боюсь, я не слишком много знаю о прежних губернаторах.

— Я тоже...

То, что я прочитал в дневнике Элианы этим утром, встревожило меня. Это было прискорбно верно и в отношении меня, просто понадобились слова Элианы, чтобы указать на это. Раньше я даже не замечал, насколько мало я знал.

Штаваак ушел, и спустя примерно полчаса приехала Белзек, чтобы отвезти меня на заседание совета. К тому времени погода испортилась. Подул сильный ветер. Мертвые деревья под его порывами раскачивались, словно царапая столь же мертвое небо. Дождь со снегом летел мне в лицо, когда я шел к машине.

Ветер встряхивал машину, когда мы ехали по мертвому индустриальному району. Свистя между пустыми корпусами мануфактуров, порывы ветра хлестали дорогу, словно пытаясь подбросить нас в воздух. Вдруг сквозь завывания ветра я услышал грохочущий треск. Выглянув из окна машины, я увидел, как две огромные заводские трубы покачиваются, опасно покосившись.

— Белзек! — закричал я, но она уже видела опасность.

Дорога была узкой, и свернуть было невозможно. Одна из падающих труб была прямо позади нас, а другая немного впереди. Белзек нажала педаль газа, а потом резко затормозила. Наша единственная надежда уцелеть была лишь в том, чтобы машина оказалась между двумя трубами.

Камнебетонные гиганты рухнули на дорогу со страшным грохотом, сотрясая землю. Тысячи тонн камня и пыли затмили небо, погрузив нас во тьму. Белзек сманеврировала удачно, но обломки разлетелись далеко, и огромный кусок камнебетона свалился на капот машины, раздавив его и покорежив крышу. Осколки разбили стекла и влетели внутрь.

Я закашлялся, пытаясь дышать в облаке пыли. В ушах звенело, и я едва мог разглядеть что-то в забитом пылью воздухе.

— Белзек! — позвал я.

— Мой лорд? — отозвалась она, ее голос был напряженным от боли.

— Можешь двигаться? — спросил я.

— Меня зажало.

Дверь слева от меня была открыта. Тяжелый обломок навалился на мои ноги, но я сумел его сдвинуть. Острые края врезались в мою правую руку и ногу, но в аугметике не было нервов, чтобы чувствовать боль, а силы механических конечностей хватило, чтобы я выбрался из-под обломков и из машины.

С силой потянув, я открыл заклиненную дверь Белзек. Гусеницы, заменявшие ей ноги, были разбиты, механизм, дававший ей подвижность, раздавлен смятым корпусом машины. Я расчищал обломки, пока не освободил верхнюю часть ее тела, и она пыталась отключить громоздкий механизм на поясе, расстегивая замки и отсоединяя трубки, из которых шел пар, и вытекала черная смазка. Белзек застонала, кровь отлила от ее лица. Она обмякла, свалившись набок, и я вытащил ее из машины.

Ветер с ревом хлестал нас, сдувая пыль. Спотыкаясь, я потащил Белзек подальше от обломков, снег с дождем ослеплял меня. Моргая, я огляделся сквозь бурю. Поблизости на улице не было никакого убежища, весь район был покинут. Мы были здесь сами по себе.

«Неплохо придумано, Монфор. Превосходное место для засады, и вполне объяснимый несчастный случай»».

Я упорно продолжал идти, прямо в пасть бури. Правая сторона моей формы была изорвана в клочья. Мир вокруг превратился в сплошное серое пятно. Наверное, я прошел пешком больше мили, прежде чем пустые корпуса мануфактуров остались позади.

Думаю, отнюдь не являлось совпадением, что в районе обрушения труб не было никакого другого движения. Должно быть, Монфор было приятно думать, что даже если я

остался жив, она показала мне, какой властью обладает она над городом и его жителями.

Я поклялся отобрать у нее эту власть.

Наконец мы добрались до дороги, по которой ездили другие машины. Я остановил одну из них и приказал водителю довезти нас до ближайшего поста СПО. Там я оставил Белзек, приказав как можно скорее доставить ее в медицинский центр, а сам велел солдатам везти меня к Залу Совета.

Заседание уже началось, когда я вошел в зал. Представляю, какое зрелище это было. Я весь промок, мое лицо было исцарапано и кровоточило, одежда вся изорвана. Я не столько дышал, сколько хрипел, яростно сжимая кулаки. Вейсс и Зандер потрясенно уставились на меня. Зандер собрался встать, чтобы помочь мне, но я отмахнулся.

Монфор встала со своего кресла, весьма убедительно изображая тревогу.

— Лорд-губернатор, — произнесла она. — Что случилось?

— Меня едва не раздавило при обрушении мануфактурума, — я устало сел на свой трон.

— Это прискорбно. Есть жертвы?

— Нет, — прохрипел я. — Только моего водителя ранило.

— Тогда можно сказать, нам повезло.

— Ивина Белзек, ветеран Имперской Гвардии, не согласилась бы с вами.

Монфор пожала плечами.

— В любом случае, от этих заброшенных зданий стоило ожидать неприятностей. Рано или поздно неминуемо должно было случиться нечто подобное, но я и не думала...

— Я не сомневаюсь, вы не думали.

— Необходимо будет провести расследование причин этой катастрофы.

— О, да, — сказал я. — Расследование будет. Мы выясним, *кто* виновен в этом.

Я подчеркнул слово «кто», давая понять, что не сомневаюсь, что в этом *кто-то* виновен. Пристальным взглядом я обвел всех советников, особенно Монфор. Она смотрела на меня в ответ, ее лицо выражало беспокойство, достаточно подчеркнуто, чтобы показать, что оно фальшивое. Все в зале поняли значение наших слов. Никто из нас не мог атаковать другого напрямую. Пока.

Но я мог атаковать непрямым образом, и перешел к следующей фазе моей кампании.

— Мы открыли фронт против коррупции в Росале. Это начало, и я не позволю свести на нет результаты нашей работы из-за того, что криминальные группировки могут укрыться в других агросекторах.

Я говорил тоном, столь же фальшивым, как тревога Монфор. *«Смотрите на меня, крысы. Я знаю, что вы все делаете. И вы знаете, что я знаю. Смотрите на меня. Я все еще жив и все еще сражаюсь. Я не боюсь вас. Я научу вас бояться меня».*

— Мы должны быть бдительны, — продолжал я. — И у нас должны быть инструменты в помощь бдительности.

После этого я потребовал сведений об объемах производства по каждому сектору:

— Я ожидаю увидеть доклады из всех секторов через неделю, начиная с сегодняшнего дня.

— Такая задача... — начал Себат Ванзель, советник от сектора Керция.

— ... конечно, не будет представлять большой сложности, — прервал его я. — Полагаю, цифры по производству есть у всех. Задача ваших писцов — лишь собрать их. Если же этих сведений нет, то возникает вопрос, почему их нет, и ответ напрашивается только один.

— Несомненно, они есть, — сказал Ванзель.

— Тогда я ожидаю увидеть их. Заседание окончено.

Никто не осмелился противоречить мне и возражать, что я прервал обсуждение других вопросов. Я действовал на адреналине, и мне нужно было использовать преимущество моего выживания, устроив соответствующе драматичную демонстрацию силы.

На этот раз Монфор даже не пыталась скрыть свою ярость, когда уходила. Спустя лишь несколько дней «военных действий» между нами маски стали спадать.

Это хорошо.

Я вышел из зала последним, дождавшись, когда уйдут все остальные, и стоя у своего трона, словно статуя гнева и крови. Я был готов упасть, но заставил себя продолжать идти, пока не окажусь в безопасности в Мальвейле.

Когда я дошел до двери, ко мне подошли Вейсс и Зандер.

— Я отвезу тебя домой, — предложила Вейсс.

— Нет необходимости, — сказал Зандер. — Я сам еду в Мальвейль и отвезу отца.

Вейсс удивленно посмотрела на него, но я мог заметить, что ей приятно это слышать.

— Мой водитель... — сказал я.

Вейсс кивнула.

— Я прослежу, чтобы о ней хорошо позаботились.

— Спасибо.

Когда Зандер и я подъехали к вершине холма, на котором стоял Мальвейль, мы увидели Катрин, которая шла последний отрезок пути к Мальвейлю пешком. Контраст между моими детьми в этот момент был болезненно заметным. Избалованный советник разъезжал по городу на роскошной машине с личным водителем. Катрин пришлось ехать на поезде до ближайшей к Мальвейлю остановки, находившейся примерно в двух милях от подножия холма, и от этой остановки идти пешком. Дождь со снегом хлестал по ее черному пальто и фуражке инструктора Схолы Прогениум. Катрин выглядела так, словно направлялась в траншею на войну. Зандер же выглядел так, будто в его вселенной не было слова «война».

Но сейчас он выглядел злым и потрясенным. Это позволяло мне надеяться, что он еще не потерял для меня.

— Ты слышала? — спросил он у Катрин, когда мы вошли в вестибюль.

— Да. Это была попытка убийства?

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал я. — Но мы не сможем доказать это. Моя смерть выглядела бы просто несчастным случаем.

— И Монфор могла бы победить так легко?

— Нет, не могла бы. Потому что я здесь не один. У меня есть наследники.

— Думаешь, она снова попытается? — спросил Зандер.

— Конечно. Но ей придется аккуратнее выбирать подходящий момент. Второй «несчастный случай» слишком быстро после этого будет подозрителен.

— Она может попытаться убить кого-то из нас, — сказал он.

— И? — спросила Катрин. — Ты боишься?

— Да, боюсь. Я не хочу умирать за...

— За что? За Солус? За Императора? Или может быть, ты хотел сказать за *ничто*?

Зандер не ответил, лишь покачав головой.

— Мы ведем войну, — сказал я ему. — И в этой войне не может быть нейтральных сторон, как бы нам этого ни хотелось. Солус должен сражаться за Императора, а мы должны

сражаться за Солус.

Зандер вздохнул.

— Я был счастлив, пока ты не вернулся сюда. Понимаешь? Моя жизнь была прекрасной.

— Ты тратил ее напрасно, — сказала Катрин.

— Пусть так, но я тратил ее с удовольствием. Мне не приходилось ожидать, что Монфор подошлет ко мне убийц.

— Но у тебя и не было возможности уничтожить ее, — возразила Катрин. Когда Зандер не смог ответить сразу, она продолжила, — Или ты будешь притворяться, что всегда хотел подчиниться ей?

— Все, что я должен был делать — лишь не мешать ей.

— Нет, для нее этого никогда не было бы достаточно.

— Эта война — твое спасение, — сказал я Зандеру. — Тебе не придется платить цену, назначенную Монфор.

— Уж это точно, — произнес он с меньшей горечью, чем я ожидал.

— Я не хотел подвергать вас опасности, — вздохнул я. — Но мой долг неизбежно связан с ней.

— Рано или поздно она использовала бы Зандера, а потом избавилась бы от него, — сказала Катрин. — А если бы он сопротивлялся, ее целью бы стала я. Ты лишь ускорил то, что неизбежно должно было случиться.

— Вам будет безопаснее здесь, чем в Вальгаасте, — сказал я.

— Тебе тоже, отец, — ответил Зандер. — Ты вернулся к нам, и я хотел бы, чтобы ты остался с нами, желательно живым. Так что да. Я буду жить здесь.

— Я тоже, — подтвердила Катрин.

Я улыбнулся, чувствуя благодарность и новую решимость.

— Спасибо вам обоим. Я очень рад. Вместе мы сильнее. Мы семья, мы одной крови. И если Монфор нанесет удар по кому-то из нас, она не получит шанса ударить снова.

— Чтобы ее остановить, возможно, понадобится убить ее, — заметила Катрин.

— Возможно, — согласился я.

— Если ты так кровожадно настроен, что не позволяет тебе убить ее сейчас? — спросил Зандер.

— Волнения, которые это может вызвать. Я здесь, чтобы восстановить порядок на Солусе, а не ввергать его в гражданскую войну. Если Монфор перестарается и прольет первую кровь, она обречена.

— Трон Святой, — вздохнул Зандер. — Дай Император, чтобы до этого не дошло.

— Не думаю, что до этого дойдет, — я улыбнулся. Мои дети собирались жить здесь. Моя семья снова была единой. Когда нас укроют могучие руки Мальвейля, внешний мир не сможет причинить нам вред.

А ночь и сны еще далеко.

Я больна уже несколько дней. Я не знаю, что в точности со мной не так, и даже медик, которая приходила ко мне, не смогла этого сказать. Она дала мне какие-то ампулы, которые должны устранить летаргическую апатию, овладевающую мной, но, кажется, они не очень помогают. Каждое утро я чувствую, словно мне уже лучше, и я снова могу приступить к своим обязанностям в Администратуме. И каждое утро, даже когда я уже еду на службу, то не могу преодолеть более половины пути с холма, после чего поворачиваю назад. Мне повезло, что в Администратуме у меня есть надежные помощники, которым я могу временно поручить дела. Они способные администраторы, дисциплинированны и верны мне. Кроме того, они люди бесстрастные и не слишком амбициозные. Это хорошо. Я не хочу, чтобы подчиненные давали волю своим амбициям в мое отсутствие.

А теперь я смотрю на эти слова, смотрю уже несколько минут. И пытаюсь понять, правдивы ли они. Когда я писала их, то была убеждена, что это правда. Я хотела верить в них. Только, кажется, я в них не верю. Это физическое недомогание держит меня дома? Почему-то я в этом сомневаюсь.

Надо быть честной. Я не собираюсь лгать себе на этих страницах. Если я намерена восстановить правду о Штроках, я опозорю семью Мейсона, если буду лгать себе.

Итак. Я написала, что испытываю непреодолимую усталость и апатию, что-то вроде летаргии. Иногда это правда. Но не всегда. Это не так даже большую часть времени, когда я в Мальвейле. Мои конечности тяжелеют, когда я собираюсь поехать в Вальгааст. Вот это правда. Но это слишком избирательный симптом — подозрительно, что он поражает меня будто специально, чтобы помешать мне исполнять свой долг.

Слишком сосредоточившись на усталости, я забыла о других симптомах. Из них прежде всего следует упомянуть страх, или чувство, похожее на него. Прежде чем меня охватывает усталость, хотя все, что я делаю в это время — лишь собираюсь ехать на службу, со мной случается приступ необъяснимой нервозности. Сердцебиение учащается, во рту пересыхает. Я смотрю в окно, словно ожидаю некоей катастрофы, чего-то ужасного, нависшего над горизонтом. И последнее, чего я хочу в этот момент — покинуть дом. Когда же я возвращаюсь в Мальвейль, отказавшись от безуспешных попыток поехать в город, я испытываю странное чувство облегчения.

В свете всего этого приступы усталости выглядят как подходящий повод не покидать дом.

Да, сказать так будет более честно. Но при этом я испытываю чувство вины, потому что, кажется, не могу ничего сделать, чтобы изменить это. Наверное, это все-таки какая-то болезнь. Я не могу покинуть дом. Просто не могу. Это выше моих сил.

По крайней мере, я занята делом, пока сижу дома. Я значительно продвинулась в своей работе по исследованию семейных архивов. Работа долгая и трудная, но с помощью Кароффа и слуг дело пошло гораздо быстрее. Карофф организовал вывоз всего, что не представляет ценности. Глядя, как бесконечный поток вещей покидает Мальвейль, я могла бы подумать, что мы куда быстрее очистим комнаты от хлама, но его так много, что, кажется, мы почти не приблизились к этой цели. Бремя прошлого в Мальвейле слишком тяжело, и так просто от него не избавиться.

Это тоже угнетает меня, потому что, несмотря на мою занятость и нездоровое

состояние (чем бы оно ни было) я пытаюсь привнести в Мальвейль настоящее. Я полагаю, дом должен нести на себе признаки тех, кто живет в нем здесь и сейчас. Мы тоже часть его истории и тоже имеем значение. И я живу в надежде, что однажды здесь действительно будет жить вся наша семья. Поэтому я пригласила в Мальвейль мастеров и торговцев, чтобы они приносили сюда свои товары и идеи, как добавить дому наши штрихи. Хорошо, пока только мои штрихи. Я оставлю свой след в Мальвейле, хотя для этого придется многое купить и изрядно потратиться.

Тем временем я начала понемногу разбираться и в прошлом. Я собираю документы, проливающие свет на ранние годы правления Леонеля. Это архивная работа в наиболее трудных ее проявлениях. Но я с гордостью могу сказать, что именно она получается у меня отлично, и мне уже есть чем похвалиться. Раньше я не знала о Леонеле ничего, кроме того, что он много лет болел, и единственное что в нем было примечательно — это его отсутствие в общественной жизни Солуса. Даже Карофф, который служил в Мальвейле еще до болезни Леонеля, едва может что-то вспомнить о тех временах. Конечно, тогда Карофф был еще очень молодым. Ухудшение здоровья Леонеля и связанное с этим его затворничество началось довольно рано после того, как он занял пост лорда-губернатора. Но то, что я нашла в архивах, позволяет предположить, что Солус несправедливо обошелся с Леонелем, предав его забвению. Судя по документам, Леонель был человеком, весьма серьезно думающим о нуждах своего мира, и исполненным решимости действовать соответственно.

Кроме этих документов, я обнаружила несколько страниц того, что, вероятно, было его дневником. Или, может быть, это просто заметки, которые он делал для себя. В них упоминается дом Монфор, и новые свидетельства долгой вражды между ними и Штроками, а также тот факт, что Монфоры уже тогда были жестоки и коррумпированы. Приход к власти Штроков был большой удачей для Солуса. Страшно даже подумать, на что была бы похожа безраздельная власть Монфоров.

Есть и другие записи, которые меня несколько пугают. Они явно не добавили мне оптимизма. Похоже, что Леонель, когда был еще здоров, приступил к работе, очень напоминающей то, что я делаю сейчас. Он тоже хотел восстановить историю своих предков, и тоже добился некоторых успехов. Я нашла пока еще очень мало информации о других губернаторах, правивших Солусом до Леонеля. Все, что до сих пор мне о них известно, написано почерком Леонеля, который я теперь хорошо знаю, или же собрано им.

Кажется, я лишь повторяю усилия Леонеля, и это деморализует. Я продолжаю находить парадоксы в Мальвейле. Правление Штроков не прерывалось, но ни у кого из губернаторов не было прямого продолжения рода. Прошлое повсюду в этом доме, и все же оно покрыто мраком тайны.

Я хочу поговорить об этом с кем-нибудь. Я хочу поговорить с Мейсоном. Как я хотела бы, чтобы он был здесь. Иногда эта работа кажется чем-то вроде разговора, который я веду с ним, и которого он никогда не услышит. Любовь моя, я знаю, почему ты не можешь быть со мной, но как же это тяжело. Я думаю, сможешь ли ты понять когда-нибудь, что это значит — быть в полном одиночестве.

Надо же, мое одиночество снова проявило себя. Похоже, мой исторический проект лишь отчасти помогает бороться с ним. Конечно, это так. Ничто не поможет полностью избавиться от одиночества, если оно никак не прекращается.

В библиотеку зашел Карофф. Этим вечером Мальвейль посетил неожиданный гость.

Позже.

Это интересно. Ко мне приходила Вет Монфор. Когда же Монфоры последний раз посещали Мальвейль? Если вообще когда-то посещали. Должно быть, та же мысль пришла в голову ей. Она как будто заставила себя переступить наш порог. Я подумала, что у нее была некая по-настоящему серьезная причина прийти сюда.

Но, похоже, что нет. Она сказала, что просто пришла узнать, как у меня дела.

Могу представить, какое скептическое лицо состроил бы Мейсон. Должно быть, и у меня было похожее выражение. Монфор, если и была этим оскорблена, то никак этого не проявила. А я не могу прямо отвергнуть мирную инициативу. Если бы я это сделала, то стала бы виновной в новой эскалации враждебности между нашими семьями. Может быть, именно на это она хотела меня спровоцировать, и поэтому пришла «с миром» в дом своих давних врагов. Но напряжение на ее лице, когда она вошла в Мальвейль, как-то не сочетается с мыслью, что это ее стратегическая победа.

Она пробыла здесь недолго и была очень любезна. Но я не теряла бдительность — или, по крайней мере, так я себе говорила. Я знаю, что ей нельзя доверять. Полагаю, никто ей не доверяет. Ее враги, разумеется, не доверяют ей. А ее «союзники» — всего лишь ее креатуры. Они не доверяют ей, а боятся ее. Глядя на нее можно увидеть, как порочность меняет лицо человека, словно грызет и изъязвляет его черты. Не хочу даже думать, что происходит в Силлинге, резиденции Монфоров. Не хочу даже находиться поблизости от нее, будто ее гниль заразна.

И все же. И все же. Она казалась весьма дружелюбной и обеспокоенной. Она слышала, что я в последнее время не выхожу из дома. И ей это не кажется хорошим знаком.

«Я хотела бы пригласить вас пообедать со мной», сказала она.

Если бы она остановилась на этом приглашении, я знала бы, что меня заманивают в ловушку. Но она на этом не остановилась. Она явно не была удивлена, когда я уклонилась от ее предложения. Она отреагировала на это весьма мягко — иначе не скажешь. Она сказала, что понимает. А потом она сказала:

«Не могли бы вы оказать мне одну маленькую услугу? Может быть, вы встретитесь с кем-то из ваших друзей? Не пригласите их сюда, а поедете к ним?»

Что я могла сказать на это? Она говорила мягко, но настоятельно, словно эта просьба была очень важна для нее.

Я сказала ей, что постараюсь, если смогу, так и сделать. Я говорила уклончиво. Неважно, насколько дружелюбную маску она нацепила, я знаю, что она уничтожила бы Штроков, если бы могла. И ее сегодняшний визит может быть частью этого плана, хотя я не представляю, как именно.

Вероятно, она не поверила мне. Хотя никак этого не выразила. Она поблагодарила меня за гостеприимство и ушла. Казалось, она испытывала облегчение, покидая Мальвейль. Когда она была уже на пороге, то сказала нечто странное. Она сказала, что надеется, что я последую ее совету. А потом она сказала: «Вы не из Штроков по крови. Помните об этом. Этот дом не имеет власти над вами».

Вот так. Еще одна загадка. А у меня и так нет в них недостатка.

Что бы ни хотела она этим сказать, как минимум в одном смысле она ошибалась. Дом имеет власть надо мной. И я здесь именно поэтому. Я часть семьи Штроков. И жить здесь — одна из обязанностей, которые налагает мое регентство. Я представляю Штроков,

через меня они присутствуют в Мальвейле, и совету не позволительно забывать, что у Солуса есть законный губернатор, даже если он временно отсутствует.

Мейсон, я надеюсь, ты оценишь то, что я делаю для тебя. Я отдала многое из того, что я есть, чтобы заменить здесь тебя. Чем дольше я болею, тем больше теряю связь с той частью своей личности, что существует за пределами семьи Штроков и Мальвейля.

Ты оставил мне нелегкое бремя, Мейсон. И оно с каждым днем все тяжелее.

Меня разбудили рыдания. Это был голос Элианы. Я понял это сразу. Вскочив с кровати, я уронил дневник, который лежал на моей груди, и он упал на пол. Я заснул, читая его, и негодование, которое выражала в нем Элиана, последовало за мной в сон. По крайней мере, так я подумал.

— Это сон, — сказал я вслух.

Я говорил четко, мой голос был слегка хриплым после сна, в нем не чувствовалось напряжения и гнетущего молчания кошмаров. Но плач продолжался, в нем слышалась злость и отчаяние. Боль моей жены прорывалась сквозь тьму — и сквозь мою душу.

Я включил люмен на столике рядом с кроватью. Освещение сделало комнату еще более реальной, отодвинув прочь тени и придав четкость предметам вокруг меня.

Я не спал.

Но я ошибался на этот счет и раньше, принимая сон за реальность.

Я встал с кровати, проверяя пол, топнул по нему, чтобы почувствовать, как удар отозвался в ноге. Я ущипнул себя. Все было так, как и должно быть. Я действительно не спал. И все равно я слышал плач. Он звучал так, словно кто-то плакал прямо за дверью. Плач стал громче, когда я подошел к двери, но едва я распахнул ее, как плач словно спустился по ступеням в коридор вниз.

Нечто вроде состояния фуги охватило меня. Мое сердце колотилось. Я не просто не спал. Я чувствовал себя так, будто лишился сна навсегда. Плач Элианы звал меня за собой, цепи, словно сдавившие мое сердце, требовали, чтобы я следовал за ним. С почти религиозной страстью я хотел избавить ее от страданий. Но рациональная часть моего разума, полностью бодрствующая сейчас, предупреждала меня, чтобы я не доверял тому, что слышу. Элиана *не могла* издавать этот звук. Может быть, и не было никакого звука. Одна половина моего разума испытывала сильное подозрение к другой половине.

Я спустился по ступенькам из моей башни в главную галерею на первом этаже и задержался, чтобы зажечь светильник на стене рядом с дверью. Плач раздавался где-то еще дальше, как будто спускаясь по главной лестнице. В коридоре никого не было.

«Прости. Я хочу пойти за тобой. Хочу удержать тебя. Но не могу. Ты не можешь быть здесь. Но я хотел бы, чтобы ты была здесь. Трон Святой, как я этого хочу».

На этот раз я не позволил себе заблудиться. Дрожащими руками я зажег другие фонари по пути в вестибюль. Я прошел мимо дверей в комнаты Катрин и Зандера, но потом вернулся. Послушав эхо рыданий в коридоре еще мгновение, я постучал в двери и позвал своих детей.

Плач прекратился. Наступила тишина. Из своей комнаты вышла Катрин, удивленная, но полностью одетая и бодрствующая. Через несколько секунд вышел и Зандер, он выглядел как будто только что проснулся. Сегодня он вернулся в Мальвейль поздно ночью, и я не слышал, как он пришел.

— Что случилось, отец? — спросила Катрин.

— Кто-нибудь из вас слышал что-то необычное сегодня ночью?

Катрин покачала головой, а Зандер сказал:

— Я спал.

— Или в любую другую ночь с тех пор, как вы здесь?

— Нет.

— Что случилось? — снова спросила Катрин.

— Возможно, ничего.

— Но, возможно, в дом кто-то проник.

— Может быть, — я так не думал. Но все же это объяснение выглядело более разумным, чем призрак. По крайней мере, я не лгал им.

— Давайте проверим, — сказала Катрин. Зандер вздохнул, но кивнул.

Я попросил их подождать и прислушаться. Но в доме была тишина.

«Почему ты не говоришь с детьми, Элиана?»

Мы обошли дом, зажигая по пути свет. На это ушло больше часа, и даже за это время мы никак не могли осмотреть все комнаты и места, где, вероятно, мог прятаться нарушитель. Наш обход был чем-то вроде соблюдения формальности. Я не думал, что мы найдем в доме какое-либо живое существо. Мои дети, наверное, считали, что мы вообще ничего не найдем, но, по крайней мере, Катрин не исключала вероятность, что в дом мог кто-то проникнуть.

Одно место мы смогли осветить лишь фонарями, которые принесли с собой — это Старая Башня. Зрелище в ней оказалось таким же странным и пугающим для Катрин и Зандера, каким оно было для меня. Сквозняк откуда-то снизу овеивал холодом наши лица. По молчаливому согласию мы лишь заглянули за дверь в башню, а потом ушли. Никто не стал бы здесь прятаться. Это было ясно, даже если мы не могли точно обосновать почему.

В доме не было никого кроме нас. Мы погасили фонари и вернулись в галерею, снова погрузив Мальвейль во мрак.

— Что ж, это было интересно, — сказал Зандер, когда мы подошли к двери его комнаты. Он пожелал нам доброй ночи и закрыл за собой дверь.

— Ты можешь описать, что ты слышал? — спросила Катрин.

— Не очень, — уклончиво сказал я. — Должно быть, это ветер разбудил меня.

Это был слабый ответ, и она это знала.

— Часто это с тобой бывает?

Это уже было похоже на начало допроса.

— Нет, — ответил я. — Лишь раз или два. Вероятно, это потому, что я сплю наверху в башне.

«Она не поверит, если ты будешь отрицать».

— Может быть, — она внимательно смотрела на меня, ее голос был уклончивым.

Мы расстались. Я направился к двери в свою башню, но не стал подниматься по ступенькам, а подождал, пока не убедился, что Катрин снова легла спать. После этого я вернулся в галерею и оставил зажженным только один фонарь, у входа в башню. Не думая о причинах, я решил, что должен погрузиться в объятия тьмы и одиночества. Я медленно шел по галерее и ждал. Я надеялся и в то же время боялся. Я двигался тихо, особенно стараясь не производить шума, когда проходил мимо двери Катрин. Я хотел, чтобы у невероятного были свидетели. Теперь я понял, что это невозможно, и не хотел свидетелей своему поведению, которое не мог просто так объяснить.

Плач начался снова, когда я дошел до большой лестницы. И на этот раз я не

сопротивлялся его зову. Я спустился и последовал за звуком в библиотеку. И когда я вошел туда, то увидел Элиану. Она сидела у окна, склонившись и закрывая руками лицо. Тусклые лучи Люктуса падали на нее, но их свет будто не освещал ее. Она была мерцающе-бледной, серое воплощение скорби.

Порыв ветра ударил в окно, резкий и внезапный, словно крик. Я вздрогнул и оглянулся. Деревья на улице задрожали, будто в страхе, и снова затихли.

— Элиана, — позвал я. Она встала с кресла, и я увидел, как она прошла через другой выход из библиотеки. Она исчезла, пройдя сквозь закрытую дверь.

Я последовал за ней.

Сначала Элиана оставалась далеко от меня, она виднелась за следующим углом или в дальнем конце коридора. Потом она начала заходить в комнаты, которые Леонель наполнил своим безумием. Она тихо останавливалась перед грудami хлама и смотрела на них с тоской и отчаянием. Ее рыдания превратились в сдавленные стоны. Я тогда тоже останавливался, боясь, что если подойду ближе, то она исчезнет.

Но пока я держался на некотором расстоянии от нее, она оставалась передо мной. Она была такой, как я помнил ее, только призрачно-серой. Движения ее были медленными и грациозными, словно она была под водой. Она была в той самой ночной рубашкой, в которой я видел ее призрак в Мальвейле в первый раз. Тогда я думал, что это сон. Но сейчас было иначе. Мир вокруг меня был вполне реальным. Я не спал, и до болезненности осознавал это.

Я смотрел на нее, и боль разрывала мою грудь. Я не понимал ничего, но принял без сомнений, что вижу мою умершую жену, и что ее терзает какое-то горе.

— Элиана...

Мой сдавленный шепот был едва слышен за ее рыданиями.

Она не задерживалась надолго ни в одной комнате. Она двигалась между кучами старых вещей, словно пытаясь разгадать некую скрытую тайну, и после шла дальше. Я следовал за ней.

С каждой новой комнатой ее страдания были заметны все сильнее, и я кричал, звал ее, умолял позволить мне утешить ее. Она не отвечала, и словно стала двигаться быстрее. В ее плаче звучало отчаяние. Казалось, она искала что-то очень важное, что не могла найти при жизни, и смерть будто была готова настигнуть ее снова.

Мы дошли до Старой Башни. Элиана остановилась перед дверью. Она склонила голову, ее тело содрогалось от рыданий, а руки сжались в кулаки. Потом она прошла сквозь закрытую дверь. Я бросился вперед и схватил за железное кольцо двери. Но прежде чем я успел открыть ее, из башни раздался вопль Элианы. Долгий, пронзительный, это был крик ужаса и отчаяния. Он звучал громче, и громче, и громче, пока я тоже не начал кричать.

Внезапно крик оборвался, словно обрубленный клинком.

Наступила тишина. Я знал, что искать Элиану уже бессмысленно. Она исчезла. Я прислонился к двери, соскользнул на пол и сжался в комок. Настала моя очередь плакать.

Следующим вечером я посетил церковную службу в Соборе Беспощадной Веры. Мне необходимо было укрепить свою веру. Я сидел в отдельной губернаторской ложе, рядом с Адрианной Вейсс. Ложа находилась у одной из огромных колонн у пересечения поперечного нефа собора, ниже уровня кардинальской кафедры. Там лорд-губернатор был на виду и при этом сохранял некую толику уединения. Все прихожане могли видеть меня, но никто, кроме Адрианны, не мог меня слышать.

Мы с ней поговорили перед началом службы, но мой разум был занят иными мыслями. Я едва осознавал, что говорил, продолжая смотреть на алтарь. Башня из мрамора и обсидиана возвышалась над приделом собора на шестьдесят футов. Огромный череп из золота и бронзы взирал с ее вершины на прихожан, расправив крылья под стрельчатыми арками. Это зрелище напоминало о Суде Небесном, о том, что Император видел все. Он защищал верующих, но согрешить перед Ним означало навлечь Его праведный гнев и кару.

Хотя я нуждался в поддержке и помощи Имперского Кредо, я не знал, в какой форме эта помощь может быть выражена. Мне нужно было знать, что делать. Но я не хотел услышать ответ, означавший, что Элиана исчезла навсегда.

— Мейсон, — мягко сказала Вейсс.

Я моргнул, с трудом оторвав взгляд от огромного черепа, и обернулся к ней.

— Что ты сказала?

Она покачала головой. Перья на ее головном уборе медленно заколыхались слева направо.

— Я задала тебе вопрос целую минуту назад.

Я даже не расслышал, что это был за вопрос.

— Прости, — не было смысла притворяться, что я могу вспомнить, о чем мы говорили.

— Что происходит?

— Я сказал бы тебе, если бы мог, — и я действительно очень хотел сказать.

Я тщательно обдумал, что ей ответить. Я доверял Адрианне Вейсс как себе. Чем больше я расскажу ей о том, что переживаю в Мальвейле, тем большее бремя возложу на нее. С другой стороны, она видит, что меня что-то сильно тревожит, и она не оставит это просто так.

— Ты все еще скучаешь по Джераллен, — сказал я.

— Конечно, скучаю. Все время. Особенно в начале и в конце дня.

Я кивнул. Это были худшие моменты, когда требования жизни и долга отвлекали меньше, и потеря чувствовалась острее. Пустота на другой стороне постели. Эта секунда после пробуждения, когда ты забываешь, что там никого нет, а потом наступает ужасное мгновение, и ты вспоминаешь, что теперь ты один.

— Ты... — я помедлил, прежде чем продолжить, — ты когда-нибудь... видела ее?

Адрианна долго не отвечала. Ее руки в перчатках сжались, потом медленно расслабились, словно она сознательно приказала пальцам разжаться. Ее плечи содрогнулись.

— В снах, — сказала она наконец. — Так часто... Видеть ее — это прекрасно, но потом так ужасно осознавать, что это не по-настоящему... Я благословляю эти сны, и проклиная их. Ты это имеешь в виду?

Она пристально смотрела на меня, явно надеясь, что я — ради моего же блага — отвечу утвердительно.

Но я зашел слишком далеко, чтобы лгать. Слишком много произошло со мной, чтобы я

пытался найти утешение в легкой лжи.

— Нет, — ответил я. — Ты видела ее... наяву?

— Нет, — быстро сказала она, и глубоко вздохнула. — А ты видел Элиану?

Я не ответил, глядя в огромные темные глазницы черепа.

— Больше, чем один раз? — спросила Вейсс.

— Да, — произнес я, едва шевеля губами.

— Где?

— В Мальвейле.

— А в городе?

— Нет. Только в доме. Только ночью.

— Как ты думаешь, что же это действительно...? — спросила она.

— Я не знаю.

— Это *не может быть* Элиана.

Я вздохнул, не желая признавать эту вероятность. Еще вчера я согласился бы с ней. Но не сегодня. Объяснения, к которым я пытался прибегнуть, больше не подходили.

— Ты прошел через многое.

Даже этих слов было достаточно, чтобы воспоминания о Клоструме снова пробудились к жизни. В последние несколько дней они словно дремали, отодвинутые в сторону переживаниями, вызванными появлением Элианы. Я заставил себя не забывать, что нахожусь в соборе. Нельзя было позволить ужасам прошлого захватить меня здесь.

— Это не то, что ты думаешь. Это не порождение моего разума.

— Ты уверен?

Да. Нет.

— Ты поговоришь с Кальвеном?

— Да.

Казалось, мой ответ удовлетворил ее. Она больше ничего не сказала, лишь успокаивающе слегка сжала мое плечо, давая мне понять, что я не один.

Кардинал взошел на свою кафедру и началась служба. Стаи серво-черепов летали по собору, извергая из своих открытых челюстей облака фимиама. Я с благодарностью вдыхал его аромат. Началось пение гимнов, и я с энтузиазмом присоединился. Я пел о нашем смирении перед властью Императора, и о полном повиновении Имперскому Кредо. Я осуждал грех свободомыслия. Я приветствовал уничтожение еретиков. Я не слышал свой голос. Когда я произносил слова гимна, казалось, словно целый огромный хор прихожан пел моими устами. Я был частью целого, одним из тысяч прихожан в соборе, которые пели, мыслили и повиновались как один человек. В этом я нашел утешение. Мои глаза наполнились слезами, и я вверил свою душу в железные объятия Императора. Здесь не было места сомнениям. Здесь нечего было бояться, кроме греха неповиновения, который мог навлечь праведный гнев на грешника.

Мы пропели гимн, и кардинал Кальвен Ривас заговорил:

— Для каждого из нас, — начал он, — есть только повиновение Императору. Ничто невозможно вне Его закона и вне догм Имперского Кредо. Каждое наше деяние должно вершиться в согласии с законом Его, и таким образом, каждое наше деяние, и каждая наша мысль есть повиновение Ему и преклонение пред Ним, ибо ничто не может быть умышлено вне Имперского Кредо.

Я слушал с напряженным вниманием. Ривас говорил то, что мне нужно было слышать, и

то, чего я боялся. Я пытался напомнить себе об этих заповедях, пытался сделать, чтобы вера снова была сильна в моей душе. Подчинение воле Императора поддерживало меня на всех полях сражений. Даже в кошмаре Клострума, когда ужас тиранидов и позор поражения обрушился на меня, я находил утешение хотя бы в том, что умру, служа Императору без сомнений. Но сейчас мне было трудно верить столь же непоколебимо, как верил я раньше в каждую из заповедей Имперского Кредо. Они отрицали, что виденное мною в Мальвейле возможно. Если все, что я видел, было иллюзией, значит, мой разум действительно стал предавать меня. Но если хотя бы что-то одно из этого было реальным, что тогда?

Если ничто из этого не было реальным, значит, не была реальной и Элиана. И принятие этого должно было изгнать ее. Такая мысль была для меня невыносима.

Но, признаваясь честно, я не мог поверить, что все это иллюзия. Особенно после последней ночи. В Мальвейле что-то происходило. Что-то *реально* происходило. И я уже зашел слишком далеко, пытаюсь притворяться, что это не так.

— Иллюзии обладают реальными последствиями! — громогласно объявил Ривас. — Отрицать эту истину есть преступление!

Воистину так.

Служба длилась три часа, три часа я метался между утешением и отчаянием. И когда она закончилась, я чувствовал себя не лучше, чем до нее.

Я должен был поговорить с Ривасом.

— Я подожду тебя, — сказала Вейсс. Прихожане медленно расходились. — Увидимся у дверей.

Я поблагодарил ее и направился к ризнице. Она располагалась в дальнем конце лабиринта коридоров за алтарем. Дверь была открыта, и Ривас в своих кардинальских ризах стоял, опираясь о письменный стол. Когда я вошел, кардинал улыбнулся.

— Ты ждал меня? — спросил я.

— Конечно.

— Потому что ты видел меня в ложе? — я ощутил укол вины, потому что за столько дней впервые нашел время посетить церковную службу.

— Потому что я видел страдание на твоем лице. — Он указал на железное кресло с высокой спинкой в углу комнаты. Кресло было повернуто к его столу, за которым стоял небольшой алтарь. Сидеть на этом месте означало находиться одновременно под взглядом кардинала и Императора. Воистину, место, спасительное для души.

— Что происходит, Мейсон? — спросил Ривас.

Я сел в кресло, глядя прямо вперед, в глаза моего друга и в глазницы черепа на алтаре. Я рассказал Ривасу все, настолько спокойно, насколько мог, говоря только правду без преувеличений. Я описал то, что казалось мне реальным, и то, что могло быть иллюзией. Я уже не мог решить, что из этого было реальным, а что нет. Кошмар, в котором лицо Элианы превращалось в череп, тревожил меня все больше. Я не хотел думать, что безглазый ужас был более реальным, чем представляло мое подсознание.

Ривас слушал, не прерывая меня. Когда я останавливался, он иногда просил меня пояснить что-то подробнее или продолжить рассказ. Все это время он почти не двигался, но морщины на его лице, казалось, становились все глубже, а в глазах все больше была заметна тревога. Когда я рассказал все, он спросил:

— Ты переживал что-то подобное раньше?

— Нет. Хотя Адрианна сказала, что мое душевное состояние не столь стабильно, как

прежде.

— Наверное, она выразилась более тактично?

— Да.

— Ты считаешь, что она не права?

— Насчет моего состояния она права. Но не насчет того, что лишь им можно объяснить то, что я видел.

Ривас сжал руки, потом разжал. Он выглядел явно более обеспокоенным, чем Вейсс.

— Я согласен с тобой, — сказал он. — Я думаю, что, возможно, что-то не так в самом Мальвейле. Я считаю, тебе нужно уехать оттуда немедленно.

— Что в нем не так? Что может вызывать такие явления?

Ривас огорченно вздохнул.

— Я не знаю.

— Есть что-то в Имперском Кредо, что может объяснить виденное мной?

— Нет, — Ривас, казалось, хотел сказать что-то еще, но замолчал. Я узнал взгляд на его лице. Это было выражение лица человека, столкнувшегося с неприятным парадоксом.

— Я видел призрак Элианы? — спросил я прямо.

— Призраков не бывает.

Ответ Риваса казался слишком банальным. Он был будто процитирован, в нем не было убежденности.

— Тогда...

— У меня нет ответа для тебя сейчас, — сказал Ривас. Он осторожно выбирал слова. — Я не хочу делать поспешных выводов, но ты видел *что-то*. Поэтому я предлагаю тебе покинуть Мальвейль.

— Я не могу, — за весь день, полный сомнений, это были самые категоричные слова, которые я произнес.

— Почему?

— Ее дневник... Я начинаю понимать, что означало оставить ее здесь. Какую ответственность ей пришлось на себя взвалить...

— Ничего такого, о чем она не знала бы. И ты покидал Солус и раньше, когда дети были совсем маленькими. И с ней было все в порядке.

— Возможно. Я не знаю. Но в этот раз что-то сломало ее. Что-то убило ее, Кальвен.

Он печально кивнул.

— Я думаю, если я останусь в Мальвейле, у меня будет шанс на искупление... — произнес я.

— Перед кем? Кто будет прощать тебя? Не Элиана. То, что ты видел — это *не она*.

— Я не могу рисковать, что это может оказаться не так.

— А Катрин и Зандер? Пусть хотя бы они уедут из Мальвейля.

Я покачал головой, чувствуя упрямое нежелание так поступать. Моя семья снова была вместе. Зандер начал проявлять признаки понимания, что такое долг. Катрин разговаривала со мной без враждебности. Может быть, мы никогда не будем близки, но мы не были теперь и совсем чужими. Я не мог отбросить все, что сумел достигнуть.

— Они ничего не видели и не слышали.

— Ты можешь со всей честностью сказать, что они там в безопасности?

— В большей безопасности, чем если бы они жили в городе. Монфор не намерена сдаваться. Она не смогла убить меня, и знает, что ее дни сочтены. Поэтому она будет еще

более опасна и попытается причинить вред мне и моей семье всеми возможными способами.

— Есть и другие возможности защитить твоих детей, — сказал Ривас.

Я не хотел слушать о них.

— Нет причин полагать, что они там подвергаются большому риску.

— Твой кошмар...

— Возможно, это просто кошмар. И даже если нет, мне не было причинено вреда.

— Раны могут быть нанесены не только плоти. Не мне напоминать тебе об этом.

Он был прав. Но разве я был в худшем состоянии, чем до того, как поселился в Мальвейле? И если бы я мог искупить... Я подумал о страдании, которое выражало лицо Элианы. Если бы я только мог избавить ее от этого страдания... Если бы я мог дать ей покой...

Я знал, что это противоречит всему, что говорил Ривас. Я думал и действовал так, словно действительно видел призрак Элианы. Словно это действительно была она.

Мне нужно, чтобы это было так. С внезапной ясностью я увидел, что единственная возможность для *меня* обрести покой — действовать так, словно это действительно была Элиана. Потому что если бы я сделал так, как просил Ривас, и отрицал бы существование призрака — а Ривас бы ошибался — тогда мне не было бы прощения.

Ривас видел, что не может склонить меня последовать его совету.

— Хорошо. Делай, как считаешь нужным.

— Это значит, что ты попросишь Инквизицию нанести мне визит?

— Ты же знаешь, что нет, — он выглядел огорченным.

— Прости. Это было нечестно.

— Обещай, что будешь рассказывать мне обо всем, что случится.

— Обещаю.

Казалось, Ривас не хотел отпускать меня на этом, но он ничего не мог сделать. Я чувствовал его тревогу, когда выходил из ризницы.

Собор к тому времени опустел. Мои шаги были едва слышны, когда я шел к выходу. У дверей меня ждала Вейсс, как она и обещала. Рядом с ней стоял Штаваак. Их лица были мрачны.

— Что случилось? — спросил я.

— Зандер, — вздохнула Вейсс.

— Что он сделал?

— Точнее, делает сейчас. Видели, что он направился в «Неумолимый Свет».

— А что это?

— Частное заведение, так сказать. Им владеет Амир Боканта.

Я выругался.

— О чем он только думает?

После всего, о чем мы говорили, Зандер с тем же успехом мог просто положить голову на плаху Монфоров.

— Похоже, он не думает, — проворчала Вейсс.

— Это понятно.

Такая легкомысленность и безответственность была столь вопиющей, что просто не могла не быть преднамеренной.

— Я отвезу вас туда, — предложил Штаваак.

Я поблагодарил его, и мы погрузились в «Таурокс», ожидавший на краю площади. Увидев бронемашину, я удивленно поднял брови.

— Не думаю, что следующая попытка Монфор случится так скоро и будет настолько очевидной.

— Я знаю, — кивнул Штаваак. — Просто я подумал, что в таких обстоятельствах будет полезна демонстрация силы.

Я согласился.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Мы ехали по Вальгаасту, направляясь на восток, и оказались в районе, где улицы едва тянулись на квартал, прежде чем резко свернуть. Движение по ним шло очень медленно, машины еле ползли сквозь толпы пешеходов, текущие между домами и собиравшиеся у ночных заведений. Люди пытались убраться с пути угрожающе рычавшего «Таурокса», но на улицах было слишком тесно. Мы ехали мучительно медленно. Пока мы доберемся до «Неумолимого Света», у Зандера будет более чем достаточно времени, чтобы причинить серьезный вред. Или чтобы вред причинили ему.

Заведение располагалось в подвале многоэтажного дома, который тоже был собственностью Боканты. Он выглядел более богато, чем большинство домов вокруг него. Барельефы и горгульи на фасаде были более затейливы. Окна были больше, парадные двери сделаны из прозрачного бронестекла, за ними виднелось багряное и позолоченное убранство вестибюля. Боканта заботился о тех, кто был верен ему, и объявлял об этом всему миру.

Когда мы вышли из «Таурокса», краем глаза я заметил движение. На улице было много людей, и, казалось, не было причины, чтобы один человек привлек мое внимание больше, чем другие. Но почему-то этот привлек мое внимание. Обернувшись, я увидел силуэт на перекрестке переулка, ведущего за дом. Силуэт медленно покачивался, его одежды колыхались, словно в текущей воде реки.

Это была Элиана. То, как она стояла, глядя на меня, слегка склонив голову влево, даже то, как она странно покачивалась. Я знал, что это была она.

— Лорд-губернатор? — спросил Штаваак.

Я стоял неподвижно.

— Там, — произнес я. — У входа в переулок.

— Вы видите кого-то?

Теперь я не видел. Она была там. А сейчас она исчезла. Но я все равно чувствовал странное успокоение. Она присматривала за своей семьей.

— Нет, — солгал я. — Я ошибся.

Элиана явилась мне за пределами Мальвейля. Моя кровь кипела от едва сдерживаемой радости. Я подумал, что же это может означать. «*Мы становимся ближе*», решил я наконец. «*Стена между нами стала тоньше*». И еще я подумал, что скажет об этом Ривас, когда я решу рассказать ему. А пока этот секрет был только мой, и я хранил его.

К входу в «Неумолимый Свет» спускались широкие ступени справа от парадного входа в дом. Два охранника стояли у пластальных дверей, гравировки на которых изображали святых Императора, и все же намекали, что клиентов за дверями ждет скорее веселье, а не строгие обряды.

Штаваак был не в служебной форме, но со значком Адептус Арбитрес. Охранники взглянули на эмблему с кулаком и весами, и отошли в сторону.

Внутри люстры с шарами-люменами излучали теплый ненавязчивый свет над круглыми

дубовыми столами, окруженными металлическими полукабинетами с такими высокими спинками, что было не видно, кто сидит на них. Казалось, что зал «Неумолимого Света» наполнен миниатюрными клуатрами. Однако искать Зандера нам не пришлось. Он был хорошо заметен и издавал много шума. Он стоял на столе, держа в руке бутылку амасека, и орал на весь зал.

— Посмотрите на меня! — кричал он. — Посмотрите на меня! Разве я похож на угрозу?

— Ты похож на дурака, — ответил кто-то.

— Да! Да! Именно! Вижу, вы хорошо меня знаете!

Его собутыльники засмеялись, с ними захохотали и те, кто наблюдал из-за других столов.

— На что я способен? Заседать в совете? Даже это у меня получается кое-как. Я способен управлять? Видит Император, нет! Я способен быть лишь одним — дураком! Кто из вас будет бояться дурака?

Боканта, сложив руки на груди, наблюдал за этим спектаклем с некоторого расстояния. Когда мы подошли, Боканта бросил на меня многозначительный взгляд.

— Вы приехали вовремя, — сказал он.

— Это вы сообщили, что он здесь, — произнес Штаваак, прищурив глаза.

— Жест доброй воли. Я подумал, что лорд-губернатор пожелает взять ситуацию под контроль, прежде чем она станет неловкой.

— Благодарю вас, — процедил я.

Я подошел к столу и встал перед Зандером.

— Слезай, — приказал я.

Он не обратил на меня внимания.

— Скажите всем! — кричал он. — Скажите каждому! И особенно скажите леди Монфор! Я не угроза! Я просто не умею быть угрозой! И никому не нужно ничего делать со мной! Вы даже не заметите, что я здесь!

— Хватит! — прорычал я, и схватив его за лацканы, стащил со стола. Рассыпая посуду, он соскочил на пол, едва не рухнув.

— Пошли, — сказал я, потащив его к выходу. — Сейчас же!

— Но я еще не закончил, — промычал он. — Я хочу, чтобы все поняли...

— Они и так отлично поняли.

Штаваак подошел, чтобы помочь мне. Вместе мы вывели Зандера из зала и посадили в «Тауроке».

Мы смотрели друг на друга в десантном отделении БТР.

— Что это было? — спросил я. — Что ты творишь?

— Я действовал из самосохранения.

— Я видел только позорное кривляние.

Он пожал плечами.

— Лучше позорно кривляться, чем быть мертвым.

— Ты говоришь как трус, — мне еще никогда не было так стыдно за моего сына.

— Я говорю как реалист, — он был далеко не таким пьяным, каким казался.

— Я видел... — вдруг прошептал он. — Думаешь, мы не увидели бы в доме? Ты мог бы сказать нам. Мог бы по крайней мере быть честным.

— Что ты видел? — спросил я, похолодев.

Зандер не ответил. Он откинулся назад и яростно смотрел на меня всю дорогу.

Когда Штаваак высадил нас у Мальвейля, из дома вышла Катрин.

— Что ты сделал? — спросила она у Зандера.

— Ты сделала бы то же самое, если бы хотела жить! — огрызнулся он.

— Он был в питейном заведении советника Боканты, — сказал я. — Кричал всем, что покоряется Монфор.

Катрин с отвращением посмотрела на него.

— Если бы у тебя были мозги, ты бы сделала то же самое, — ответил Зандер без тени стыда.

— Значит, ничего из того, о чем мы говорили, что мы должны быть сильными и держаться вместе, ничего не значит для тебя?

— Нет. Не значит. — Он помолчал. — Ты же не видела это? В библиотеке?

— Не знаю, о чем ты говоришь.

— Пойдем со мной.

Зандер направился в библиотеку, его походка была вполне устойчивой, в ней сквозила злость. Я понял, что ошибался. Он совсем не был пьян. Спектакль в «Неумолимом Свете» предназначался исключительно для зрителей. Это разозлило меня еще больше.

В библиотеке Зандер направился к стене, расположенной напротив окна. Ее занимал шкаф с книгами, но по обеим сторонам от него были свободные участки. На одном из них, справа, был герб Штроков — скрещенные мечи над дворцом. Слева висела в рамке генеалогия, которая так встревожила Элиану. Я не обращал на нее внимания, пока не прочитал дневник моей жены, а после этого я сознательно избегал рассматривать генеалогию. Я не сомневался в достоверности того, что увидела Элиана. Просто я думал, что от разглядывания генеалогии ничего не изменится. И, похоже, Зандер намеревался доказать, что я прав.

Он указал на генеалогию.

— Смотрите! — воскликнул он. — Смотрите! Видите, что происходит с семьями губернаторов? Они просто прекращают существование!

Он повернулся ко мне.

— Ты знал об этом, не так ли?

Я кивнул.

— Все эти разговоры о наследниках, — вздохнул он. — Сплошной обман.

Боль в его голосе заставила меня вздрогнуть.

Катрин посмотрела на генеалогию.

— Так что, говоришь, это значит? — спросила она Зандера.

— Что мы обречены!

— Глупости.

— Как ты можешь так говорить? Ведь губернаторский титул никогда не передавался от родителей к детям! Вся правящая ветвь просто вымирала!

— Наше будущее определяет не этот листок бумаги.

— Я хочу быть уверен, что мое будущее он точно не определит. Поэтому Монфор должна знать, что я не претендую ни на что, тем более на губернаторство. И уж если я напуган, ты должна быть в ужасе. Потому что ты старшая. Следующая в очереди. Ты подвергаешься самому большому риску.

— Я уничтожу Монфор, — заявил я. — Она больше не сможет причинить вред моей

семье.

— Это все замечательно, — вздохнул Зандер. — Но пока я постараюсь убрать себя из ее списка целей.

— Ты дурак и трус, — сказала Катрин. — Но то, что ты объявил себя дураком, не спасет тебя. Монфор не оставит тебя в покое лишь потому, что ты бесполезен. Ты все равно остаешься Штроком. И пока хоть один из нас представляет угрозу, она будет держать в прицеле всех нас. Ты лишь облегчил ей задачу. Теперь ты более легкая цель.

— Тогда никто из нас не должен быть угрозой! — завопил Зандер. — Дайте ей то, что она хочет! Разве губернаторство стоит того, чтобы за него умирать?

— Солус стоит того, чтобы за него умирать, — возразил я. — И долг тоже.

— *Долг!* — Зандер горько рассмеялся. — Смотри, что твой долг сделал с нашей семьей! Что он сделал с нашей матерью!

— Она понимала, что это значит, — прохрипел я, мое горло сдавило от гнева и чувства вины.

— О, и это ей помогло? Она понимала, что сломало ее? Прекрасно умереть ни за что, если ты это понимаешь!

— Ты жалок, — сказала Катрин. — Но продолжай. Кричи всем, что ты бессмысленное ничтожество.

— Я так и намерен сделать. Я хочу остаться в живых. Если вы двое ничего не хотите делать, я собираюсь сделать для этого все, что смогу.

— Ты пытаешься спрятаться от теней, — сказала Катрин. — Ты хочешь сказать, что на нашей семье проклятье? Ты собираешься произнести такую ересь?

Зандер не ответил.

— Отец сейчас губернатор, — продолжала Катрин. — Позже губернатором стану я. А ты можешь и дальше прятаться в бутылке.

— И что? Ты просто смиришься со своей судьбой?

— Я ни с чем не смирюсь.

Зандер попятился от нас.

— Я не понимаю, как вы можете смотреть на это доказательство правды моих слов и не беспокоиться.

— Согласиться с твоей трактовкой этого означает согласиться с ересью, — заявила Катрин. — Я принимаю лишь волю Императора, какова бы она ни была.

Зандер сразу утратил свою энергию. Его плечи поникли, на лице отразилось отчаяние. Как бы ни был зол я на него, я понял — то, что он сделал сегодня ночью, было неким извращенным видом смелости. Движимый страхом, он все-таки отчаянно пытался заставить нас свернуть с пути, который, по его мнению, вел к гибели. С его точки зрения мы были сумасшедшими.

С точки зрения Риваса я, несомненно, тоже был сумасшедшим.

Я задумался о том, как быстро Зандер пришел к выводу о злом роке, висевшем над нашей семьей, и как упорно он в это верил. Неужели ему хватило для этого лишь взгляда на генеалогию? Неужели простая случайность заставила его заметить генеалогическое древо на стене? Меня к дневнику Элианы привела отнюдь не случайность.

«Может быть, Элиана повлияла и на него, и он даже не осознал этого? Может быть, она пыталась спасти его».

Нет.

Я не мог допустить возможность того, что Зандер прав. Это был путь к пренебрежению долгом.

Зандер вздохнул, глядя на меня с гневом, скорбью и отчаянием.

— Поэтому ты вернулся? — тихо спросил он. — Чтобы убить нас?

Он не стал дожидаться моего ответа и ушел.

К своему стыду, я испытал облегчение. Мне нечего было ему ответить.

ГЛАВА 10

Сон не приходил. Когда он, казалось, наконец наступал, я с ужасом просыпался. Страхи и обвинения Зандера вихрем кружились в моем разуме. Волны сомнений и чувства вины нахлынули на меня. Я не мог поверить в реальность Элианы и отбросить ужас Зандера перед проклятием. Я не хотел верить в проклятие. Я хотел думать, что на этот раз все будет по-другому, что вмешательство Элианы изменит что-то. Но у меня не было никаких оснований так думать. Это была лишь надежда. И мое незнание того, что случилось с моими предшественниками, словно ветер, вздымало волны все новой тревоги.

Когда я прокручивал наш разговор в памяти снова и снова, то все время видел лицо Катрин, исполненное сурового стоицизма, и понял, что это означало. Я подумал, не считала ли она, что Зандер сказал больше, чем она была готова принять. И то, что я видел в ее лице, было мрачным фатализмом, смирением перед темной неизбежностью.

«Ничто не является неизбежным».

«Вот как? Клострум был неизбежен. Там не было никакой надежды».

Это была злая мысль, воистину ядовитая. В своем полусонном состоянии я проклинал ее, боясь другой неизбежности. И я был прав, потому что она схватила меня и потащила на дно, под волны.

Во сне я из пучины сомнений был брошен в глубины ужасной определенности. Неизвестное будущее уступило место неумолимому ужасу прошлого. Я закричал, зная, что я сплю и вижу сны, и зная, какими будут эти сны. Я пытался проснуться, зная, что могу лишь погрузиться глубже.

Я был на поле боя, окруженный пламенем горящих танков. Я отползал прочь от обломков «Химеры». Чудовища были повсюду. Они были бедствием, бесконечным роем. Они были воплощением *пожирания*. Жала пронзали солдат. Когти вцеплялись в изуродованные тела. Тираниды поднимали трупы к небу, полному дыма. Я видел целый лес хитиновых копий, тянувшийся к багровому горизонту. Искажения сна сплелись с безупречным воспроизведением этой картины в памяти.

Несколько дней воспоминания о Клоструме не появлялись, словно щадили меня. Но они лишь затаились, чтобы ударить с еще большей силой. Эти воспоминания обожгли мои чувства. Я ощущал нечестивое зловоние тиранидов. Я чувствовал запах крови, человеческой крови, в таких количествах, что, когда я дышал, его теплый соленый металлический привкус наполнял мой рот. Клубы дыма вливались в легкие, и мучительный кашель сотрясал мою

грудь. Земля резала мои руки.

Все было таким настоящим. В этом кошмаре все было именно так, как я переживал это в реальности. Я пытался подняться, и снова чувствовал боль, когда тиранид набросился на меня. Я чувствовал свою правую руку и ногу — и спустя несколько секунд чувствовал, что их нет.

Было во сне и то, что к нему добавляло мое воображение. Странные искажения реальности, пытавшиеся окончательно сломать то, что осталось от моего духа. В этом сне тираниды смеялись. Тысячи тысяч чудовищ ревели в свирепом хохоте. Этого смеха не могло быть, и в реальности его не было, но все же он раздавался в моих ушах так же оглушительно, как взрывы машин и снарядов. Он пронзал мою душу, как вопли раненых. Он продолжался и продолжался, ужасный ревуший смех, которого я не слышал тогда, но слышал сейчас. Это был смех злого разума, смех существа, скрывавшегося за силуэтами тиранидов и смеявшегося над хрупкостью человека перед ним.

Смех был невыносим. Он становился все громче, громче, чем рычание и вопли, мучительнее, чем удары по моим другим чувствам. Я завопил и не слышал свой крик. Я пытался зажать уши, но почувствовал, что мои руки парализованы. Я пытался закрыть глаза, но они не закрывались. Я кричал изо всех сил. Паралич, который приносили кошмары, охватил меня, и я ничего не мог сделать.

Я вопил. Я пытался двинуться. Я думал, что сойду с ума.

Я проснулся, крича с такой силой, что, казалось, были готовы рухнуть стены. Тяжело дыша, я вцепился в простыни и схватился за грудь. Я пытался изгнать кошмар. Но он цеплялся за меня, словно вышел вместе со мной из сна. Смех не умолкал.

Когда я наконец отдышался, то понял, что смех настоящий. Он слышался с первого этажа и был человеческим, голоса людей в моем сне превращались в голоса чудовищ.

Шатаясь, я встал на ноги и встряхнул головой, пытаясь очистить ее. Туман сна не уходил. Казалось, я все еще чувствую запах дыма и крови. Я не мог думать четко, был словно оглушен, и двигался, как человек, увязающий в болоте. Внутри меня росло смутное чувство гнева. Здесь были люди, не имевшие отношения к этому дому. В Мальвейле звучал шум веселья. Это было оскорбление для меня и для тех солдат, что погибли на Клоструме.

Я не задумывался над тем, откуда эти люди могли знать, о чем мой сон.

Распахнув дверь, я спустился из своей башни. Смех в галерее казался оглушительным. Он раздавался из комнаты Зандера. Я направился к его двери. Он явно сделал это назло мне. Он пригласил в Мальвейль своих распутных друзей. Это было недостойно с его стороны, но если он хотел разозлить меня, это у него получилось. Я доставлю ему такое удовольствие. Он пожалеет, что провоцировал меня. В этот момент я был готов задушить его.

Шум веселья был необычайно громким. Смех звучал с какой-то дикой, свирепой радостью. Это был хохот сотен людей. Они все просто не могли поместиться в комнате Зандера. Я понимал это, но проигнорировал эту мысль. Я был слишком зол.

Вдруг я замер около комнаты Катрин. У меня перехватило дыхание. Из-под ее двери в коридор текла кровь.

— Катрин! — закричал я.

Никто не ответил.

Я снова позвал ее и схватился за ручку двери. Она открылась, и, ворвавшись в комнату, я оказался посреди бойни.

Повсюду была кровь. Толстый слой ее покрывал пол и стены. Потолок был пропитан

кровью, с него падали багровые капли. Длинные полосы кожи, словно содранной с тел, свисали со стен, приколотые острыми обломками костей. По всей комнате, на полу и на мебели валялись куски расчлененных трупов, словно на прилавке мясника. Гроздь отрубленных рук вцеплялись одна в другую, их сжатые пальцы впивались в кожу. Бедренная кость, измазанная смолой и подоженная с обоих концов, свисала на цепи с потолка. Это был единственный источник света в комнате. Кость на цепи слегка покачивалась от едва ощутимого сквозняка.

Зловоние крови было таким же, как в моем сне, даже еще более удушливым в закрытом пространстве.

И черепа, десятки их, блестящие от крови, капавшей на них с потолка. Черепа были сложены в пирамиды, окружавшие кровать.

Моя восьмилетняя дочь сидела на постели, обняв руками колени, прижатые к груди. Ее широко раскрытые глаза смотрели в никуда, рот был распахнут в безмолвном крике, она дрожала от ужаса. Я взял ее на руки и посмотрел ей в лицо.

— Я с тобой, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно и уверенно. — Все хорошо. Теперь я с тобой.

Что Зандер привел в наш дом?

С ребенком на руках я выбежал из комнаты, мои босые ноги скользили в лужах холодной крови. В коридоре я поднес Катрин к двери Зандера. С той стороны двери продолжалось веселье, слишком громкое для того количества людей, которое в реальности могло вместиться в комнату.

Я боялся того, что могу увидеть, когда открою дверь.

— Подожди меня здесь, — сказал я, опустив Катрин на пол. Она стояла, прижав руку ко рту, и моргала, пытаясь сдержать слезы.

— Я выгашу твоего брата, и мы уйдем, — сейчас я не понимал, почему винил Зандера за этот шум. Ему было только пять лет.

Я присел рядом с Катрин.

— Ты будешь смелой ради меня?

Она едва заметно кивнула и прижалась к стене.

Я схватился за ручку двери, глубоко вздохнул, распахнул дверь и ворвался в комнату.

Смех прекратился.

В комнате было темно. Я медленно шел сквозь мрак в наступившей тишине. Наткнувшись на прикроватный столик, я ошупью нашел люмен и включил его.

Комната была пуста. В ней было никого, и на постели никто не спал.

Я бросился в коридор, к Катрин. Но она пропала. Исчезла и кровь, которая вытекала из ее комнаты, и красные следы, которые я оставил на полу. Я подошел к ее двери, которую оставил открытой. В комнате мерцал слабый свет, но не от горящей кости, а от единственного светильника на стене.

Я вышел из комнаты, пытаюсь понять, что все это значит. Я боялся за моих детей. Куда они пропали? Они напуганы. Они слишком малы, чтобы позаботиться о себе. Они нуждаются во мне, а я подвел их.

Я направился к лестнице, намереваясь разыскать их, но не зная, откуда начать. Я пытался вспомнить, где были их любимые места чтобы прятаться. Неужели Старая Башня была одним из этих мест? Я не мог вспомнить. Я не помнил, чтобы мои дети когда-либо жили в Мальвейле. Это было ужасно. Ведь они были здесь всю жизнь. Мы все были здесь

всю жизнь. Как я мог не знать их привычки?

Подойдя к лестнице, я расслышал голоса взрослых, тихо говорившие что-то внизу, и стал спускаться по ступеням. На стенах горело достаточно светильников, чтобы я видел путь в коридорах. Я проследовал за голосами в библиотеку.

Катрин и Зандер сидели в креслах у окна. Когда я вошел, они оглянулись и замолчали.

Мои дети были в безопасности. Мои взрослые дети. Конечно, они были уже взрослыми. Я не понимал, почему сначала удивился этому.

— Отец? — спросила Катрин. — Ты в порядке?

— Конечно. Конечно, я в порядке, — прохрипел я, с трудом выговорив слова.

На бесстрастном лице Катрин мелькнула тень тревоги. Зандер выглядел взволнованным и пристыженным. Может быть, Катрин все-таки убедила его, что он вел себя как дурак.

«Или, может быть, он чувствует себя виноватым, потому что ты застал их».

«Застал их в чем?»

— Мы разбудили тебя? — спросил Зандер. — Прости, если мы говорили слишком громко.

— Нет, это не вы.

«Это ложь. Его пьяное веселье разбудило бы весь Вальгааст».

«Какое веселье? Не было никакого шума, и в его комнате никого не было. Что с тобой?»

— Просто не могу заснуть, вот и все, — сказал я.

— Нам о многом нужно подумать, — заметила Катрин. — У всех нас есть причина для бессонницы.

— Цена долга, — вздохнул Зандер.

Может быть, Катрин действительно убедила его.

«Или, возможно, он издевается над тобой. Может быть, они оба над тобой смеются. Что они обсуждают за твоей спиной? Нельзя оставлять это просто так. Как только ты уйдешь, они начнут снова. Тебе нужно быть осторожным. Возможно, они собираются причинить вред детям».

— Отец?

Голос Зандера вывел меня из задумчивости. Я потер голову, пытаюсь очистить ее от беспорядочной мешанины мыслей.

— Все в порядке, — произнес я. — Я просто устал. Доброй ночи.

Я вышел из библиотеки, пытаюсь заставить себя принять нормальность того, что я делал. У меня был кошмар. Наверное, я снова ходил во сне. В Мальвейле происходили вещи, которые я не мог объяснить, но было и то, что казалось вполне объяснимым. Это лишь последствия моих тяжелых ранений в бою за Клострум. Ничего более.

И все же, поднимаясь по ступеням, я не мог избавиться от подозрений. Я говорил себе, что это совершенно бессмысленно. Держась за узорчатые перила, я заставил себя принять реальность, в которой моя дочь и мой сын были взрослыми.

Но где-то на грани разума осталось одно побуждение. Мне нужно было поговорить с Элианой. Мне нужно было знать, что наши малыши в безопасности.

В утреннем свете, резком, словно сомнение, и хрупком, будто радость, я медленно спускался по лестнице, борясь с провалами в памяти. Я не мог вспомнить ничего, что было со мной после того, как я вышел из библиотеки, а другие события ночи казались чем-то далеким. Мой разум словно не подпускал их, окутывая все пеленой грез.

«Тебе все труднее разобраться между сном и реальностью. Это должно прекратиться».

«Тогда давай разберемся, что было прошлой ночью?»

«Не было ничего реального».

«Совсем ничего?»

«Может быть, мы говорили с Катрин и Зандером после пробуждения? После хождения во сне?»

Это казалось разумным. Если я смогу принять эту логику, то, вероятно, этой ночью я смогу отдохнуть. Должно быть, вернувшись в постель, я крепко заснул, но сейчас не чувствовал себя отдохнувшим. Напротив, я ощущал себя уставшим и измученным.

Когда я спустился по ступеням, Катрин уже ушла. Успокаивающий шум работы слуг, очищавших комнаты от хлама, наполнял дом звуками обыденности. Зандер сидел за огромным столом в обеденном зале и пил из чашки рекаф. Он тоже выглядел уставшим и довольно смущенным.

— Доброе утро, отец, — сказал он.

Я почувствовал, что он хочет что-то сказать, и кивнул ему.

— Ты пришел в себя после своих излишеств?

— Физически более-менее. И это больше, чем я заслуживаю.

Я почувствовал облегчение, сев за стол. Это был не тот напуганный до истерики Зандер, каким он был ночью.

— Прошу прощения за прошлую ночь, — сказал он. — Я вел себя... *несдержанно*. Мягко говоря. Катрин объяснила это мне, когда я протрезвел.

— Мне ты не казался настолько пьяным, — заметил я.

— Я был достаточно пьян.

— А она убедила тебя, что никакого проклятия нет?

— Даже она не может утверждать, что наша генеалогия — нечто иное, чем она есть на самом деле.

— Не может, — согласился я.

— Но она убедила меня, что сдаться на милость Вет Монфор — не лучшая стратегия для выживания, — Зандер вздохнул. — Возможно, напротив, это верный способ привести наш род к гибели.

— Я полагаю, что наше единство — лучший способ предотвратить это, — сказал я.

«Вот. Ты доволен? Их разговор был именно тем, о чем ты подумал. И ничем иным. А чем еще он мог быть? Твои подозрения вызваны лишь сном. Верно? Верно. Вот и все».

— Но ты все еще обеспокоен, — подчеркнул я.

— Да.

Он был сейчас честен со мной, открыто говоря о своих страхах и спокойно обсуждая их.

Он не отказывался от мысли о проклятии, так же, как я не мог отказаться от мысли о призраке Элианы. И я решил тоже быть честным с ним.

— Кроме этой генеалогии, — сказал я, — ты не замечал ничего странного в доме?

— Что ты имеешь в виду?

— Может быть, ты видел что-то... необычное?

— Не думаю, — неуверенно ответил он.

— Возможно, ты видел, не осознавая этого. Видел что-то и думал, что ты спишь?

— Например? — осторожно спросил он.

Я помедлил, но потом продолжил, решив идти до конца:

— Например, твою мать?

Зандер пристально посмотрел на меня. Между нами повисло молчание, становясь все дольше, все тягостнее, превращаясь в стену.

— Нет, — сказал он наконец. — Я не видел ничего такого. Совершенно ничего необычного.

Он помолчал, явно борясь с желанием что-то сказать, а потом произнес:

— Хотя то, что случилось прошлой ночью...

— Что? Что случилось? — спросил я нетерпеливо. Слишком нетерпеливо.

— Что значит «что случилось»? Разве ты не помнишь? Ты спустился вниз, когда мы с Катрин разговаривали?

Я почувствовал, что краснею.

— Конечно, помню.

— Вот *это* было необычно, отец. Ты выглядел... растерянным, — Зандер снова помолчал. — Ты в порядке?

Он был обеспокоен. Он волновался за меня. Я мысленно выругал себя за то, что рассказал ему. Мне не следовало ничего говорить. По крайней мере, сейчас. Нужно было подождать, пока Зандер или Катрин сами увидят *что-то*. То, как он реагировал на мои слова, было прямой противоположностью тому, на что я надеялся. И я уже не мог отрицать сказанное.

— Да, — сказал я. — Я в порядке. Мне приходится преодолевать последствия моих ранений на Клоструме, — я не отказывался от своего намерения быть честным. Если я не скажу ничего, то можно ожидать, что Зандер поднимет этот вопрос позже. — Но то, что я видел здесь, не имеет отношения к Клоструму. Да, я видел твою мать.

Я ощутил странную гордость, признавшись в этом, и подумал, что, возможно, Зандер в «Неумолимом Свете» чувствовал то же самое.

— *Призрак?* — выдохнул Зандер, устрешенный этой богохульной мыслью.

— Я не знаю, можно ли назвать ее так...

Зандер прервал меня.

— Отец, нет! — воскликнул он. — Подумай, что ты говоришь!

Он дрожал, но, сделав три глубоких вдоха, попытался говорить более спокойно:

— Я не хотел слушать тебя прошлой ночью, но ты говорил то, к чему мне следовало прислушаться. Пожалуйста, прислушайся ко мне сейчас. Ты не должен говорить такие вещи. Ты не должен даже думать об этом. Это преступление против Императора, — он взял меня за руки. — Ради твоего же блага, отец, умоляю тебя.

— Я знаю, что она не может быть призраком, — успокоил я его. Сам себе я казался убедительным. — Я говорю лишь, что видел ее. Кроме того, я уверен, что как минимум в

одном случае я точно не спал, когда видел ее.

— Ты говорил об этом с кем-нибудь еще?

— С кардиналом Ривасом.

— Ох, это хорошо, — Зандер облегченно вздохнул. — И что сказал кардинал?

— Он обеспокоен возможной опасностью.

— Он верит, что ты видел маму?

— Да.

Зандер некоторое время молчал.

— В это настолько невозможно поверить? — умоляюще произнес я. — Если ты готов поверить в проклятие...

— Которое ты отрицал прошлой ночью.

— Да, отрицал. И по-прежнему не считаю, что ты прав. Я просто не могу в это поверить. Зачем продолжать сражаться, если мы заранее обречены? А мы должны продолжать сражаться. Но я не хочу быть лицемером. Я не верю, что ты прав насчет проклятия, но и не могу утверждать, что ты ошибаешься. Особенно после того, что я видел.

Зандер посмотрел в свою пустую чашку. Когда он поднял взгляд, в его глазах была печаль.

— Я хотел бы увидеть маму, — вздохнул он. — Очень хотел бы. Но она мертва, отец. Мертва уже давно. Ее нет.

— Мне кажется, ты не понял... — начал я.

Зандер встал, прервав меня.

— Мне пора идти. Увидимся на совете.

Немного подумав, он спросил:

— Ты еще не говорил с Катрин об этом?

— Нет, у меня еще не было возможности с ней поговорить.

— Я бы не стал ей рассказывать.

Я и не собирался ей рассказывать. Я думал, что Зандер не так воспримет мое признание. Но если я настолько ошибался насчет него, Катрин вполне могла снова оборвать все связи со мной.

— Прости, отец, но я должен спросить. Наша семья поражена безумием?

— Ты так считаешь? Я, по-твоему, сумасшедший?

— Я не знаю, что думать. Но Леонель действительно сошел с ума.

— А теперь я...

Он оглянулся на библиотеку.

— Возможно, этим и объясняются странности в нашей генеалогии. Может быть, это и есть наше проклятие.

Я одинока.

Монфор была права. Мне нужна компания. Я одинока, и ненавижу это одиночество. Проблема в том, что я не знаю, можно ли с этим что-то сделать. Я даже не знаю, может ли кто-то помочь мне. Или хочет ли помочь...

Я начинаю думать, что все они хотят причинить мне вред. После сегодняшнего дня, учитывая то, что я видела, возможно, это действительно так.

Это предположение не лишено смысла, не так ли? Глупо было бы полагать, что

Монфор пришла сюда по доброте душевной. Вряд ли кто-то поручится, что у нее вообще есть душа.

Но это не значит, что ее совет был плох. Причины дать мне его, возможно, были продиктованы злым умыслом, но она не ошиблась. И эти последние несколько дней я пыталась последовать ее совету.

Интересно, Мейсон, что бы ты подумал, если бы прочитал это? Что бы ты подумал о твоей жене, которая прислушалась к мудрости Вет Монфор?

Я хотела бы, чтобы ты это знал. Но ты не знаешь. Тебя здесь нет. Увы, нельзя сказать, что тебя здесь никогда не было. Это не так. Если бы тебя никогда здесь не было, я не оказалась бы в Мальвейле. Я не копалась бы в кучах хлама в этих комнатах, надеясь найти информацию, которая подтвердит, что я могу не бояться за будущее своих детей. Если бы тебя никогда не было здесь, я бы не мучилась вопросом, все ли я делаю, что в моих силах, чтобы сохранить власть семьи Штроков. И очень сомневаюсь, что Вет Монфор удостоила бы меня своим необъяснимым дружественным визитом.

Ты был здесь. Ты был здесь достаточно долго, чтобы изменить каждую грань моей жизни. Я знаю, что еще не так давно я была благодарна за это. Я уже не помню, как я чувствовала себя тогда. Но сейчас я чувствую себя совсем иначе.

Ты слышишь меня, Мейсон?

Нет. Не слышишь.

Услышишь ли когда-нибудь?

Я не должна позволять себе думать так. Но я ничего не могу сделать. Я совсем одинока. Даже когда слуги здесь, я совсем одинока, и едва ли это хороший знак.

Как я уже говорила, я пыталась. Пыталась бороться с одиночеством. Но по ряду причин это не удалось. И едва ли все эти причины — моя вина.

Монфор действительно хотела, чтобы я выбралась из Мальвейля. По крайней мере, так она сказала. Она говорила убедительно. Наверное, она хорошо умеет заставить людей поверить в то, что ей нужно. Но то, что она сказала, выглядело разумным. Я не выходила из дома несколько дней. Не знаю точно, сколько именно. С тех пор, как я заболела, мне стало трудно запоминать даты. Да и в любом случае, сейчас зима, и каждый день холодный, ветреный, сырой и пасмурный. Между ними нет особой разницы.

Какая-то беспорядочная получается запись, не так ли?

Да, и все-таки я вышла из дома. Монфор посоветовала мне повидать друзей. Это заставило меня снова задуматься о том, как мало их у меня осталось. Я не должна погружаться в жалость к себе. Хотя это очень легко.

У меня еще есть знакомые. И я договорилась встретиться с кое-кем из них и пообедать вместе после полудня. Я чувствовала себя несколько виноватой. Если я чувствую себя достаточно хорошо для этого, значит, я достаточно здорова, чтобы выполнять свои обязанности в Администратуме. Но сейчас я этого просто не могу. Мне просто не хватит умственной энергии, которая требуется, чтобы управлять целым стадом писцов и поддерживать порядок в отделе. Я уверена, что мои помощники в Администратуме справятся с делами.

И я отправилась в гости. Я хотела написать, что это было четыре дня назад, но теперь мне кажется, что времени прошло больше. И чем больше я думаю об этом, тем больше я в этом уверена. Но я не знаю, сколько в точности времени прошло.

Я поехала на прием к Треве Гарнхайм. Раньше мы служили вместе. Она, благодаря

удачному браку, тоже смогла войти в число знати Солуса, и решила сосредоточить свою энергию на повышении статуса своего нового дома. Теперь это ее долг, и в высшем обществе Вальгааста она чувствует себя в своей стихии. Раньше мы были подругами, потом наши пути разошлись, но все же мы не стали совсем чужими, и дом Гарнхайм всегда был союзником дома Штрок. Когда я связалась с Тревой, она пригласила меня на небольшой прием, который она как раз устраивала, и мне показалось, что это именно то, что нужно. С моей стороны не требовалось никаких усилий — только прийти.

Но оказалось, что идти туда было ошибкой. Я чувствовала, что мне не надо покидать Мальвейль, и мне стоило прислушаться к моим чувствам. Все-таки я действительно не здорова, и поездка в Вальгааст принесла мне больше вреда, чем пользы. Трева прислала за мной машину, и во время поездки к поместью Гарнхайм, на западную окраину города, я едва могла поднять голову. К тому времени, когда мы приехали, я была едва живой от усталости. Водителю Тревы пришлось почти нести меня в дом. Кроме того, я очень нервничала, и становилась все более и более тревожной. Я не могла сосредоточиться на том, кто что говорил. Я знала всех присутствующих там. С некоторыми я даже когда-то дружила. Но в тот день казалось, что раньше я никогда не встречалась с ними.

Нет, стоп, это не совсем так. Точнее сказать, что я будто не встречала их там. Словно их там не было. Или, может быть, словно меня там не было. Они казались чем-то вроде изображений на пикт-экране, с которыми я делала вид, что общаюсь. И эти попытки соблюдать видимость приличий оказались для меня мучительными. К концу приема я устала настолько, что было трудно дышать. А моя тревога переросла в настоящий ужас. Мне пришлось уйти. Пришлось вернуться в Мальвейль.

И когда я вернулась, то испытала огромное облегчение. Я сразу почувствовала себя лучше, хотя нельзя сказать, что ощутила себя полностью здоровой. Я больше не хочу выезжать из Мальвейля. По крайней мере, пока я больна.

Когда я была в гостях у Тревы, то пыталась бороться с подступающим ужасом, анализируя его, надеясь, что смогу подавить его, если выявлю его источник. Оказалось, что источник — моя работа по истории губернаторства Штроков. Я всегда думаю о ней, но когда я далеко от Мальвейля, мне почему-то кажется, что мой исторический проект в опасности. Как будто дом может взорваться, и только мое присутствие способно это предотвратить.

Глупость, конечно. Я не думаю, что это случится. Но чувствую себя так, словно это может случиться.

Итак, моя попытка поехать в гости была неудачной. Но я не сдалась. Я решила предпринять еще одну попытку сделать так, как просила Монфор. Надеюсь, что она будет довольна. Или надеюсь, что Мейсон будет доволен.

Или, может быть, мне вообще все равно.

Но я действовала так, словно мне не все равно. Я пригласила Треву и других моих знакомых в Мальвейль. Так я меньше устану, и не буду испытывать тревогу. Я надеялась, что их компания развлечет меня. Я надеялась, что не буду чувствовать себя одинокой.

Это оказалось еще хуже, чем моя поездка в поместье семьи Гарнхайм. Да, я действительно меньше нервничала и меньше уставала. На этот раз я могла уделить внимание присутствующим. И вот почему это было хуже, чем в прошлый раз. Я теперь видела вещи в истинном свете.

Все были любезны. Я помню, о чем мы говорили. Ничто из этого не имело значения. Я

смотрела на этих людей, которых, как я думала, я хорошо знала. Они были пусты. Если я когда-либо раньше действительно знала их, теперь это было не так. Все изменилось. Их тела были здесь, но это были лишь оболочки. С тем же успехом это могли быть сервиторы, запрограммированные изображать представителей высшего общества на приеме. Я заметила, что если смотреть достаточно долго, то я могу видеть прямо сквозь их тела. Их кожа становилась прозрачной, а внутри не было ничего, даже костей. Эти люди пришли не для того, чтобы встретиться со мной. Они пришли, чтобы попрощаться. Они покидали меня. Даже когда они сидели здесь и разговаривали, они покидали меня, опустошая себя, превращаясь в тени, изображающих пантомиму.

Я ненавидела их. Я не могла дождаться, когда они уйдут. Больше я не буду никого приглашать в Мальвейль.

Мейсон первый покинул меня, и забрал за собой всех. Сначала детей, потом всех остальных.

Я одна.

Я направлялся в зал Внутреннего Совета, когда меня догнала Адрианна Вейсс.

— Сегодня тебе придется справляться без меня, — сказала она.

— Думаю, что смогу справиться с Монфор.

— Не сомневаюсь, что сможешь.

— А ты что будешь делать? — спросил я.

— Собирать компромат против Монфор. До меня дошли кое-какие слухи, которые могут быть полезны для нас, если окажутся правдой. И я собираюсь проверить их достоверность.

— И где ты будешь их проверять?

— В Силлинге.

Резиденция Монфоров. Мне эта идея сразу не понравилась.

— Она может быть здесь, но у нее хватит глаз и там.

— Я знаю, — сказала Вейсс. — Я не собираюсь вламываться туда. У меня есть информатор в ее доме.

— Тогда удачи тебе.

— Встретимся в Мальвейле после заседания совета, — сказала она, и направилась дальше по коридору.

Это заседание было относительно спокойным. Мы все собирали силы для предстоящей схватки. Мы словно играли в административную шараду, решая правительственные дела, тогда как наши мысли были заняты другим. Мои мысли точно, и, судя по отсутствию конфликтов на заседании, мысли моих оппонентов тоже.

Мои мысли перескакивали от одной проблемы к другой. Каждый раз, когда я смотрел на Зандера, то замечал, что он смотрит на меня с явной тревогой. Я был обеспокоен тем, что зря был так откровенен с ним сегодня утром. А потом я задумывался, что могла найти Вейсс, и какому риску из-за этого она подвергается. Вполне можно предположить, что эти «слухи», чем бы они ни были, Монфор подбросила сама, как приманку для Вейсс. Я вспомнил, что именно Вейсс предупредила меня, насколько опасна Монфор. Ей самой нужно быть осторожной.

И я не мог перестать думать о растущем чувстве отчуждения и гнева в дневнике Элианы. *«Ты же простила меня, разве нет? Ведь именно поэтому ты вернулась? В конце ты*

простила меня? Ты должна была меня простить».

Эта бесконечная озлобленность была совсем не похожа на Элиану.

«В конце? В конце чего?»

У меня не было ответа.

Я сумел проявить достаточно внимания к делам совета, чтобы мое присутствие было заметно. Это был наибольший успех, которого я смог достигнуть в тот день. Мне повезло, что Монфор и ее союзники добились не большего.

Все присутствующие не скрывали облегчения, когда заседание Внутреннего совета подошло к концу. Фактически мы только потратили время. Мне было отчасти стыдно за это. Это Солусу приходилось платить за то, что мы были отвлечены нашими маленькими войнами и призраками.

Белзек уже вернулась на службу. Ее травмы оказались не столь тяжелы, и она снова могла передвигаться на новом гусеничном механизме. Машина, которую она теперь водила, была хоть и не «Тауроксом», но куда лучше бронированной, чем моя прежняя машина. Она ждала меня перед Залом Совета, и мы поехали обратно в Мальвейль. Температура была едва выше нуля, снега не было, но вместо него шел холодный проливной дождь.

Канавы были переполнены. Потоки воды заливали узкие улицы, превращая поездку по Вальгаасту в бесконечное путешествие. Мы ползли за колонной грузовиков, перевозивших тонны зерна. Ширины улиц едва хватало, чтобы пропустить их массивные корпуса. Изрыгая клубы синего дыма, грузовики тряслись на неровной, разбитой дороге.

Дождь пошел еще сильнее. Даже главную улицу — Бульвар Труда Верующих — заливал пенный поток воды. Если бы наша машина была хоть немного легче, ее бы смыло.

Мы направлялись к мосту Кардинала Рейнхардта, одному из самых старых мостов через реку Обливис. Он был горбатым, его камнебетон стал пористым от столетий кислотных дождей.

Грузовики въехали на мост. Потоки воды с улиц изливались к его основанию. Разлившаяся река бурлила у опор моста.

Внезапно налетел шквал. Мир вокруг исчез в грязно-белой пелене ливня. Подъем на мост стал едва заметным размытым пятном. И на нем, посреди дороги, я увидел силуэт женщины. Она была неподвижной, черный призрак среди дождя.

— Элиана, — прошептал я.

Я не видел черт ее лица. Только тьму. Она была совершенно неподвижной. Ничто не говорило о том, что это Элиана. Но я это знал. Я чувствовал, что призрак смотрит прямо в мое сердце.

Белзек не видела ее. Я замер, не в силах закричать, предупредить ее, или хотя бы попросить прощения.

И вдруг мост начал раскачиваться. Его движения из стороны в сторону были сначала мягкими, словно у колыбели, но это был камнебетон, который не мог быть мягким. Белзек ударила по тормозам и успела остановить машину перед самым мостом. Мы молча смотрели, как движения качающейся колыбели переросли в катастрофу.

Огромные грузовики казались теперь маленькими на спине умирающего зверя. Опоры моста с тяжким стонущим звуком обрушились в реку. Мост разломился на три части. Сквозь пелену дождя его падение было прекрасным — медленная грациозная смерть каменного гиганта. Грузовики рухнули в воду вместе с мостом. Они казались такими маленькими, жизни людей в них были невидимы, их вопли неслышны.

Я открыл дверь машины. Ветер дунул мне в лицо, обдав потоками дождя.

— Мой лорд, — произнесла Белзек, намереваясь остановить меня.

— Все в порядке, — сказал я.

Это не было дело рук Монфор. По крайней мере, не напрямую. На этот раз это действительно был несчастный случай. То, что, по мнению совета, случилось с заброшенным мануфактуромом, теперь произошло и с мостом Кардинала Рейнхардта. Еще одно обрушение, еще один предсмертный стон разрушающейся инфраструктуры Солуса. Водители грузовиков и других машин, упавших в реку, погибли по вине совета. Деньги, которые должны были пойти на ремонт моста, осели в карманах советников и их прихлебателей. Теперь из-за этого умирали люди.

Я стоял на краю разрушенного моста и смотрел на реку. Грузовики исчезли. Обломки моста торчали из бурлящей воды, словно могильные камни. Спасать было уже некого, но я стоял здесь, пока не приехала милиция СПО. Было важно, чтобы собравшаяся толпа видела меня. Я хотел, чтобы они знали, что их лорд-губернатор с ними.

Мне не нравилось думать о том, что этот несчастный случай мог дать мне политическое преимущество перед Монфор. Это был прагматизм такого рода, который я презирал. Но я также не мог отрицать, что ситуация именно такова.

«Неплохо. Ты превращаешься в политика».

Наконец я понял, что больше ничего не могу сделать здесь, и вернулся в машину. Моя одежда промокла, я промерз до костей. И, похоже, я на несколько часов опоздал на встречу с Вейсс. Я надеялся, что она сможет меня дождаться, и что она нашла что-то полезное. Мы должны уничтожить Монфор. Вальгааст больше не может терпеть ее порочность.

Дождь все еще лил, когда мы, наконец, въехали в ворота Мальвейля. Я был изумлен, увидев Кароффа, стоявшего на улице под дождем. Мы проехали пока лишь четверть пути вверх по холму. Карофф стоял неподвижно под ржавым краном. Я видел его недостаточно ясно сквозь дождь, но мне показалось, что он смотрит в никуда.

— Что он делает? — произнес я.

— Мой лорд? — спросила Белзек.

— Карофф. Смотри.

Белзек сбавила скорость.

— Простите, мой лорд, где?

Он исчез. Наверное, зашел за кран.

— Неважно, — сказал я. Потом я спрошу его, что он там делал.

Но когда мы подъехали к дому, и я вышел из машины, двери Мальвейля открыл мне Карофф. Его одежда была вполне сухой. И он никак не мог прийти со склона холма к дому раньше нас.

— Мой лорд? — спросил он, когда я изумленно уставился на него.

— Все в порядке, — сказал я, но по моей спине побежали мурашки. — Советник Вейсс давно ждет меня?

— Она сюда не приезжала, мой лорд.

— Понятно.

Обеспокоенный, я поднялся в свою башню, чтобы переодеться в сухую одежду. Вейсс могла задержаться по вполне безобидным причинам. Она могла застрять в пробках в городе, вызванных обрушением моста Кардинала Рейнхардта. Но, зная, куда она собиралась пойти, я не мог не думать о худших сценариях.

Поэтому я испытал огромное облегчение, когда, спустившись на первый этаж, обнаружил, что Вейсс ждет меня в библиотеке.

— Я не знал, что ты пришла, — сказал я. — Очень рад тебя видеть.

Она промокла от дождя и одной рукой потирала висок.

— О, Мейсон, — она подняла взгляд. — Да. Да. Я хотела встретиться с тобой.

— Ты говорила, — я присел рядом с ней. — Ну как, узнала что-то полезное?

Она медленно моргнула. Что-то в ее взгляде было не так. Он был каким-то... невидящим. Она смотрела то на меня, то куда-то в никуда.

— Узнала, — произнесла она. — О, да.

Она вздрогнула.

— Ты в порядке? — спросил я. — Что-то случилось?

Ее рот открылся, и голова дернулась вниз и в сторону. Она дернулась, словно рыба на крючке. Я бросился вперед, чтобы поддержать ее — и остановился.

Она была здесь, тихо сидела, выглядела несколько растерянной — но ничего более.

Я сел обратно, закрыл глаза и снова открыл. Ничего не изменилось.

«Что со мной?»

— Я пришла сюда, — сказала Вейсс.

— Да, пришла.

— Я должна предупредить тебя.

— О чем?

Она встала.

— Предупредить тебя, — повторила она, и, шатаясь, вышла из библиотеки.

— Адрианна? — я пошел за ней. — Куда ты?

— Я должна идти.

— Не сейчас. Позволь мне помочь тебе. Ты плохо себя чувствуешь.

Она открыла дверь. Дождь лил с такой силой, что я не видел ее машину у входа.

— Я должна идти.

Держась руками за голову, она вышла в дождь.

Я вышел за ней, и порыв ветра швырнул струи ливня мне в лицо, ослепив меня. Я шагнул обратно за дверь, вытирая воду с глаз. Я не видел Адрианну. Потом раздался шум мотора, и сквозь пелену дождя появился длинный размытый силуэт. Я подумал, что это ее машина, хотя не знал, почему она приехала только сейчас.

Я услышал звук открывающейся двери, и увидел, что к входу спешит Кальвен Ривас.

— Что случилось? — спросил я. — Ты за Адрианной?

— Ты знаешь, я поеду за ней, — ответил он. — Значит, ты уже слышал? — в его голосе явно звучала скорбь.

— Что слышал?

— Об Адрианне, — теперь он казался удивленным. — Ее тело только что выловили из реки. Она была убита.

— Когда? — выдохнул я, схватившись за дверной проем, чтобы устоять на ногах. — Ее убили только что?

От смятения и шока я едва лепетал.

— Нет, — сказал Ривас. — Ее убили, вероятно, несколько часов назад. Сейчас ее только нашли.

— Но это же не... — начал я, и замолчал.

«Но это же невозможно. Она только что была здесь».

Как было невозможно, и чтобы Карофф находился сразу в двух местах одновременно.

Внезапно мне стало трудно дышать.

— Что-то не так? — спросил Ривас.

— Я не знаю...

Я должен был рассказать ему.

«Не сейчас».

Он еще сильнее будет настаивать, чтобы я покинул Мальвейль. А я не мог покинуть Мальвейль. *Не мог.*

«Вейсс пришла, чтобы предупредить меня. Она была мертва, и все же хотела мне помочь».

То, что происходило в Мальвейле, не было нападением.

«Но бойня в комнате Катрин? Безумное веселье в комнате Зандера?»

«Это был сон. Лишь сон».

Понадобится нечто большее, чем это, чтобы заставить меня покинуть Элиану.

«Сегодня она спасла мою жизнь».

Я решил, что видение на мосту следует толковать именно так.

«Здесь нет зла».

— Отвези меня к Адрианне, — попросил я Риваса, надевая пальто.

Машина Экклезиархии, на которой ездил Ривас, была украшена с торжественной роскошью. Моя по сравнению с ней выглядела просто — на ее бортах был лишь герб моего рода и эмблема лорда-губернатора. Корпус лимузина Риваса украшал золотой орнамент в виде свитков. Эмблема Экклезиархии на крыше напоминала по размеру монумент. Машина была не просто заметна, но мгновенно узнаваема с большого расстояния, словно объявляя о своей священной миссии всем, кто видел ее. Молчаливое благочестие Риваса наполняло эту роскошь святостью. Это не было тщеславие. Великолепие мастерской работы являло собой дань почитания Бога-Императора.

— Мы едем в Силлинг? — спросил я.

Река Обливис протекала по границе поместья Монфоров на южной окраине Вальгааста.

— Что? — удивился Ривас. — Нет. Ее нашли в Лоусе, не в Обливисе, в нескольких милях отсюда.

Все это казалось чем-то бессмысленным. Оставшуюся часть поездки я молчал. Чувства скорби пока не было. Я поверил, что Адрианна Вейсс мертва, но поверил лишь разумом, а не на эмоциональном уровне. Я только что говорил с ней несколько минут назад. Она говорила со мной. Ее смерть была для меня пока лишь сообщением, а не чем-то реальным.

Однако ее визит ко мне сейчас был реальным. Я не понимал, что происходит в Мальвейле, но все больше и больше принимал его реальность. Были события, которые

можно рассматривать лишь как сны. Но когда я видел Вейсс, я не спал. Я не мог отрицать это чудо.

«Чудеса. Вот что это такое. Эти события — благословение, ниспосланное Императором».

Это откровение было таким внезапным и таким очевидным, что я едва не рассмеялся от нахлынувшей на меня радости. Я с трудом сохранял молчание. Сейчас не то время. Ривас не поймет. Но я думал, что со временем он поймет. Возвращение ко мне Элианы можно объяснить только чудом. А чудо — это не ересь.

Почему это чудо случилось — другой вопрос. Возможно, разбираться в нем лучше Ривасу.

Водитель Риваса выбрал дорогу, которая шла по северной окраине заброшенного промышленного района, у подножия холма, на котором стоял Мальвейль. Река Лоус текла мимо холма с севера на юг, потом поворачивала на восток, и по ней проходила граница Вальгааста. Через несколько минут мы выехали в серые пустоши. Мануфакторумы здесь по большей части были снесены, и неровный ландшафт усеян горами промышленных отходов и ржавым демонтированным оборудованием. Хотя рудники давно закрылись, земля была насыщена ядовитыми отходами. Вода в реке была черно-коричневой. У берегов пенилась серая грязь.

Военные поставили на берегу реки большую брезентовую палатку. Вокруг стояли их машины. Был здесь и «Таурокс» Адептус Арбитрес. Проливной дождь стучал по брезенту палатки, хлопавшему на ветру.

Ривас и я подошли к входу в палатку. Штаваак был здесь с двумя своими арбитрами, в полной форме и броне, визор шлема скрывал его глаза, у пояса висела силовая дубинка. Он мрачно кивнул нам.

— Лорд-губернатор, — произнес он. — Кардинал. Выражаю вам свои соболезнования. Это огромная потеря для всего Солуса. Мы все скорбим.

В другом конце палатки стоял прозекторский стол. Вокруг того, что лежало на нем, собрались офицеры милиции СПО.

— Расследование ведете вы? — спросил я Штаваака, надеясь, что это так.

Он покачал головой.

— Еще нет. Пока не определена степень угрозы Империи.

— Но это явно связано с делом советника Трефехт. Это месть за ее арест.

— Мы еще не знаем, — сказал Штаваак.

— Что еще это может быть?

Он посмотрел на труп.

— Я в самом деле не знаю.

Я подошел к столу, Ривас за мной. Офицеры, увидев нас, расступились.

Я посмотрел на мою подругу.

Теперь я осознал ее смерть полностью. Воспоминания о последней встрече с ней померкли перед реальностью ее мертвого тела. Я взялся за край стола, чтобы удержаться на ногах, и заставил себя посмотреть на ее голову, хотя это зрелище снова открыло старые раны в моей душе. Ее голова была страшно изуродована, почти неузнаваема, половина черепа раздроблена. Казалось, что-то смяло правую половину ее черепа и разрубило плечо до самой грудной клетки. От ее головного убора остались лишь несколько перьев, намочших от крови и прилипших к раздробленным костям черепа.

— Что могло нанести такую рану? — спросил Ривас.

Я видел такие раны — на Клоструме. Ее как будто ударил коготь тиранида.

«Этого не может быть. Это просто невозможно».

«Но посмотри на рану!»

«Она могла быть нанесена чем-то другим. Выяснение причин смерти — не моя специальность».

Цепляться за разумные объяснения было слишком трудно. Я смотрел на мертвое тело моей лучшей подруги, и все, о чем я мог думать — что пожиратели Клострума вырвались из моих кошмаров, чтобы убить ее.

Ривас сжал мое плечо. Он думал, что моя реакция вызвана лишь скорбью.

— Мы почтим ее память, — сказал он.

— И отомстим за нее, — прохрипел я, отвернувшись от стола. Эмоции, которые я сдерживал по пути сюда, теперь обрушились на меня. И если я не преодолею их, они поглотят меня. Заставив себя придать походке твердость, я подошел к Штавааку.

— Что вам известно? — спросил я. Пусть расследование пока было в юрисдикции местных властей, но я им не доверял.

— Немного, — сказал Штаваак. — Патруль проходил здесь и заметил ее тело на мелководье у берега.

— Как удачно, — тихо произнес я.

— Возможно, а возможно и нет. Патрули обходят территорию регулярно, и рано или поздно ее бы заметили. Даже здесь.

— Но как она оказалась здесь? — спросил Ривас. — Она хотела встретиться с тобой?

— Да. Но когда... когда я последний раз видел ее, она направлялась в Силлинг. Она надеялась узнать что-то, что мы могли использовать против Монфор, — негромко сказал я. Если Штаваак сочтет нужным поделиться этой информацией с местной милицией, то я доверял его суждению. Впрочем, я подозревал, что они уже знали.

Ривас и Штаваак мрачно переглянулись.

— Если она была убита там, мы не найдем ни улики, ни свидетелей, — сказал Штаваак.

— Это было бы слишком дерзкое преступление, даже для Монфор, — заметил Ривас. — Насколько мне известно, раньше она никогда не убивала политических соперников.

— Насколько тебе известно, — подчеркнул я. — И, возможно, раньше у нее не было необходимости их убивать.

— Ты стал для нее настолько серьезной угрозой?

— Я и не знал...

Я не чувствовал гордости. Я чувствовал скорбь и гнев. Если бы я мог здесь и сейчас схватить Монфор за глотку и задушить ее, то бы так и сделал. Я был зол и на себя. Я бросился в эту войну, прекрасно зная, что моя жизнь будет под угрозой. Честно говоря, покушение на мою жизнь вызвало у меня чувство некоего мрачного удовлетворения. Я был обеспокоен безопасностью моих детей. Но главной целью я всегда считал себя. Я навлек на себя гнев Монфор. Пусть она мечет в меня гром и молнии. Я верну их ей тысячекратно.

Но я не думал, что она начнет убивать тех немногих из совета, кто осмеливался противостоять ей. Вейсс была для нее чем-то вроде занозы в боку уже много лет, и все же Монфор не причиняла ей вреда.

До сих пор.

Я должен был это предвидеть. Я должен был предвидеть последствия этой моей

кампании. Но вместо этого я позволил врагу убить моего союзника. Я проявил беспечность. «Хуже того. Ты проявил высокомерие. Ты проявил гордыню».

Адрианна Вейсс погибла из-за моей гордыни.

Время обвинять себя будет позже. Сейчас для этого неподходящий момент.

— Мы можем предпринять какие-либо прямые действия? — спросил я Штаваака. —

Это нельзя оставлять безнаказанным. Она не остановится.

— Мы даже не знаем, что это сделала Монфор.

— Конечно, не своими руками, но по ее приказу. У кого еще были мотивы убить

Адрианну?

— У Монфор была важная причина не делать этого, — заметил Ривас.

— Та же, по которой она не стала бы слишком спешить с новой попыткой убить вас, — подтвердил Штаваак. — Ей слишком много есть что терять. Одна ошибка, и все, чего она добилась, рухнет. Я согласен с вами, лорд-губернатор. Едва ли вы успели стать для нее угрозой настолько, чтобы такое было адекватной формой мести.

— Она не адекватна, — прорычал я. — Значит, вы говорите, что она неприкасаема.

— Пока, полагаю, что да.

Воздух в палатке был слишком душным. Я откинул брезент и вышел наружу. Порыв ветра хлестнул меня. Сразу же струи дождя полились по моим волосам, стекая по шее.

У дороги стоял автомобиль, на некотором расстоянии от других машин. Рядом с ним, опираясь на трость, словно серый вурдалак, стояла старший советник Монфор.

Мои руки сжались в кулаки. Я направился к ней, сопротивляясь порывам ветра. Она была в длинном пальто, но без головного убора. Ее волосы прилипли к черепу. Вода стекала с трубок ее дыхательного аппарата. Она стояла так неподвижно, что могла быть еще одним призраком, и смотрела на меня с холодной ненавистью.

— Злорадствуй где-нибудь в другом месте, пока еще можешь, — произнес я.

— Убийство советника Вейсс не доставляет мне радости.

— Ложь. Ты сгоришь за это.

Ее глаза слегка прищурились, ненависть в них становилась горячей.

— Не думайте, что можете обвинить меня в своем преступлении.

— *Моем преступлении!* — я был настолько ошеломлен попыткой разыграть такой ход, что несколько мгновений не мог ничего сказать.

— У меня не было причин убивать ее, — сказала Монфор. — Смерть советника Вейсс не принесла мне никакой выгоды.

— С каких это пор смерть врага не приносит выгоды?

— Когда враг настолько популярен, как советник Вейсс. Живая, она была лишь оппонентом. Мертвая, она станет символом, который, как нам обоим хорошо известно, послужит в ваших интересах против меня. Но вам не победить, лорд-губернатор. Ваша вина будет доказана.

— Это более чем абсурдно, — мне уже стало казаться, что этот разговор — галлюцинация.

— Насколько мне известно, когда ее в последний раз видели живой, она говорила с вами.

— Это все ваши доказательства?

— Этого может быть достаточно, чтобы заинтересовать Инквизицию.

Я изумленно уставился на нее, не в силах поверить, что она говорит серьезно. Я знал,

что она готова пойти на любую хитрость и любое преступление, но то, что она говорила сейчас, было абсолютным безумием. Не могла же она считать это абсурдное заявление настоящей угрозой.

— Пожалуйста, — усмехнулся я. — Пригласите Инквизицию нанести мне визит.

— Вы Штрок из Мальвейля, — сказала она. — Вы должны знать, что это значит.

— Я знаю. А вы должны знать, что я намерен сделать.

Я отвернулся и, уходя, услышал, как дверь ее машины захлопнулась. Ее водитель завел мотор как раз в тот момент, когда из палатки вышли Штаваак и Ривас. Моргая сквозь дождь, Штаваак посмотрел вслед уезжающей машине.

— Это была...? — начал он.

— Да, это была она. Она посмела приехать сюда, чтобы поглумиться над нами. Она угрожала обвинить меня в убийстве Адрианны.

— Не стоит относиться к этой угрозе легкомысленно, — заметил Ривас.

— Я знаю.

«Ей тоже стоит воспринять мою угрозу серьезно. Но я надеюсь, что она меня недооценит. Император милостивый, пусть она совершит ошибку. Позволь мне уничтожить не только коррупцию, которую она возглавляет. Позволь мне уничтожить ее».

— Я буду делать, что необходимо, — добавил я.

— Это значит...? — спросил Штаваак.

— Именно то, что я сказал.

Ветер выл вокруг. Мы уже настолько промокли, что едва замечали дождь.

Мой разум был наполнен образами крови Монфор. В бою я радовался победам. Я был рад сжигать ксеносскую мерзость стирать их скверну с лица галактики. Но я не получал удовольствия от убийства. Однако сейчас я бы с удовольствием убил Вет Монфор. Мои мышцы напряглись в предвкушении ее разрывающейся плоти. Моя правая аугметическая рука, которая не могла ничего чувствовать, все же чувствовала сейчас контуры рукоятки клинка, молота, лазерного пистолета. Я уже чувствовал тяжесть оружия, которое мне еще только предстояло взять в руки. Дождь на моем лице был брызгами нечестивой крови Монфор. Я весь был словно сжатая пружина. Если бы Монфор вернулась, я бы напал на нее здесь и сейчас, невзирая на последствия.

— Не разрушай то, чего ты сумел достигнуть, — предупредил меня Ривас. Он знал меня слишком хорошо. И все же сейчас он смотрел на меня, словно я стал кем-то другим.

— Что ты от меня хочешь? Она убила Адрианну! Это что-нибудь значит для тебя?

Ривас не сказал ничего. Но на его лице отразилась боль, и это и было его ответом.

— Тщательно обдумайте то, что вы собираетесь предпринять, лорд-губернатор, — спокойно произнес Штаваак, но в его голосе безошибочно слышалось предупреждение. — Я хочу, чтобы вы добились успеха. Вы нужны Солусу, и сейчас вы нужны ему больше, чем когда-либо. Не заставляйте меня предпринимать действия против вас.

— А вы готовы их предпринять?

— Если того потребует мой долг.

— И все же вы говорите, что не можете ничего сделать против Монфор.

— В настоящий момент нет, не могу. Повторяю, у нас нет прямых доказательств ее причастности. Если я узнаю, что она виновна, и ее действия дестабилизируют Солус, тогда, как и в случае с советником Трефехт, ситуация будет иной. Но если вы убьете ее, то

дестабилизирующим фактором станете вы. Я вижу, что вы сильно разгневаны, лорд-губернатор. Вы готовы напасть на нее без всякой скрытности. Вы можете просто застрелить ее в Зале Совета, если увидите ее там. Но этим вы можете ввергнуть Солус в гражданскую войну. Я не допущу этого.

— Тогда выполняйте свой долг! — прорычал я. Я не имел власти над Адептус Арбитрес, но отдал приказ так, словно имел. — Найдите доказательства ее вины!

Я развернулся и пошел прочь.

— Мейсон! — закричал кардинал.

Я не обернулся. Внутри я весь кипел.

— Пусть хотя бы мой водитель отвезет тебя домой!

— Я дойду пешком! — ответил я, не останавливаясь.

Я был в ярости от того, что Штаваак проявляет такую осторожность, хотя рациональная часть моего разума, которая была едва слышна за ревом гнева и скорби, знала, что он прав.

Я шагал сквозь бурю. Ветер и дождь хлестали мое лицо с такой силой, что иногда казалось, будто я истекаю кровью. Мир вокруг меня превратился в бесконечное серое пространство размытых силуэтов. Реальность померкла настолько, что в ней не осталось ничего кроме призраков. Ничего больше и не имело значения. Все было размытым и призрачным. Лишь мой гнев был силен — пламя, которое невозможно погасить, жар, который будет пылать до тех пор, пока не сожжет меня — или Монфор.

Я замерз и устал, когда, наконец, добрался до Мальвейля. Катрин и Зандер уже слышали о смерти Вейсс. Я не хотел выслушивать их соболезнования. Я хотел мести. Хотел справедливости.

Мне нужно было поговорить с кем-то, кто понял бы меня и поверил в то, что я пережил в Мальвейле. Ривас верил, но не понимал. А больше никто не верил.

«Элиана. Мне нужно поговорить с Элианой».

Я воспринял эту мысль так, словно мы говорили с ней в реальности, а не в моих снах. И я чувствовал, что скоро так и будет. К этому все и шло.

Так я говорил себе, когда поднялся в свою башню, уединившись на ночь, отрезав себя от остального дома. Это был единственный свет надежды среди вихря мыслей о мести.

Буря последовала за мной в сон. Ее вой раздавался в моем разуме, то замораживая кровь, то заставляя ее кипеть. Я бился в постели под рев бури, пытавшейся ворваться в дом сквозь щели в стенах. Когда я проснулся, простыни были мокрыми от пота.

Моя кожа горела. Язык был распухшим и сухим. Я сел, и у меня закружилась голова. Лихорадка бушевала в моей крови, я был словно раскаленная печь. Но лихорадка была не только внутри меня. Жар исходил из самих стен. Я включил люмен и воспаленными глазами огляделся вокруг. Вся комната пульсировала вместе с биением моего сердца. Потянувшись к ближайшей стене, я приложил к ней ладонь, но в ту же секунду испуганно отдернул. Поверхность стен была словно натянутая кожа, дрожащая в лихорадке и мокрая от густого пота.

Я слышал звуки рвоты. Они были оглушительно громкими, словно весь дом страдал от приступа тошноты, его коридоры превратились в глотки, изрыгающие накопленный хлам в неиспользуемые комнаты. И в то же время они звучали очень по-человечески, как будто кого-то тошнило с такой силой, что его тело выворачивалось наизнанку.

От этих звуков меня самого начало выворачивать. Дыша ртом и преодолевая приступы тошноты, я встал и, шатаясь, направился к двери. Меня снова что-то звало. Новые

откровения ждали меня. Я должен был лишь найти их. Потребность действовать гнала меня вперед, хотя я не знал, для чего меня зовут. Не знал я и кто меня зовет.

— Элиана! — закричал я, пытаюсь открыть дверь.

Она не ответила.

Жар был удушающим. Он накатывал пульсирующими волнами, сжимая мою голову и живот. Я едва мог стоять на ногах. Когда я, наконец, открыл дверь, меня оглушило жужжание целого роя мух, такое громкое, что оно казалось ревом. Я закашлялся, зажимая одной рукой рот и нос, а другой отчаянно отмахиваясь от насекомых. Я моргал, чтобы прогнать мух с моих глаз, хотя даже не видел их. Свет был тусклым, а воздух таким густым и затхлым, что, казалось, я вдыхаю яйца мух.

Шатаясь, я стал спускаться по ступеням, держась за стены, превратившиеся в конвульсивно сжимающуюся плоть. Пот с них стекал на ступени, отчего лестница становилась опасно скользкой. Я добрался до коридора на втором этаже, отчаянно пытаюсь выбраться на свободное пространство и вдохнуть чистого воздуха. Но здесь воздух был еще хуже. Он смердел гнилью и содержимым кишок. Жужжание мух было оглушительным. Я отчаянно бился посреди пустоты. Звуки рвоты превратились в придушенный вопль, за которым последовал панический хрип, и снова булькающий вопль.

За дверями спальни мои дети звали меня. Их детские голоса были наполнены ужасом. Вот для чего меня звали. Я должен был вывести их отсюда, прежде чем нас поглотит ужасный недуг, охвативший Мальвейль. Катрин отчаянно пыталась быть смелой, но ее голос дрожал, а в воплях Зандера звучал безумный страх. Я начал звать их, и меня чуть не стошнило, когда кислота обожгла мое горло. Я попытался открыть сначала дверь в комнату Катрин, потом в комнату Зандера. Ручки дверей были покрыты слизью. На них под моими руками лопались гнойники, из них выползали многоножки, обвивавшиеся вокруг моих пальцев, от их ядовитых укусов мои суставы распухали. Я выпустил ручку и беспомощно колотил в дверь комнаты Зандера.

— Отец! — раздался поблизости голос Катрин. За ней закричал Зандер. Их крики слышались где-то справа от меня, совсем не из их спален. В то же мгновение я ощутил запах дыма.

Я увидел детей у входа на лестницу. Маленький Зандер обнимал сестру, прижавшись к ней. Катрин указывала вниз на ступени:

— Он поджигает дом! — закричала она.

Я бросился к ступеням и увидел силуэт человека, бежавшего по коридору с горящим факелом. Дым становился все гуще, и к жару от лихорадки добавился жар от огня. Я собирался взять на руки Катрин и Зандера и вынести их из дома, но тогда, если поджигатель нападет, я не смогу отбиваться. Я и так едва мог стоять на ногах.

— Возьми брата за руку и крепко держи, — сказал я Катрин. — Иди за мной и не отставай. Если я скажу ждать, подожди. А если скажу бежать, беги к двери изо всех сил.

Катрин кивнула. Она была бледной, но на ее щеках проступили красные пятна. Болезнь заразила и ее, но она была сильной.

Я бросился вниз по ступеням. Звуки рвоты, вероятно, были реакцией дома на вторжение поджигателя — Мальвейль пытался извергнуть нарушителя, ранившего его огнем. Это было дело рук Монфор. Она пыталась уничтожить всех нас — меня, детей и дом. Ярость придала мне сил, хотя я едва не падал на ступенях, скользких от пота и ползающих червей. Перила словно извивались в моих ладонях, гибкие, как мышцы и пористые, как губка.

Мои легкие кишели личинками. Я едва мог двигаться сквозь дымный воздух, густой, словно зыбкий песок, но все-таки я добрался до первого этажа. Человек с факелом выскочил из библиотеки, позади него ярко пылало пламя. Я видел лишь его размытый силуэт, и не мог разглядеть его лица. Он бросился к главному выходу, и я последовал за ним. Я должен был остановить его. Если его не остановить, я знал, что он сделает, выбежав за порог. Он запрет двери, оставив нас погибать в горящем доме.

— Бегите! — закричал я, не оборачиваясь, чтобы убедиться, услышали ли меня дети. Все мое внимание было сосредоточено на том, чтобы не отстать от нарушителя.

Он первым добежал до выхода и распахнул двери. Буря на улице все еще бушевала. Дождь и ветер ворвались в коридор. Я выбежал в бурю за нарушителем. Но он исчез в темноте, и я остановился, добежав до подъездной аллеи.

Взрыв сотряс землю, сбив меня с ног. Его грохот заглушил вопли моих детей. Волна пламени окатила меня, боль пронзила бок, словно огненное копьё. Я беспомощно взвыл. Грохот взрыва затих. Меня стошнило и рвало до тех пор, пока изо рта не полилась лишь тягучая слюна, темная от желчи. Я заставил себя встать. От дыма и пыли щипало ноздри. Снова из моей груди вырвался вой, я повернулся, ожидая увидеть руины дома и трупы моих детей.

Дом был невредим. В нем стояла тишина. Трупов не было. Не было ни дыма, ни пламени.

И все же в моих ушах еще звенело эхо взрыва. Моя спина горела от ожога.

«Ты должен оставить вопросы в прошлом. Просто прими это и пойми, что это может значить».

Я пошел обратно в дом. Пол был мокрым от дождя, но никакой слизи нигде не было. Жар лихорадки пропал. Войдя, я запер за собой двери, и осторожно стал подниматься на второй этаж.

«Очищен. Дом очищен. Он предупредил меня о нарушителе, и я изгнал его, спас дом и детей».

«Но огонь...»

«Это то, что нарушитель мог бы сделать. Мы остановили его».

Моя голова была ясной, походка снова твердой. Я мог легко дышать. Зловоние исчезло. От болезни, охватившей дом, не осталось и следа.

Но не было и следа моих малышей.

Я начал звать их, но тишина в коридорах и внезапное подозрение остановили меня.

«Они вернулись в свои комнаты. Опасность миновала, они увидели, что ты спас их, и вернулись в свои постели».

«О, и они сейчас спят?»

Я попытался открыть дверь в комнату Зандера. Дверная ручка была сухой. Дверь открылась легко, и я прокрался в комнату. Мои глаза привыкли к темноте, и я смог различить взрослого Зандера под одеялом. Он спал.

«Или он хочет, чтобы ты так думал».

Я неподвижно стоял у его постели целую минуту, ожидая, что он подумает, будто я ушел, и выдаст себя. Он не двигался, его дыхание было глубоким и ровным. Я покинул его комнату и зашел в спальню Катрин. Казалось, она тоже спокойно спит. Она была более дисциплинирована, чем Зандер. Он бы выдал себя сразу. Поэтому я простоял там в темноте еще дольше, совершенно неподвижно, сжимая руки от гнева на этот обман.

«Кто вы? Что вы сделали с моими детьми? Монфор похитила их?»

Если они причинят вред Катрин и Зандеру, пощады им не будет.

Я моргнул, внезапно не понимая, зачем я здесь.

Это *и была* Катрин. Что я делаю? О чем я думаю?

Я тихо вышел из ее спальни, закрыв за собой дверь, и направился в свою башню, мрачно стиснув зубы. Я все еще чувствовал себя запутанным и растерянным. Мое чувство времени было нарушено. И в то же время я знал, что я не сплю. Мне пытались передать некое сообщение, что-то показать. Здесь были какие-то истины, которые мне нужно было узнать.

Я почувствовал себя лучше, когда вернулся в свою башню и запер дверь.

«Мы можем доверять этим людям, которые спят внизу?»

Я совсем не был в этом уверен.

ГЛАВА 13

Мой муж — человек чести.

Его дядя был человеком чести.

Сколько чести в роду Штроков! Поколения и поколения чести, долга, веры и беспрекословной службы Империи. Какая верность Императору! Образцовый знатный род. Столетия труда, чтобы создать наследие чести.

Я знаю, как пахнет эта честь. Знаю, на чем она основана. Что лежит под ней. Все это наследие лишь тонкая пленка. Все эти столетия исполнения долга, что они есть? Лишь пленка, такая тонкая, всегда готовая разорваться.

Теперь я понимаю, что значит труд в этом доме: пережитки прошлого пытающиеся похоронить под собой основания.

Ты человек чести, Мейсон. Что ты думаешь? Это твой долг до конца? Долг в том, чтобы сохранять и спасать? Ты считаешь, что конец еще не наступил? Что не все еще прогнило насквозь?

Сколько цепей. Мы связаны ими. Я скована. И когда мы видим и чувствуем эти цепи, уже слишком поздно.

Это тоже ложь. Утешающая ложь. Истина в том, что всегда бывает слишком поздно. Цепи всегда здесь.

Когда стало слишком поздно для меня? Когда я впервые перешагнула этот порог? Когда впервые увидела Мальвейль? Цепи длинные, и уходят глубоко. И они всегда здесь. Свободы нет. Есть только цепи.

Нет дня. Есть только ночь.

Я снова покинула дом. Разве это не достижение? Ты гордишься мною, Мейсон?

ОТВЕТЬ МНЕ!

Не гордись. Я не горжусь собой. Это не достижение. Я не вырвалась на свободу. Я даже не была выпущена. Меня тянули на цепях.

Я не открыла ничего сама. Меня заставили увидеть.

Иногда Мальвейль дергает за эти цепи ради развлечения. Ради шутки.

Я хотела бы сказать тебе кое-что, Мейсон. Я хотела бы сказать тебе многое. Но это маленький секрет. Он касается юмора и судьбы. Ты понимаешь, о чем я сейчас?

Мне придется писать самым мелким почерком, это значит, что я шепчу.

Юмор и судьба (или, точнее, предопределение) — в сущности одно и то же, и это ужасно. Подумай о природе шутки, Мейсон. Конструкция шутки являет собой движение к элементу неожиданности, который тоже предопределен. И когда шутка подходит к своей развязке, мы, несмотря на ее абсурдность — или благодаря ей — видим, что другого финала и быть не могло. Шутка была просто обречена кончиться именно так.

Штроки обречены, Мейсон. Я тоже обречена. Цепи слишком крепки. Когда ты видишь их, то пытаешься порвать. Но не можешь.

Цепи начались с Девриса Штрока. Леонель узнал об этом слишком поздно. Как и все его предшественники. Как и я. Деврис заключил пакт. Леонель видел доказательства этого. Я еще нет. Но знаю, что увижу их. Вскоре наступит время, когда мне придется посмотреть вниз.

Я приезжала в Администратум в последний раз. Меня послал туда Мальвейль. Цепи тянули меня туда. Я знала, где искать. Имя Девриса сохранилось в достаточном количестве найденных мной фрагментов. Прошлое погребено в Мальвейле, но оно не упокоено. Оно выходит на поверхность. Оно посылает наверх приманки, а потом стальной капкан захлопывается.

Итак. Я видела то, что должна была увидеть, а потом меня привели назад. Не думаю, что когда-либо еще покину Мальвейль.

Если я видела это, Мейсон, ты тоже должен это увидеть. Почему лишь я одна из нас должна нести это проклятье? Ты сражаешься на войне, и ты защищен. Ты не можешь знать. Ты покинул меня и трудишься ради чести и долга.

Ты человек чести до конца.

Но честь тонка и хрупка. Она — твоя истина, но она ложь.

Она — лишь тонкая пленка, растянутая над прошлым.

Я отброшу и прошлое. Больше я ничего не могу сделать. Оно ничему не служит. Все бесполезно.

Может быть, я выиграю время.

Может быть, и это неважно.

Честь. Я хотела бы, чтобы слово стало плотью. Я бы вырвала его зубами. Я бы выпила его гнилую кровь.

Буря, наконец, прекратилась. Небо по-прежнему было серым и тяжелым, собирая силы для новой бури. С перерывами шел дождь, и выл ветер, холодный, словно скальпель, вонзающийся в плоть. Я радовался боли, которую он приносил, когда я шел по территории Мальвейля этим пасмурным утром. Мне нужен был свежий воздух.

Читать дневник Элианы становилось все тяжелее. Больше я не получал от его чтения никакого удовольствия. Напротив, я начал бояться его. Ненависть, отчаяние, гнев, пронизывающие его страницы, были пугающими до жути. Я знал, что чем ближе к последним страницам дневника, тем более страшными покажутся мне ее слова. Едва ли могло быть по-другому — ведь за последней страницей ее ждало самоубийство. Но я не рассчитывал узнать подробности беды, постигшей мою жену. Усталость, на которую она жаловалась до того, похоже, превратилась в убеждение, что Мальвейль держит ее в плену.

«Это правда? Или это что-то внутри нее создало такое заблуждение?»

Далеко не все происходящее в Мальвейле было мне понятно. Что-то из этого было пугающим. Но я не считал, что это опасно. Я мог приходить и уходить когда захочу. Я не был пленником Мальвейля. *Я не хотел уходить из него, но это не то же самое, что быть удерживаемым против воли. Я бы очень хотел, чтобы у меня была возможность сделать что-то для Элианы, пока она была жива. Я бы хотел помочь ей найти радость в Мальвейле.*

«Может быть, я что-то смогу сделать для нее сейчас. Может быть, помогу ей обрести покой. Она тянется ко мне. Я не покину ее снова».

Так я говорил себе. Я упорно цеплялся за эту надежду. Она была нужна мне, лишь в ней я находил силу читать дневник дальше.

Чтение стало требовать больше времени. И не только потому, что содержание было трудным для восприятия. С каждой страницей почерк Элианы становился все менее разборчивым. Он стал таким сжатым и угловатым, что я с трудом мог его разобрать, и еще он стал очень мелким. Мне требовалось несколько минут, чтобы разобрать каждую строчку, и от напряжения, которое испытывали при этом глаза, меня стали мучить головные боли, прежде чем я успевал прочитать половину страницы. Что еще хуже, осмысленных слов в каждой строчке становилось чем дальше, тем меньше. Казалось, Элиана хотела скрыть свои мысли за лесом неразборчивых бессмысленных пометок. Эти черточки, сделанные пером, выглядели почти как буквы, и они сбивались в группы, напоминающие слова. В них, казалось, даже было что-то общее. Иногда, со слезящимися глазами и раскалывавшейся от боли головой я обнаруживал, что пытаюсь расшифровать эти пометки, и чувствовал, будто сейчас пойму, что они означают. В такие моменты я отрывался от дневника и был вынужден не читать его некоторое время. Когда такое происходило, дневник становился для меня чем-то отвратительным, чем-то, к чему я не хочу прикасаться.

Элиана намекала на такие вещи, которые я не хотел знать, но при этом не мог игнорировать. Пока она довольно смутно упоминала, что, похоже, нашла что-то в самом Мальвейле, но она ездила во Дворец Администратума. И она упомянула имя: *Деврис Штрок*.

Я пошел по этим оставленным ею следам, и велел Белзек отвезти меня во дворец.

Располагавшийся в восточном районе Вальгааста, Дворец Администратума был огромным архитектурным комплексом из черного феррокрита. Это крупнейшее здание на Солусе увенчивали высокие шпили. Оно было хранителем записей, хранителем воспоминаний, хранителем тайн и чудовищем инструкций и предписаний. Оно расползалось на несколько миль, и было выше любого другого здания в Вальгаасте, за исключением собора.

Сумрачный вестибюль был освещен канделябрами. Его стены поднимались под уклоном внутрь, соединяясь на высоте более семидесяти футов. Хотя зал занимал широкое пространство, он казался узким, его очертания притягивали взгляд вверх. Под потолком висел огромный символ Администратума — имперская «I» с руной Адептус. Мрачность и торжественность зала требовали почтительной тишины.

Когда я вошел, появились несколько писцов в мантиях. Ко мне подлетел серво-череп.

— Архивы, — сказал я. — Ссылка: куратор Элиана Штрок.

Серво-череп пропищал что-то машинным кодом и улетел в нишу в дальней стене за высокой железной кафедрой, возвышавшейся над полом на десять футов. Спустя мгновение открылись двери, и к кафедре подошла одна из писцов в темной мантии.

— Лорд-губернатор, — сказала она. — Для нас честь приветствовать вас здесь. Вы

сделали запрос на записи, относящиеся к вашей достопочтенной супруге.

— Да. Особенно меня интересуют те записи, которые запрашивала она сама, когда в последний раз была здесь.

Писец ввела запрос в когитатор, установленный на кафедре. Сверившись с данными на его экране, она пролиستала страницы огромной книги, стоявшей перед ней на подставке.

— Воистину, это древние записи, — заметила она, как мне показалось, одобрительно. — Понадобится некоторое время, чтобы добраться до них.

Она повернула медный рычаг на кафедре, и позади нее открылись еще одни двери. Серво-череп снова вылетел из своей ниши, а из дверей выехал сервитор на колесах.

— Исторические данные, — сказала писец серво-черепу. — Хранилище Секундус, 12-й подземный этаж, архив 1-2-7.

Серво-череп выпустил изо рта тонкий свиток пергамента. Писец оторвала свиток и вставила его в затылок стоявшего неподвижно сервитора, который сразу же пришел в движение.

— Вас отведут к запрошенным вами записям, — сказала писец.

Я поблагодарил ее и последовал за сервитором в арку в восточной части зала.

Более двадцати минут мы шли по сводчатым коридорам, спускаясь все глубже и глубже в подземные лабиринты Дворца Администратума. Мы проходили мимо бесчисленного множества келий, где писцы трудились над переписыванием и экзегетическими текстами, согласовывая противоречивые инструкции. Мы шли по узким мостам, едва три фута шириной, тянувшимися над бескрайними пространствами огромных хранилищ. Добравшись до Хранилища Секундус, сервитор повел меня по паутине мостов на подземный этаж, находившийся, наверное, на глубине более сотни футов под землей.

Подойдя к одному из архивов, сервитор встал на платформу лифта вниз. Включились механизмы, и платформа подняла сервитора вверх, куда тянулись ряды железных шкафов с документами. Освещение здесь тоже было тусклым, и сервитор снизу был едва виден. Я услышал лязг открывающейся дверцы шкафа, и спустя минуту сервитор спустился на лифте, нагруженный документами. Я последовал за ним в келью для чтения. Сервитор сложил документы на железный стол, занимавший большую часть пространства кельи, и вышел.

Я уселся на стул из темного дуба и стал просматривать документы. Как и сказала писец, они были очень древними. Пергаментные листы потрескались от времени и стали хрупкими. Пергамент крошился от одного моего прикосновения. Чернила поблекли до того, что иногда текст был нечитаемым. История медленно исчезала в пустоте прошлого.

Папки с документами являли собой собрание всех записей, прошедших через Администратум несколько столетий назад, в период, совпадавший с приходом Штроков к власти. Записей были сотни, и я потратил часы, разбираясь в массе поправок к инструкциям, сообщений о наказаниях семей, о которых я никогда не слышал, отчетов о производстве сельскохозяйственной продукции, и тому подобной бесконечной бюрократической рутине. Но, наконец, я все-таки нашел документ, на который, вероятно, ссылалась Элиана. Это была копия лицензии на разработку полезных ископаемых, обнаруженных во владениях Мальвейля, выданная Деврису Штроку. Я нашел еще один документ, датированный несколькими месяцами позже лицензии. В нем сообщалось о специальном заседании Совета после смерти губернатора Агаты Монфор. Вместо ее сына Грегора, который должен был наследовать ей, Совет назначил лордом-губернатором Девриса Штрока.

Документ был сухой справкой, написанной просто для проформы, и едва ли ожидалось,

что его кто-то будет читать. Но он отметил для истории момент прихода моей семьи к власти над этим миром. Деврис был первым лордом-губернатором из рода Штроков.

До того я никогда не слышал его имени. Его достижение помнили, но сам человек был полностью забыт.

Забвение, окружавшее моих предшественников, казалось, становилось все глубже. Парадокс внезапного возвышения и таинственность, окружавшая Штроков — все это было более чем странно. Но ничего действительно нового здесь не было. Я лишь получил подтверждение того, что мы и так знали как главную причину нашего прихода к власти. За исключением имени первого губернатора из нашего рода эта информация не была для меня особенно важной.

Я продолжал искать. Элиана запрашивала материалы, охватывавшие несколько лет — период до и после прихода к власти Девриса. Я рылся в документах, раскапывая груды унылой рутины. Я не знал, что в точности надо искать. Даже если Элиана не искала что-то конкретное, она в этой работе была куда лучше, чем я. Это была ее сфера, ее поле боя.

В конце концов, я все-таки нашел то, что нужно. К тому времени я просидел в келье для чтения несколько часов. Мои глаза остекленели от усталости, в голове пульсировала боль, и я легко мог бы пропустить этот документ. Но будто кто-то направил мою руку к нужному пергаменту и не выпускал его из пальцев, пока я не прочитал его. Это был запрос из отдела по добыче полезных ископаемых. В нем просили прислать данные по предыдущим геологическим исследованиям региона Мальвейля, чтобы уточнить, какие ошибки в них могли быть сделаны. Прежние исследования показали, что в недрах холма Мальвейля нет ничего ценного.

Я смотрел на пергамент несколько минут, постепенно понимая, что это значит. Поискав еще связанные с этим документы, я обнаружил меморандум, в котором упоминалось, что этот вопрос был закрыт. Я продолжал поиск еще полчаса, но больше ничего не нашел.

В келье становилось холодно. Откуда-то подул легкий сквозняк, свечи замигали, одна из них погасла. Сквозняк коснулся моего затылка, он был холодный, словно лед.

Я смотрел на найденные мною документы, не желая признавать вырисовывавшуюся передо мной картину событий.

Земля, на которой стоял Мальвейль, не содержала в себе ничего ценного. И вдруг стала невероятно богата полезными ископаемыми. Я вновь посмотрел на лицензию, изучая список найденных там ресурсов. Золото, серебро, железо, медь. И все в одном месте. Какое удачное совпадение. Невероятное, неправдоподобное. И никто не обратил на это внимания, кроме одного человека, отправившего тот запрос. И все равно это ни к чему не привело. Все замечания о невероятности внезапного обогащения Штроков игнорировались столь же старательно, как забывалось имя каждого губернатора.

Это не было похоже на благословение Императора.

На документ, который я держал, откуда-то упала капля воды, и потекла по пергаменту, словно слеза.

— Пакт, — прошептал я, вспомнив слово, которое упоминала Элиана.

Всклип отчаяния ответил мне. Я вскочил со стула и отшатнулся от стола. Там, где сидел я, теперь оказалась Элиана, ее взгляд был прикован к документам, рот приоткрыт. Она пыталась что-то сказать, ее руки были подняты, пальцы сжаты. По лицу ее текли слезы, и вдруг она закричала, ее вопль был преисполнен ужаса и горя.

«Потянись ко мне! Утешь меня!»

Я не мог. Ее вопль был слишком страшным, слишком ошеломляющим. Здесь не могло быть утешения. Здесь был только ужас. Он наполнял келью. Наполнял мою душу.

Задыхаясь от ужаса и стыда, я повернулся и бросился бежать.

Позади меня призрак моей жены вопил, и вопил, и вопил...

ГЛАВА 14

Было уже поздно, когда я вернулся в Мальвейль. Я заперся в своей башне и сел на кровати, ожидая, что случится что-то — *что угодно*. Я шептал имя Элианы снова и снова, звал ее, умолял простить меня за то, что покинул ее снова. Я клялся, что на этот раз помогу ей.

Как я мог искупить свою вину? Как мог утешить душу умершей? Что я знал об упокоении? Большую часть своей взрослой жизни я не знал ничего кроме войны. А теперь, покинув поле боя, я чувствовал, что мира в моей жизни стало еще меньше, чем до того. Но я *должен был ей помочь*. Если бы я только знал, что заставило ее кричать. То, что я прочитал в архивах, беспокоило меня, вызывало тревогу. Я еще не все понимал. Возможно, это было и к лучшему, но я не мог это принять. Если я намеревался помочь Элиане, то должен был знать причину ее ужаса.

Медленно тянулись ночные часы. Она не приходила. Ничего не происходило. Я оставался наедине со своими мыслями и своими неудачами. Сжимая голову, я хотел вырвать чувство вины из своего разума. Но все мои мысли были преисполнены этим чувством. Я был виноват перед своими солдатами и Империем на Клоструме. Я был виноват перед Адрианной Вейсс. Виноват перед Элианой. Виноват перед своими детьми. Как я мог это остановить? Как мог защитить своих детей? Как мог защитить тех, кто не может защитить себя?

«Что ты имеешь в виду? Они взрослые. Они там, внизу, спят».

«Да? Это они? И они правда...?»

«Правда что?»

«Правда они мои дети? Я не знаю этих людей. Мне сказали, что она Катрин. Мне сказали, что он Зандер, и я поверил этому. Но они могут быть кем угодно».

«Они выглядят как твои дети».

«Это лишь подобие. Возможно, я вижу его потому, что ожидаю его видеть».

«Если они не твои дети, то кто они? Самозванцы?»

«Что, а не кто. Вот правильный вопрос. Что они есть? Разве не странно, что они не реагируют на необычные проявления в доме?»

«Их не видит никто, кроме тебя».

«Может быть, но дело не только в этом. Когда я стучу в их двери, они меня не слышат. Когда я кричу, они не приходят. Как будто их вообще здесь нет. Как будто они существуют только тогда, когда спят в своих постелях, чтобы я их видел. Маленькие дети, маленькие Катрин и Зандер, они реагируют. Они понимают опасность. Они обращаются к

мне за помощью. Они любят меня. Я пытаюсь спасти их, и все время терплю неудачу, но каким-то образом они еще живы».

«Они сгорели в огне».

«Нет, огня не было. Я прогнал поджигателя. Трупов не было. Я найду их снова. Я спасу их. Я клянусь тебе, Элиана».

«Пожалуйста, вернись ко мне. Пожалуйста, дай мне еще один шанс».

«Где дети? Они в порядке?»

Потом я вспомнил, какой сейчас год, и насколько я уже стар, и оборвал себя:

«Это безумие. Прекрати предаваться таким мыслям. Помни, к чему они могут привести».

Все, что бы я ни делал, оканчивалось провалом. Я снова погрузился в пучину самообвинения. Остаток ночи я пытался не думать о том, были ли Катрин и Зандер действительно моими детьми, но плевелы подозрения так просто было не выкорчевать.

— Ты выглядишь усталым, — сказал мне Зандер в обеденном зале на следующее утро. На этот раз за столом были мы все трое.

— Я устал, — согласился я. Это было лишь наполовину ложью. Мои руки и голова были такими тяжелыми от усталости, что я едва мог поднять их.

— Не позволяй слухам лишить тебя сна, — сказала Катрин. — Они того не стоят.

— Каким слухам? — спросил я.

— В городе ходят слухи, что это ты стоишь за убийством советника Вейсс.

— Монфор, — прошептал я. — Это она. Она угрожала так и поступить.

Честно говоря, это было не вполне так. Монфор не просто угрожала, она прямо обвинила меня в убийстве. Но она не могла всерьез считать, что это действительно сделал я. Особенно потому, что было очевидно, что убийство подстроила она.

«Если только она не безумна. Возможно, она действительно не знает, что сделала».

— Значит, пора, — я не сразу понял, что говорю вслух.

— Пора для чего? — насторожилась Катрин.

Она была не согласна с моим намерением убить Монфор, как были не согласны Ривас и Штаваак. Зандер выглядел взволнованным и растерянным, но я мог догадаться, что и он не поддержит меня.

Они не поддержат меня. В этом доме не было единства.

«Если бы они были моими детьми, то поддержали бы меня».

«Прекрати. Прекрати. Прекрати».

— Пора для чего? — снова спросила Катрин.

— Пора что-то предпринять, — ответил я. — И, Трон Святой, хотел бы я знать, что можно сделать.

Я вышел из зала, не дожидаясь новых вопросов. Моя последняя фраза, увы, была правдой. Я не знал, что предпринять против Монфор. Мысль о том, что я мог хотеть смерти Вейсс, должна была показаться смехотворной любому, кто обладал здравым смыслом. Но у Монфор было достаточно власти, чтобы сделать бессильными правду и здравый смысл. Теперь я понимал, как это работает. Понимал, что Вейсс пыталась сказать мне. Под влиянием Монфор находилось слишком много людей. И если она сказала, что что-то является правдой, они будут повторять и повторять ее слова, пока им не поверят и те, кто не служил ей. И если бы Монфор сказала, что у меня две головы, это тоже стало бы правдой.

Я подумал, не примет ли и милиция версию Монфор. Если она успела прикормить достаточно чинов СПО, то, конечно, они примут все, что она скажет. Но свергнуть меня путем ареста будет нелегко, особенно когда Адептус Арбитрес на моей стороне. И это действие может привлечь к Монфор ненужное ей внимание Администратума. Она едва ли сможет и едва ли захочет избавиться от меня таким образом. Но ей и не обязательно это делать. Чем более успешной будет ее кампания по распусканию слухов, тем более трудной станет моя работа.

Я не видел иного способа нанести ответный удар кроме прямых мер. Так я сражался в каждом бою до сих пор. На что-либо иное мне не хватит терпения.

Белзек, ведя машину к Залу Совета, сказала:

— Как бы то ни было, мой лорд, те, кто стоит за этими слухами, должны быть наказаны.

— За этими слухами стоит старший советник Монфор, — ответил я. — Но я думаю, ты и сама об этом догадалась.

— Да, мой лорд. Я надеюсь, скоро вы заставите ее замолчать. Нельзя позволять этим Монфорам очернять имя Штроков.

Я хмыкнул, удивленный внезапным пришедшим в голову откровением. Вот был ответ, откуда взялось то загадочное забвение, окружавшее губернаторов из рода Штроков. Монфоры вели войну против нас с тех пор, как мы оттеснили их от власти. И их мстью было лишить нас доброго имени. Они распространяли клевету о каждом губернаторе Штроке. Они плели паутину лжи, и использовали свое влияние, чтобы сделать эту ложь реальностью, и хоронили под этим нагромождением лжи наше доброе имя.

— Больше всего я хотел бы заставить ее замолчать, — сказал я. — Всем сердцем желал бы этого. Но в таких делах я не могу действовать по желанию сердца.

Несколько мгновений Белзек молчала. И когда она снова заговорила, я понял, что она очень обдуманно выбирала слова.

— Мой лорд, вы далеко не одиноки в своей враждебности к Монфорам.

— Рад это слышать.

— Несмотря на всю их власть, они контролируют далеко не каждый аспект... теневой жизни Солуса. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Думаю, да, — кивнул я. — Продолжай.

— Есть некоторые знакомые моих знакомых, которые способны и готовы выполнять... деликатные поручения.

— И насколько широк спектр... этих поручений, которые они готовы выполнять?

— Весьма широк. Я надеюсь, вы не возражаете, что я упомянула об этом, мой лорд.

— Напротив, я очень ценю это.

Размышляя, я посмотрел в окно. Машина медленно ехала по многолюдным улицам Вальгааста, направляясь к центру города. День был холодным. Начал идти снег.

Как ни хотел я смерти Монфор, все же я не забывал о предупреждении Риваса. Я напомнил себе, что мой долг — восстановить честь Солуса, а не вести семейную вендетту. Приказав убить Вет Монфор, даже если убийство будет успешным, я предаю этот долг.

— Увы, я не могу попросить о том, чего мне хотелось бы больше всего, — вздохнул я. Но была другая возможность, которой не следовало пренебрегать. — Среди этих знакомых ваших знакомых есть те, кто умеет скрытно проникать на хорошо защищенные объекты?

— Да. Я знаю одного человека, который весьма опытен именно в этой сфере.

— Я хотел бы встретиться с ним.

— Разумно ли это, мой лорд? Я могла бы действовать как посредник.

— Нет, — ответил я.

Я понимал, на какой риск иду, лично встречаясь с третьим лицом, но мне необходимо было самому попасть в Силлинг. Вор не знал бы, что нужно искать, потому этого не знал и я. Но я был уверен, что как только увижу это, то узнаю.

— Устрой нам встречу, — сказал я. — Я приду туда лично.

Силлинг не был изолирован от остальной части города, как Мальвейль. Но защищен он был от этого не слабее.

Резиденции многих советников располагались к югу от центра города. Дом Монфоров находился еще южнее. Их крепость — а это была именно крепость — стояла посреди самого бедного и грязного района Вальгааста. В том районе находили приют бандиты, изгои и прочие нежелательные элементы. Дома там были грязными, обшарпанными и перенаселенными. Некоторые из них были выпотрошены пожарами, но их обгорелые руины предоставляли какое-то убежище от ветров и дождей самым отчаявшимся из граждан Вальгааста.

В ту ночь я взял с собой лазерный пистолет. Я не собирался использовать его в Силлинге, но он вполне мог пригодиться на улицах по пути к резиденции Монфоров.

Территория их поместья была окружена стеной, достигавшей пятнадцать футов в высоту. Ворота являли собой непреодолимый железный барьер, и хорошо охранялись. С улицы сам дом было невозможно разглядеть.

Я встретился с вором в одном квартале от Силлинга, в подъезде одного из выгоревших домов. Ветер завывал в пустых окнах и пронзительно свистел в дверном проеме.

Вор был стариком. Он называл себя Тервин. Его лицо пересекали глубокие морщины, но двигался он с гибкой ловкостью, вопреки возрасту, и взгляд его был острым. Он приветствовал меня кивком и усмешкой, не раболепствуя перед моим статусом. Он просто принял меня как равного партнера по делу.

— Значит, Силлинг, — сказал он. — Вот и вершина карьеры. Давно подумывал...

— Почему же не наведалься туда раньше?

— Нужен был стимул для такого опасного дела. Слишком рискованно лезть туда просто так, надеясь найти, что смогу, — он покачал головой. — Недостаточная причина, чтобы злить Монфоров.

— Мне говорили, ты не питаешь к ним особой любви.

Он фыркнул.

— Жадные ханжи. Все хотят подгрести под себя. На тех, кто им не подчиняется, направляют милицию. Нечестная игра.

Я почувствовал, что тут скрыто нечто большее, чем дело принципа. За его усмешкой был заметен гнев.

— Похоже, у тебя личные счеты к Монфорам.

Помедлив немного, он пожал плечами.

— Хоть и так. Когда-то у меня была семья. Я пытался играть по правилам Монфоров. Но их десятина стала непомерной. Мы начали голодать. Я попытался немного... подработать на стороне.

— И они тебя наказали.

— Они наказали мою семью, которая даже не знала об этом. Был пожар. Просто

«несчастный случай».

— Со мной тоже был похожий «несчастный случай».

— Значит, мы понимаем друг друга. Хорошо.

Мы вышли из подъезда. Шел мокрый снег, и улица была покрыта слоем почерневшей от грязи снеговой каши толщиной в дюйм. Ворота находились в северной стороне стены, и Тервин повел меня к западной. Мы были на улице одни. Здания по обеим сторонам дороги являли собой заброшенные руины. Освещения нигде не было. Свет исходил лишь от полумесяца Люктуса, проглядывавшего в тучах. Во мраке, едва освещенным тусклым янтарным светом луны, нам приходилось двигаться осторожно. Стена маячила в темноте огромной черной массой рядом с нами.

Тервин остановился, пройдя примерно три четверти пути к юго-западному углу. Убедившись, что мы на улице одни, он снял ящик, который нес на спине.

— Тут надо не зевать, — сказал он. — В этом месте между патрулями бывает свободный промежуток, но ненадолго.

— Было бы глупо со стороны Монфоров оставлять его надолго.

— А ваше поместье охраняется?

— Практически нет. Не возникало необходимости.

— Да уж, — кивнул он. — Никто не станет просто так лезть в Мальвейль.

— Почему?

— Точно не знаю. Никогда не слышал, чтобы кто-то пытался туда залезть. С Силлингом понятно почему — кто захочет связываться с Монфорами.

— Например я.

Тервин усмехнулся.

— Вот видите. Для этого надо быть не меньше чем лордом-губернатором.

Из ящика он достал нечто, похожее на оружие. Оно выглядело как арбалет с очень большим магазином. Прицелившись в стену, Тервин нажал спусковой крючок. Из арбалета вылетели два болта, за каждым тянулся монофиламентный шнур. Из магазина за ними потянулись тонкие полосы из гибкой пластали. Болты врезались в стену, и перед нами повисла почти невидимая лестница.

Тервин начал подниматься по ней.

— Держитесь за ступеньки, не за монопить, — предупредил он.

Я так и сделал, предпочитая сохранить все пальцы.

Прицел Тервина, несмотря на темноту, оказался точным. Болты попали очень близко к самому верху стены. Когда мы влезли наверх, Тервин подтянул лестницу и перекинул ее на другую сторону стены. Мы спустились, оказавшись во мраке посреди владений Монфоров.

Перед нами возвышалась громада Силлинга. Это был величественный дворец, в центральной части которого стояла железная башня, поднимавшаяся в ночное небо на высоту более пятидесяти футов.

Тервин задержался, чтобы перезарядить арбалет.

— Вы бывали здесь раньше? — спросил он.

— Никогда. А ты?

— Тоже нет, — он кивнул на фасад. — А они не страдают от лишней скромности.

Фасад дворца сверкал от изобилия позолоченных скульптур, сиявших в свете окон первого этажа. Над парадным входом гордо распростерла крылья гигантская аквила, размах ее крыльев достигал почти половины длины Силлинга.

Территория поместья была украшена множеством статуй, соперничавших в роскоши со скульптурами самого дворца. Даже в ночной темноте я видел, что все они изображают воплощение веры Монфоров. Веры, где показное святошество и кричащая роскошь значат больше, чем религиозное чувство. Монфоры даже из благочестия сумели сделать порок. Было что-то непристойное в изображенных подробностях страданий мучеников или в божественном героизме святых. Все статуи были богато украшены золотом и драгоценными камнями.

— Ты назвал их ханжами, — сказал я, — и был абсолютно прав.

— С вами приятно работать, лорд-губернатор.

Он повел меня к юго-западному углу резиденции. Из окон в той стороне было меньше света.

— Итак, — прошептал он. — Мы здесь. Куда именно вы хотели бы попасть?

— Туда, где они могут хранить свои секреты.

Я знал, что Тервин снова усмехается, глядя на меня в темноте.

— Дом большой, — сказал он. — Искать можно много где.

Он имел основания усмехаться. Одно дело — влезть сюда с целью кражи. Вор мог проявить гибкость, быстро схватив те ценности, которые попались под руку. Я же искал нечто, что было одновременно и куда более специфичным, и куда менее конкретным.

И все же я сказал:

— Я знаю, откуда нам стоит начать.

Чтобы понять это, было достаточно одного взгляда на Силлинг.

Мы направимся в башню. Она представляла собой тонкий шпиль. Лестница внутри нее, должно быть, являлась узкой спиралью. На вершине шпиля могла находиться лишь одна небольшая комната, окна которой выходили во все стороны. Я вообразил, что, когда эта комната была освещена, ее окна, словно злые горящие глаза, алчно взирали на Вальгааст.

— Можешь провести нас туда? — спросил я.

— Могу. Но путь будет головокружительным.

— Я так и подумал.

Когда мы подошли ближе к дому, откуда-то изнутри послышался вопль. Я вздрогнул. Тервин взял меня за руку, чтобы удержать на месте.

— Мы не можем это игнорировать, — прошептал я.

— Это не то, что вы думаете.

— Что ты имеешь в виду?

— Жертве заплачено.

— За что?

— За то, чтобы она была жертвой.

Тервин, должно быть, почувствовал мой взгляд, и потянул меня за руку. Я вырвался и подкрался к одному из освещенных окон.

— То, что они продают свое тело, еще не означает, что они согласны на то, чтобы их пытали, — сказал я.

— Это согласны. Советник Монфор и ее семья платят хорошо, очень хорошо. Я знаю. Я видел раны, и пытался привлечь пострадавших к работе против Монфоров. Но никто из них не согласился. Они не дураки, эти Монфоры. Они знают, насколько далеко могут зайти. Особенно, когда можно зайти очень далеко.

Я не стал подходить к окну вплотную, глядя в него под углом. Комната была так ярко

освещена, что меня невозможно было разглядеть из окна. Кроме того, все в комнате были слишком заняты, чтобы смотреть в окно. Я видел лишь часть того, что там происходило, но и этого было более чем достаточно. Я видел колышущуюся картину извивающихся, переплетенных тел. Я видел пыточные инструменты и железные сооружения, терзавшие плоть и заставлявшие издавать вопли. И посреди всего этого я видел Вет Монфор, повелительницу этого извращенного карнавала. На мгновение ее лицо повернулось к окну, и я увидел в ее глазах ледяную холодность, полный самоконтроль посреди безудержного разврата.

Тервин был прав. Это был взгляд того, кто точно знает, насколько далеко может зайти.

Тервин снова потянул меня за руку. Сморщившись от отвращения, я отвернулся от окна и последовал за ним. Пытаться вмешиваться в это ради рабов Монфор было более чем бесполезно. В разврате она проявляла столь же тонкую остроту ума, как и в политических интригах.

Тервин остановился у подножия стены особняка. Окна над нами были темными. Из других частей дома доносилось много шума, приглушенного стенами. Этот шум напоминал мне о том жутком веселье, которое слышалось мне в комнате Зандера, хотя и отличался от него. Природу этих отличий было трудно определить. В том, что я слышал здесь, было нечто *упорядоченное*. Это была жестокость, имевшая систему и цель, полностью лишенная хаоса.

Тервин снова выстрелил из арбалета, запустив монопити куда дальше, чтобы мы могли подняться до самой крыши особняка. У крыши были крутые скаты, и нам приходилось идти с большой осторожностью, пробираясь к шпилью.

— На какую дальность стреляет эта твоя штука? — прошептал я.

— Не так далеко, как нам хотелось бы сегодня, — ответил Тервин, снова открыв ящик и перезаряжая магазин. — Сейчас мы поднялись примерно настолько, насколько хватает одной лестницы, а у меня осталось материала еще на две.

— Значит, до вершины башни мы не доберемся.

— Не сразу. Я говорил, что путь будет головокружительным. Мы можем пойти в обход.

— Нет, не можем.

— Ладно. На этот раз первым пойдете вы.

Он снова выстрелил, и мы стали взбираться по башне, преодолев примерно треть пути. В нескольких ступеньках от конца лестницы Тервин продел руку в ступеньки, крепко за них держась, и выстрелил еще раз. Болты со свистом пролетели мимо меня и попали в стену башни, нижний конец новой лестницы повис на расстоянии вытянутой руки от верхнего конца прежней.

Впечатленный точностью прицела Тервина, я стал подниматься дальше. Когда мы добрались до верхнего конца новой лестницы, он задержался, чтобы подобрать и свернуть старую. Крюки арбалета зацепили монопити, и Тервин, вращая механизм, свернул лестницу и снова зарядил ее в арбалет.

Я, глядя вниз, наблюдал за этой процедурой, стараясь не думать о том, как мы будем спускаться. Когда земля перед глазами поплыла, я заставил себя отвести взгляд.

Мы поднялись еще выше, и Тервин повторил процедуру, снова свернув нижнюю лестницу. То, что выполнять такую работу на качающейся лестнице было крайне неудобно, казалось, его не беспокоило. Его движения были уверенны, вор не сомневался, что сумеет не упасть. Я был далеко не так в этом уверен.

Мы продолжали подниматься на башню. Я сосредоточился на непосредственной задаче,

преодолевая ступеньку за ступенькой. Моя левая рука — живая — болела от напряжения, а аугметическая правая, хоть и не уставала, но недостаток чувствительности в ней все время заставлял сомневаться, схватился ли я за ступеньку. Наконец мы добрались до окна на вершине башни. Подоконник оказался достаточно широким, чтобы мы вдвоем смогли забраться на него и укрыться в арке оконной ниши.

Окно было сделано из прозрачной стеклостали. Тервин достал из своего ящика маленький плазменный резак и принялся за работу. Процесс разрезания окна шел медленно. Ветер на такой высоте был силен, и хотя он дул с севера, и мы были укрыты от полной его силы, его порывы то и дело пытались сбросить нас с подоконника. Я схватился за его край, и пальцы моей левой руки постепенно немели. Тервин спокойно продолжал работать, прорезая в окне отверстие достаточно широкое, чтобы мы могли пролезть в него по очереди.

Наконец он выключил резак.

— Готов? — спросил он. Прежде чем я успел ответить, он ударом ноги выбил окно. Центральная часть окна упала в комнату с таким грохотом, что, казалось, он был слышен во всем Вальгаасте.

— Они не услышат, — сказал Тервин. — Слишком шумят внизу.

Комната, в которой мы оказались, представляла собой круглый кабинет. Перед каждым из окон стоял бронзовый письменный стол, так что владелец кабинета мог выбирать вид из любого окна. Центр комнаты занимал трон на механической платформе. Стены между окнами были заняты полками, заполненными пергаментными свитками и книгами в кожаных переплетах.

Когда мы оказались внутри, я почувствовал, чем пахнет это место. Старое зловоние перемешивалось с новым, впиталось в стены и пол, и явно все время обновлялось. Это был запах пота, секса, боли. Запах крови, старой и новой, тоже ощущался здесь. Это был смрад упадка и растленности. Я сморщился от отвращения при мысли о том, что это зловоние было так сильно здесь, в комнате, явно предназначенной для наблюдений. И подумал о том, какие ужасные формы могли принимать эти наблюдения.

Далеко снизу доносилось омерзительное эхо воплей развлечений Монфоров.

— Надо было направить сюда Инквизицию, — прошептал я.

— От этого не было бы толку, — возразил Тервин. — Вам не первому пришла в голову такая мысль. Как я и говорил, Монфоры знают, что делают и как далеко могут зайти.

— Но такие бесчинства...

Он покачал головой.

— Нет. Люди, с которыми я говорил — которым было заплачено за участие в этом — дают об этом иное представление. Это не бесчинства, а своего рода *наказание*.

Тервин казался одновременно впечатленным и испытывавшим отвращение.

Он достал фонарь и включил его, стараясь не светить в окна.

— Ну? — сказал он. — Искать то, что нужно, придется вам, лорд-губернатор.

Утвердительно хмыкнув, я медленно обошел темную комнату. На письменных столах были разбросаны документы, но быстрый взгляд на них показал, что, хотя в них могли содержаться сведения о злоупотреблениях, они все же были не настолько ценны, чтобы оправдать риск, на который мы шли. То, что я видел на полках, также не выглядело многообещающе. Моя цель была слишком туманной.

— Не думаю, что то, что я ищу, будет оставлено на виду, даже здесь, — сказал я наконец, бросив взгляд на маленькую дверь в западной стене кабинета. Через нее мы могли

спуститься в другие части особняка. Но такой долгий и крупномасштабный поиск неминуемо обречен на неудачу.

Тервин тем временем изучал переключатели на подлокотниках трона.

— Эти поворачивают влево и вправо, так-так, — прошептал он. — Ну а эти? Для чего они?

Он сосредоточил внимание на маленьких переключателях на нижней стороне подлокотников. Включил их сначала по очереди, потом одновременно. Попытавшись еще минуту, он наконец подобрал правильную комбинацию. Со скрежетом металла платформа трона поднялась, вытянувшись в железную колонну диаметром около пяти футов. Тесный дверной проем в колонне вел на узкую лестницу, спускавшуюся в тайник под кабинетом.

Тервин передал мне фонарь.

— Полагаю, что бы вы там ни нашли, мне для моей же пользы лучше об этом не знать. Но если вы найдете что-то, что могло бы пригодиться обычному вору...

— Я непременно это заберу, — пообещал я.

Я спустился во мрак. Потолок был таким низким, что мне пришлось согнуться. Со всех сторон стояли дубовые шкафы. Я начал открывать их в случайном порядке. Некоторые из документов, оказавшихся внутри, были старыми, такими же старыми, как записи, которые я видел во Дворце Администратума. Другие были более новыми. Но все они были написаны шифром. Я выругался.

Я стал рыться в шкафах быстрее, бегло просматривая найденные документы. Все они были написаны от руки, в разное время, разными людьми, и все зашифрованы. Единственные записи, которые не были зашифрованы, на первый взгляд казались бесполезными для меня. Это были копии документов, относившихся к заседаниям Совета. Они касались разных тем, и сами по себе не выглядели подозрительно. Лишь просмотрев около дюжины из них, я начал понимать, в чем тут дело. Все эти документы имели отношение к деятельности губернаторов из рода Штроков. Я видел имена, которых никогда не знал, имена моих предков, полностью забытых историей.

Забытых всеми, кроме Монфоров. Лишь наши враги, казалось, проявляли должную заботу о том, чтобы сохранить нашу историю.

Я прошел дальше вглубь тайника и за последним из шкафов обнаружил длинный сундук из пласта с тяжелым замком. Поднявшись по лестнице обратно в кабинет, я взял у Тервина плазменный резак, и вернулся к сундуку. Ярко вспыхнувшая плазма ослепила меня, но я быстро справился с замком. Подождав, пока смогу снова нормально видеть в свете фонаря, я открыл сундук.

Внутри оказался портрет. Очень древний. На рамке было выгравировано имя: Деврис Штрок.

Человек на портрете был одет в роскошные одеяния синего, фиолетового, зеленого и красного цветов. Это не были одежды планетарного губернатора. Сначала я подумал, что портрет был написан до его прихода к власти. Но потом я увидел, что он держит губернаторский скипетр в одной руке и меч в другой, словно объявляя о своем титуле — или о титуле, который скоро будет принадлежать ему.

Несомненно, это был Штрок. Острый, слегка удлиненный нос. Прищуренные глаза. Высокий массивный лоб. Даже спустя много столетий черты лица нашего рода были легко узнаваемы. В его взгляде виднелось высокомерие, которое мне совсем не понравилось. А еще в нем были заметны вызывающая дерзость и алчность, которые, как я отчаянно хотел

верить, не были доминирующими чертами нашего рода.

Но не это было главным. Не выражение его лица поразило меня с силой физического удара, заставив пошатнуться и в то же время не отрывать взгляд от портрета.

Девриса окружали странные руны, расползаясь вверх и вниз по краям портрета. Они извивались и переплетались одна с другой, словно змеи или насекомые, хотя были несравненно более отвратительными. Я не знал, что они значат. Но понимал, что они ужасны, нечестивы. Хотя они были лишь изображениями, они были преисполнены скверны. Такие искажения линий просто не могли существовать. И все же они были здесь — ересь столь чудовищная, что я и представить не мог, что такое возможно. Один лишь взгляд на них причинял боль. Их иллюзия движения будто когтями вцеплялась в мою душу. Даже просто смотреть на них было опасно. Незнание не могло надолго защитить меня.

Самая крупная и ужасная руна представляла собой восьмиконечную звезду. Простая по сравнению с другими рунами, она каким-то страшным образом казалась знакомой. Хотя я никогда не видел ее раньше, она будто шептала мне, пытаясь вызвать на поверхность невероятные мысли, чувства и желания из самых темных глубин моей души. Она знала меня лучше, чем я знал себя сам. Она могла бы показать мне такие чудеса, если бы я только поддался ей...

Ужас стал моим спасением. Он заставил меня мертвой хваткой держаться за мою веру.

Звезда занимала большую часть портрета в ширину. Она находилась, казалось, позади Девриса, будто стоявшего на ее фоне, хотя круг, охватывавший лучи звезды, словно опоясывал его.

Хотя портрет был очень древним, восьмиконечная звезда блестела. Я знал, что если прикоснусь к ней, то буду осквернен.

Застонав от усилия, я все же оторвал взгляд от портрета и захлопнул крышку сундука. Тяжело дыша, я оперся о дверцу шкафа. Слова, которая написала Элиана, разъедали мой разум, словно кислота, словно раковая опухоль.

Пакт.

Пакт.

Пакт.

Здесь были вещи, которых я не понимал — и не должен был понимать. Были и другие вещи, менее опасные, но мучительно болезненные, которые я должен был принять.

Тервин, похоже, ошибался. Как минимум один раз Мальвейль все же был ограблен. Я ни на мгновение не сомневался, что этот портрет заказал сам Деврис. Портрет буквально излучал гордыню наихудшего рода. И каким-то образом Монфоры смогли заполучить его.

«Почему они его не использовали?»

Потенциал для шантажа был просто невероятным. Я содрогнулся при мысли о том, что могло бы случиться, если бы этот богохульный портрет попал в руки Инквизиции.

Значили ли после Девриса хоть что-то все добродетели, благочестие и чувство долга, которые были характерными чертами дома Штроков?

«Может быть, и значили».

Может быть, непоколебимая вера моей семьи стала неосознанным усилием искупить преступление, о котором мы не помнили, но от которого продолжали получать выгоду.

Пакт. Я понял, к какому выводу пришла Элиана. Я понял, почему она так страдала, и почему ее страдания не прекратились после смерти. Деврис заключил сделку с силами, непостижимыми для меня, но я осознавал, что они были более чем нечестивы. Он получил

от этой сделки невероятные богатства в недрах под Мальвейлем, и через них — власть над планетой.

«Что он отдал взамен?»

Свою верность, судя по портрету. Но что означала его верность? Какова была цена?

«Нет прямых наследников. Начнем с этого».

Ужас за моих детей угрожал задушить меня. Может быть, он был и причиной страданий Элианы? Значит, я должен помочь ей не просто обрести покой. Она нуждалась в спасении. Мы все нуждались. Нам нужно было спастись от того, что сделал Деврис.

Я не знал, как нас можно спасти. Может быть, Элиана знала? И пыталась указать мне путь к спасению, как могла?

Вместе мы сможем спасти нашу семью.

Я цеплялся за эту надежду. Она была слабой и хрупкой. Но ее было достаточно, чтобы дать мне силу бороться дальше.

Я посмотрел на сундук. Мне было страшно открывать его, но я не мог просто так оставить здесь этот портрет. И не только потому, что он представлял опасность для моей семьи в руках Вет Монфор. Это была нечестивая, богохульная вещь. Ей нельзя было позволить существовать.

Собравшись с духом, я подошел к сундуку. Сейчас он, казалось, излучал холод. Сундук сам по себе был осквернен, запятнан нечестивостью того зла, которое в нем хранилось. Заставив себя не медлить, я отбросил крышку, включил плазменный резак и направил его луч на портрет.

Луч отключился. Я попытался включить его снова. Ничего не произошло. Резак отказывался включаться.

Я захлопнул крышку сундука, прежде чем портрет снова приковал мой взгляд и начал вгрызаться в мою душу. Я бросился назад к лестнице, натыкаясь на шкафы. Тайник словно смыкался вокруг меня. Паук в его центре хотел затянуть меня назад.

Я выскочил по ступенькам вверх, снова оказавшись в кабинете. Царившее здесь зловоние показалось мне почти банальным по сравнению с тем, что я видел.

— Ну как, нашлось что-то...? — начал Тервин. Но потом он увидел мое лицо.

— Надо уходить, — сказал он.

Мы бросились бежать.

Головокружительный спуск с башни показался мне ничем. Я просто падал и падал дальше.

ГЛАВА 15

Я больше никогда не покину этот дом.

Это не мое решение. Это факт. Дом стал моей тюрьмой. В последний раз Мальвейль позволил мне покинуть его пределы. Больше он меня не выпустит.

Раньше я пыталась выйти еще раз. Я не хотела выходить. Несмотря на то, что дом хотел, чтобы я чувствовала себя больной, мысль о том, чтобы покинуть его, была

невыносимой. Но именно поэтому я знала, что должна попытаться еще раз. Мой ужас перед внешним миром может быть не моим. Я не знаю, какие из моих мыслей действительно мои, а какие принадлежат дому.

Даже этот дневник. Сколько ни шептала я себе, все равно я нахожу в нем другие слова, и не помню, чтобы их писала. Как мало осталось того, что действительно мое.

Я была в библиотеке, сидела в кресле и смотрела в окно. Для пленницы я прекрасно обеспечена комфортом. Но все равно я ненавижу свою тюрьму. И я поклялась выйти на улицу по своей воле, а не по воле дома.

Я подошла к двери и позвала Кароффа. Он не пришел. Я заглянула в обеденный зал, пытаясь найти кого-то из слуг. Я слышала, как они работали в доме. Я хотела, чтобы кто-то был со мной. Я надеялась, что это придаст мне сил выйти из дома.

Я не могла найти их. Их далекие голоса были ложью. Я не верю, что слуги действительно здесь. Они тоже покинули меня. Они лишь притворяются, что по-прежнему здесь.

Я одна. Наверное, в действительности, я всегда была одна.

Я открыла дверь и встала на пороге. Я не могла идти дальше. Я попыталась поднять ногу и сделать хотя бы один шаг. Но не смогла. Слово адамантиевые цепи удерживали меня на месте.

День был ветреным. Мертвые деревья у дома раскачивались, словно кивая мне. Они будто издевались надо мной.

Среди деревьев и внизу на холме были видны силуэты. Они были смутными, едва различимыми. Те, что среди деревьев, не двигались, скрываясь за стволами. Они смотрели на меня. Они были серыми и пустыми. Их глаза были темными, но если бы я подошла достаточно близко, чтобы посмотреть в их глаза, то смотрела бы в глазницы пустых черепов. Они были лишь пустыми оболочками, были здесь, но не здесь, ходячая ложь, как и слуги в доме.

Или, может быть, нет. Возможно, они были более реальны. Возможно, они и были правдой. Слуги лишь хотели, чтобы я думала, будто они в доме.

Силуэты на дороге к дому было труднее разглядеть. Они бесцельно двигались туда-сюда, туда-сюда. Они были здесь в ловушке, как и я.

Ветер становился сильнее. Мне хотелось вернуться в дом. Дом победил. Я сдалась. Я больше не хотела видеть эти силуэты.

Мальвейль не отпустил меня. Он преподавал мне урок. Я должна была быть наказана за свое непослушание. Я до ужаса боялась в завываниях ветра услышать голос. Мне нужно было закрыть дверь, прежде чем ветер начал говорить.

Я не могла зажать уши. Я не могла закрыть глаза.

Краем глаза я заметила движение. Я смотрела прямо вперед. Я не должна была поворачивать голову. Я не должна была видеть.

Ветер обрел голос. Он дул из-под земли. Из открытых пастей шахт. Они были гигантскими ртами чего-то чудовищно огромного.

Я слышала первые ноты ужасного хора.

Я завопила. Завопила, чтобы заглушить эти голоса. Я не могла их заглушить, но Мальвейль, наверное, был удовлетворен моим ужасом. Он отпустил меня, и наконец я смогла зажмурить глаза, и смогла снова двигаться. Я бросилась в дом и захлопнула дверь.

Какое-то время я стояла, дрожа, в вестибюле. Голоса скреблись в дверь. Когда я пошла

в обеденный зал, они последовали за мной, пытаясь прорваться в окна. Оконные рамы задрожали от их силы, и ужасный хор пел где-то на грани моего слуха. Если бы кто-то был со мной, то слышал бы лишь завывания ветра.

Но со мной никого не было. Никого и никогда.

Я бродила по дому, бесцельно, как те силуэты на холме. Когда я слышала голоса пустых оболочек, притворявшихся слугами, то спешила уйти в другую сторону. Я была сыта по горло иллюзиями и смертельно напугана.

Я шла по комнатам, полным хлама. После всей проделанной работы ни одна груда мусора, казалось, не стала меньше с тех пор, как я впервые пришла в дом.

Конечно, они не стали меньше. Все это было лишь иллюзией.

Но теперь было и нечто иное. Теперь, когда я останавливалась у кучи хлама, я легко находила записи и дневники прежних обитателей дома. Я была пленницей, как и они. Для меня здесь больше не было тайн.

Нет. Это не так. В Мальвейле всегда будут тайны. И сколько бы откровений я не нашла, сколько бы секретов не узнала, еще больше их останется тайной. Я читаю дневники и письма, все эти записи отчаявшихся людей, которые я нашла. Я больше не пытаюсь написать историю семьи. Я живу в ее проклятье. Но я читаю, ибо что еще мне остается делать?

Одна из тайн — это загадочный человек, который пытается поджечь дом. Поколение за поколением губернаторы из рода Штроков видят этого поджигателя, иногда он бывает мужчиной, иногда женщиной. Пожар, который он пытается разжечь, всегда оказывается иллюзией. Он исчезает вместе с поджигателем. Губернаторы чувствуют себя обманутыми им, и никогда не могут разглядеть лицо поджигателя. Они всегда пытаются преследовать его, а он всегда убегает. И его лицо остается тайной. Если кто-то из них и смог узнать, что это за человек, они не написали об этом. По крайней мере, этого нет в том изобилии мрачных записей, которые открыл мне Мальвейль.

Довольно этих ужасных историй. Довольно мучений, насылаемых Мальвейлем. Я должна оборвать ниточки, за которые он меня дергает. Довольно всего этого. Я попытаюсь что-то сделать, чтобы спровоцировать кризис. Я подожду, пока фальшивое присутствие слуг прекратится, и тогда буду действовать.

Я не смогла.

И теперь я тоже видела поджигателя.

Я видела и другое. Худшее.

Я начала отбрасывать свое прошлое несколько дней назад. Теперь пришла пора закончить эту работу. Теперь я понимаю это лучше. Прошлое ужасно. Оно опасно для всего, что мне еще может быть дорого. Я должна похоронить его.

Но это захоронение прошлого может никогда не прекратиться. Оно не желает упокоиться, поднимается из могилы. Его голод вечен.

Перед рассветом я ответила на зов Старой Башни. Я сопротивлялась, как могла. И до конца не понимала, что сопротивляюсь. Бессознательный страх не позволял приблизиться к ней.

Но я пошла. Я спустилась туда.

Я узнала кое-что новое. Оказывается, возможно чувствовать новое предназначение, и испытывать при этом величайшее отчаяние.

Я узнала слишком много.

Я видела.

Я знаю, Мейсон. Я видела, и я знаю.

Это должно быть твоим бременем. Я больше не могу нести его.

Словно издалека я наблюдал, как машинально выполняю дневные дела. Мое тело присутствовало на совете. Мой дух был далеко, запертый в тайнике в шпиле Силлинга. А мой разум метался между ними, мучительно раздумывая о значении того, что я видел, и что может произойти дальше. Сколько еще времени пройдет, прежде чем Вет Монфор обнаружит вскрытое окно и сломанный замок на сундуке? Она догадается, что мои агенты — или я сам — были там. И она поймет, что мне известно о том, что у нее есть.

«И скоро она должна будет действовать. Я бы на ее месте действовал».

«Как действовал?»

Это была единственная причина, по которой я обращал хоть какое-то внимание на то, что происходило на заседании. Я избегал смотреть прямо на Монфор, но старался незаметно наблюдать за ее действиями и действиями ее союзников. Я пытался предугадать их намерения. Я искал знамения, которые помогли бы мне понять, когда и как разразится буря.

Но к концу заседания я знал не больше, чем в начале.

Предпринимались действия, чтобы всячески задержать подготовку отчетов о производстве сельскохозяйственной продукции. Эта сторона войны казалась теперь лишь отвлекающим маневром. Если Монфор уничтожит меня, то кампании против коррупции придет конец. Я не верил, что Зандер продолжит мою борьбу, или что Катрин побудит его бороться. Обещания, которые мы дали друг другу, теперь казались пустыми. Мне все время приходилось подавлять сомнения, что я говорю со своими *настоящими* детьми.

Я был уверен, что Монфор смотрит на нашу схватку таким же образом. Если она борется за сохранение своей криминальной империи, то только ради большей цели — уничтожения Штроков.

Я резко высказался против задержек, хотя едва обращал внимание на свои слова. Монфор в течение всего заседания сохраняла полное спокойствие. Она не выглядела человеком, вынужденным предпринимать опрометчивые действия.

«Я ошибался. Она наверняка узнала, что мы были там — и это ничуть ее не взволновало. Следующий ход за ней, и она это знает».

Когда заседание окончилось, я был преисполнен еще большим ужасом.

Выйдя из Зала Совета, я велел Белзек подождать, и пересек площадь, направляясь к собору. Войдя в собор, я остановился, глядя на огромный неф и величественные своды. Я был один в гигантском пространстве святого места.

«Поговори с Кальвеном. Ты должен. Нельзя больше медлить».

Но я медлил. Император не даровал мне духовной силы, чтобы найти моего друга и поговорить с ним. Я позволил страху убедить меня отложить этот разговор.

«Что он скажет насчет того, что я обнаружил? Он мой друг, но он еще и кардинал Экклезиархии. Я знаю, в чем состоит его долг. В этом не может быть сомнений».

«Значит, подождать. Пусть Монфор поговорит с ним первой. В конце концов, ты заслуживаешь того, что из этого выйдет».

«Если она собирается рассказать ему об этом портрете, почему она не сделала этого раньше?»

«Может быть, время было неподходящее? А теперь, благодаря нашим усилиям, звезды сошлись для нее?»

На самом деле, то, что собиралась делать Монфор, не имело значения. Мой моральный долг требовал, чтобы я пошел в ризницу и поговорил с Ривасом.

Но вместо этого я повернул обратно и снова пересек площадь.

Дневной свет уже померк, когда Белзек проехала в ворота Мальвейля. Дни становились короче, приход зимы все сильнее чувствовался в Вальгаасте.

— Ночь наступает рано, — прошептал я.

Белзек услышала меня, и решила, что я говорю с ней.

— Не так рано, как она наступит через два дня, мой лорд.

— Через два дня?

— Затмение, мой лорд.

— Так скоро, — вздохнул я.

Я слишком долго не был на Солусе, и забыл о затмении. Это было бы невозможно, если бы я не утратил привычки жителя нашего мира. Я бы готовился к этому событию. Затмение наступало, когда Люктус проходил перед нашим солнцем за несколько часов до заката. Луна была такой большой, что полностью закрывала солнечный свет, и ночь наступала рано, с внезапностью клинка палача. Это была крошечная тьма. И после напоминания о затмении она маячила передо мной, словно некий мрачный монумент. Я пообещал себе, что поговорю с Ривасом до начала затмения. Нельзя было смотреть в эту глубокую ночь, когда моя совесть была нечиста.

Я снова увидел Кароффа на улице, он опять стоял у входа в шахту, на этот раз в другую. Он был таким же безмолвным и неподвижным, как и раньше, не замечая холодного дождя. Мы проехали и мимо нескольких других слуг, тоже стоявших неподвижно. В сумерках их было трудно разглядеть. Дважды я хотел обратить внимание Белзек на них, но оба раза их силуэты исчезали, прежде чем я успевал произнести хоть что-то.

Я даже видел маленьких Зандера и Катрин. Они тоже замерли неподвижно, но повернули к нам головы. Они стояли на упавшей стреле крана. Я ощутил тревогу за них. Они так легко могли упасть оттуда и разбиться. Я снова чувствовал, что подвел их.

Мы проехали мимо, и мои дети исчезли в серых сумерках. Я с трудом напоминал себе, что они не настоящие.

Сомнения были сильны. Я вдруг подумал, не является ли попытка представить их как призраков, а не настоящих детей, нуждающихся в моей помощи, частью коварного плана взрослых самозванцев.

По крайней мере, я был готов к появлению Кароффа в доме, и не удивился, когда он открыл мне дверь.

— Мои дети вернулись? — спросил я его. Я решил, что этот Карофф настоящий. Он выглядел достаточно реальным, и ответил мне, когда я обратился к нему.

— Еще нет, мой лорд. Они предупредили, что вернуться поздно.

— Они не сказали почему?

— У вашей дочери служебные обязанности в Схоле Прогениум, которые задерживают ее. А ваш сын сказал, что у него встреча с друзьями.

— Понятно.

Причины выглядели вполне правдоподобными.

«Слишком правдоподобными. Они избегают тебя».

Я поблагодарил Кароффа и прошел в обеденный зал. Слуги уже сервировали мне ужин. Я сел за стол, который с каждым разом казался все более длинным и пустым. Стук ножа и вилки по тарелкам был едва слышным, словно звук камешка, падающего в глубокий колодец. Я размышлял. И у моих мыслей не было недостатка в мрачных темах. Я думал о Вет Монфор. А теперь, когда я вернулся в Мальвейль, мои мысли все больше занимал дневник Элианы. То, что приходилось испытывать мне и ей, становилось все более схожим. Она видела в этом доме лишь тьму. Я должен был признать, что здесь действительно была опасность. Притворяться, что это не так, было бы фатальным.

Откровения, которые я узнал в Силлинге, возложили на меня новое бремя. Я должен бороться, чтобы очистить мой род от преступления Девриса.

«Как? Как ты сможешь стереть тень того, что он сделал?»

Я ел, но не чувствовал вкуса. Я даже не заметил, как слуги убрали со стола. И лишь смутно запомнил, что Карофф пожелал мне доброй ночи. Какое-то время я был в доме один, когда, наконец, встал из-за стола и обратил внимание на то, что меня окружало.

Я знал, что должен делать. Дневник Элианы снова подсказал мне. Хотя в тех записях, что я сумел разобрать, была лишь тьма, из них можно было извлечь уроки. Я должен был исполнить свой долг. Это могло привести к спасению.

Элиана осознала, что избегает Старой Башни. Я тоже избегал ее, лишь один раз ненадолго заглянув в ее дверь. В Старой Башне были свалены самые невероятные кучи старых вещей. Слуги приводили в порядок комнаты на первом этаже и в западном крыле второго этажа. Они тоже избегали Старой Башни. Я был так же уверен в этом, как был уверен, что сейчас ночь. Душа отворачивалась прочь от Старой Башни. Разум пытался притворяться, что ее не существует.

Я понял, что именно это я и делаю, и понимание этого помогло отринуть дальнейшие поводы избегать ее.

Я направился к башне, зажигая по пути все канделябры и люмены. Там, где мог быть свет, я зажигал его. Он был желанным союзником. Но это был слабый союзник. Когда я дошел до двери в Старую Башню, тени вокруг тянулись ко мне, и, словно волны, захлестывали порог. Они упорно не хотели уходить.

Я погрузился в тени и открыл дверь. Внутри меня ждал тот же застывший вихрь из хлама. Я нес с собой фонарь, и когда включил его, его луч показался очень маленьким и узким, всего лишь осколком света. Но теперь я мог видеть в темноте лучше, чем раньше. И здесь не было окон. Не было разницы, прийти сюда днем или ночью. Это был дом тьмы.

Элиана спускалась вниз. Я тоже должен был спуститься.

Я шагал вниз по ступеням, холодный сквозняк изгонял тепло из моего тела. Ступени были закругленными и неровными от времени. Их вид был странным. Я ожидал увидеть углубления в середине каждой ступени, вытопанные за столетия проходившими по ним ногами. Но вместо этого углубления были на одной или другой стороне каждой ступени, иногда на обеих сторонах. Некоторые ступени выглядели так, словно какая-то огромная масса вдавила их с одной стороны, и камнебетон казался оплавленным. Идти приходилось медленно и осторожно. Несколько раз я едва не падал. Поверхность ступеней была скользкой, словно покрытой слизью, хотя на самом деле она была сухой.

Я представлял себе, как падаю и качусь по ступеням вниз и вниз, ломая кости, и изломанный и беспомощный лечу в ожидавшую меня пропасть. Там я буду ожидать смерти,

эхо изуродованных останков Элианы. Меня долго не найдут. Может быть, никогда. Я исчезну, проглоченный Старой Башней и ее тайной.

Что бы ни сделал Деврис, это было сделано здесь.

Спускаясь и останавливаясь на каждой ступени, я направлял луч фонаря на гигантскую грудку хлама. И хотя я двигался медленно, этого было достаточно, чтобы создать иллюзию, будто застывший вихрь мусора медленно вращается, поднимаясь из глубин, словно некий ужасный двигатель, включившийся в сердце Мальвейля. И чем дальше я спускался, тем больше этот вихрь притягивал мой взгляд. Мне пришлось задерживаться еще дольше на каждой ступени и прикладывать усилие, чтобы смотреть, куда я иду. И хотя мой взгляд все время отвлекался на эту грандиозную свалку, оставленную моими предками, я не мог заметить в ней ничего полезного. Элиана писала, что тайны Мальвейля специально попадались ей на глаза. А от меня они прятались.

Вероятно, я спустился на глубину уровня подвалов в более новой части дома, когда заметил движение. Настоящее движение, не иллюзию. Легкое колыхание в сквозняке, которого не могло здесь существовать. Я приблизился, на лбу выступил холодный пот. В куче хлама я увидел красивый узор, ярко-красный на темно-синем. Цвета перьев птицы патаарки.

Головной убор Адрианны Вейсс.

Внезапный порыв ветра всколыхнул перья, едва не сбив меня с ног. Он был сильным и коротким, словно взрыв смеха, а после утих.

Головной убор стоял на перевернутом комодe. Я медленно потянулся к нему, почти ожидая — и надеясь — что он исчезнет, как только я попытаюсь прикоснуться к нему. Прикосновение перьев к моим пальцам было невыразимо нежным и... одиноким. У меня перехватило дыхание. Рыдания застряли в горле, тяжелые и мучительные, словно камень.

Моя рука конвульсивно вцепилась в головной убор, я выхватил его из кучи мусора. Моя ладонь ощутила жесткую корку запекшейся крови.

Вейсс пришла в Мальвейль тогда, когда обещала. Она умерла здесь. Ее убил Мальвейль — или то, что прячется в нем.

Я повернулся и направился вверх по ступеням, подавляя желание броситься бежать. Больше я не испытывал соблазна вглядываться в грудку хлама в поисках тайн, хотя краем глаза видел, что застывший вихрь мусора по-прежнему будто бы крутился. Я шел по ступеням осторожно, но старался шагать как можно быстрее. Тьма внизу, словно разверстая пасть, зияла за моей спиной. Мои лопатки ныли от напряжения, ожидая боли от удара, вцепившихся зубов или чего-то худшего. Выход из башни был так далеко. Слишком долго он словно скрывался за изгибом застывшего вихря мусора, и я не видел его. Я боялся, что останусь здесь навсегда, пойманный и проклятый в этой ужасной спирали.

Наконец я добрался до выхода, и Старая Башня отпустила меня. Она все-таки нанесла свой удар. Я захлопнул дверь, и эхо грохота разнеслось по Мальвейлю, словно звук пушечного выстрела. Теперь я мог бежать, не опасаясь споткнуться, хотя гореть осталась лишь часть свечей, которые я зажег перед тем, как спуститься в Старую Башню. Я бросился сквозь пустоту дома, стремясь попасть в иллюзорную безопасность своей спальни.

Когда я выбежал в вестибюль, в парадные двери кто-то постучал — раздался один тяжелый удар, как будто в двери стукнули большой палкой. Я немного помедлил, тяжело дыша, но потом решил открыть двери.

За дверями был Тервин.

Я был удивлен, что он стучал в двери с такой силой, и был еще больше удивлен вообще видеть его здесь. Я заплатил ему прошлой ночью.

— В чем дело? — спросил я.

— Мне нужна помощь, — сказал он. Его голос был странно лишен всяких эмоций.

— Какая помощь? — спросил я, крепче сжав головной убор Адрианны Вейсс. Я надеялся, что он не попытается шантажировать меня, хотя Белзек предупреждала, что он на это способен.

Но он лишь повторил:

— Мне нужна помощь.

Его голос был почти шепотом, немигающие глаза смотрели прямо на меня. Он трясся, дергаясь туда-сюда, так быстро, что его силуэт казался почти размытым. Его лицо искажали спазмы боли. Ужасная гримаса на мгновение перекосила его черты — и тут же исчезла.

— Покажи мне, — велел я.

Он развернулся и пошел прочь от поместья. Я последовал за ним. Дождь сменился сырым туманом, мгновенно покрывшим ледяной влагой мое лицо. Тервин шел медленно, но я все равно не успевал за ним. Он дергался все сильнее, как будто его одновременно тянули в двух разных направлениях. Я все еще нес с собой фонарь, его луч казался совсем слабым в сырой ночи. Я едва мог разглядеть Тервина в свете фонаря, казалось, он плыл над землей, его шатающиеся беспорядочные шаги несли дальше, чем должны были. Чем больше я пытался догнать его, тем дальше от меня он казался, но при этом не исчезал из вида. Он прошел половину пути вниз с холма, потом свернул с дороги и направился между гигантскими железными скелетами кранов и экскаваторов. Еще раз повернув, он прошел немного вверх по холму. Мне приходилось иногда отрывать взгляд от него, чтобы смотреть себе под ноги, выбирая дорогу среди камней и ржавого металлолома. Тервин остановился в нескольких десятках ярдов от входа в рудник. Я поспешил к нему, но споткнулся и упал. Когда я поднялся, измазавшись в грязи, Тервин уже исчез.

Я продолжал идти. В пещере что-то было. Сначала я разглядел лишь неясный силуэт, мешанину изломанных линий и какую-то массу в ее центре. Я был в нескольких футах, когда луч фонаря упал на труп Тервина.

Он был пронзен огромными каменными остриями, которые появились из стен пещеры и достигали нескольких дюймов толщиной, а в длину были от пола пещеры до ее потолка и от одной стены до другой. Они пронзили Тервина дюжину раз, разорвав его тело. Внутренности висели на каменных клыках над полом пещеры. Его голова была разорвана надвое. Нижняя челюсть оказалась в пяти футах от черепа, повиснув на каменном острие, пронзившем его по диагонали.

То, что я видел, было абсолютно невозможно. Каменные острия выпирали из стен пещеры, как будто вечно были там, а труп словно вырос вокруг них.

Земля была покрыта кровью. Мелкий дождь постепенно размывал ее, и ручейки потекли в пещеру, словно утоляя ее жажду.

Тервин умер только что — и одновременно был здесь всегда. Я не знал, как он мог оказаться здесь. Может быть, он хотел встретиться со мной. Может быть, его заманили сюда. Может быть, он ходил во сне.

То, как он оказался здесь, было неважно. Важно то, что мог сделать Мальвейль. Он мог по своему капризу убить того, кого захочет, а потом показать свою работу мне.

Я не мог вернуться в дом, и направился вниз по холму, замерзая под холодным дождем. Я думал лишь об одном.

«Поговори с Кальвеном. Исповедайся ему. Расскажи ему все — и немедленно».

Глупость моего нежелания рассказать ему все граничила с ересью. Но даже сейчас я не был уверен, не возможно ли решить дело иначе. Элиану нужно было спасти. И я не мог спасти ее один.

Что-то двигалось в темноте вокруг меня. Силуэты были размыты, и исчезали, как только я оборачивался, чтобы посмотреть на них. Вскоре, вернувшись на дорогу, я снова увидел Тервина. Он шел вверх по холму, его испуганные глаза смотрели в направлении места его смерти.

— Мне нужна помощь, — произнес он голосом, лишенным интонаций. — Мне нужна помощь. Мне нужна помощь.

Он прошел немного дальше и исчез. Еще раз он встретился мне недалеко от кордегардии, где жил Карофф.

— Мне нужна помощь. Мне нужна помощь. Мне нужна помощь.

Были видны и другие силуэты, неподвижно стоявшие под дождем. Я снова увидел Кароффа и слуг. Я увидел Катрин и Зандера. Взрослых. Холодные статуи безмолвно смотрели на меня.

«Маски сброшены».

Я остановился у кордегардии. Ее окна были темны. С карнизов капала вода. Я мог разбудить Кароффа и приказать ему вызвать Белзек, чтобы она отвезла меня в собор. Но я не знал, *какой* Карофф откликнется на мой стук. Я не был уверен, что это будет настоящий.

Я не был уверен, *был ли* настоящий Карофф.

Я ушел в ночь, направляясь в долгий путь к Площади Щедрости Императора. Мне предстояло пройти несколько миль. Я уже промок и замерз настолько, что думал, что, наверное, больше никогда не смогу согреться. Холод проник в мою душу. Этот путь пешком был моим наказанием за все, в чем я потерпел неудачу и за всех, кого я подвел.

Я потерял представление о времени. Улицы в заброшенном промышленном районе были пустыми, как всегда. Были они безлюдными и за его пределами. Холод и сырость ночи заставили всех вернуться в дома или искать убежища.

Но я был не один. Призраки Мальвейля были со мной. В тенях дверных проемов, на дальней стороне улиц, во мраке узких переулков, они были здесь, безмолвно наблюдая за мной. Их фигуры были достаточно видны, чтобы я мог разобрать, кто они, но по краям они были размыты, растворяясь в тумане и темноте.

Один раз — лишь один раз — я спросил себя, не являются ли они призраками моего разума. Головной убор Адрианны Вейсс, который я держал в руках, дал мне ответ раз и навсегда. Мальвейль обманывал меня снами и фантазмами, и грань между призраком и реальным человеком была размыта, но я знал, что сейчас я не сплю. И независимо от того,

видел ли кто-то еще эти силуэты на улицах, я знал, что мои страдания не были воображаемыми.

Намокший от дождя головной убор Адрианны висел в моей руке. Я не знал, как Мальвейль убил ее. Возможно, чтобы сделать это, он вытащил кошмар из моего прошлого. Теперь я мог поверить, что этот дом способен почти на все. Даже на это. И постепенно я осознавал жестокое значение убийств Адрианны и Тервина. Мальвейль убил их потому, что они имели отношение ко мне. Их смерти произошли лишь по одной причине. Мальвейль забрал их жизни для того, чтобы причинить боль мне.

«Они знали, почему умерли? Трон Святой, наверное, знали. Это хуже, чем умереть в незнании. Это более жестоко».

Я проклинал Мальвейль. Я проклинал Девриса Штрока и то, что он сделал с нашей семьей. Я стоял на краю бездны отчаяния. Казалось, что нет смысла бороться дальше. Наследие моей семьи было дурной шуткой. Моя миссия на Солусе — тоже не более чем злой иронией. Мой путь искупления был ложью. Грех, лежавший в основе могущества Штроков, был слишком велик, чтобы когда-либо искупить его.

Пока я шел, в моей душе возникло желание покинуть Мальвейль навсегда. Уйти прочь, идти и идти, пока я не найду желанное забвение. Это желание было мучительным, непреодолимым — но недолгим. Пронзив мою душу, оно исчезло. Исчезло лишь по одной причине.

Элиана.

«Я поклялся, что не покину тебя. Я буду верен тебе, любовь моя. Я не оставлю тебя снова. Я спасу тебя».

Мои губы вновь и вновь шептали эту клятву, и наконец я снова увидел Элиану. Она была далеко. Я проходил уже последний отрезок дороги, ведущей к Площади Щедрости Императора, и Элиана появилась в нескольких сотнях ярдов впереди меня, у входа на площадь. Ее силуэт то пропадал, то появлялся снова, тонкий и зыбкий. Она была дальше от меня, чем когда-либо с тех пор, как я начал видеть ее призрак. Если она не сразу простила меня, я не мог ее винить. Но она снова была здесь. У меня был шанс.

Какую бы ненависть я не испытывал к Мальвейлю, он все же вернул мне Элиану, хоть и ненадолго.

Это имело значение. Это было для меня всё. Этим я руководствовался, делая выбор до этой ночи, и так же поступлю и в будущем. Я не искал оправданий этому решению. Это было единственное решение, которое я мог принять, и сейчас оно казалось мне единственной вещью в моей жизни, за которую я не испытывал сожаления.

Когда я вышел на площадь, Элиана исчезла снова. В тумане горя, чувства вины и скорбной надежды я шагал по скользким камням площади к собору. Двери были заперты, но из ниши среди горгулий ко мне подлетел серво-череп. Его зубы щелкали в механическом ритме, пока он выполнял сканирование. Узнав меня, серво-череп испустил бинарный визг, и запирающий механизм открыл двери собора, позволив мне пройти.

В соборе было темно. Лишь несколько тусклых люменов, установленных с промежутками в десять ярдов один от другого, горели вдоль нефы, освещая мраморный пол слабым багровым светом. Освещения было едва достаточно, чтобы я нашел путь к ризнице. Надо мной и по сторонам царила крошечная тьма. Казалось, что я иду по узкому мосту посреди пустоты.

Во тьме что-то шуршало. Тишина превращалась в шипящий шепот. Эхо моих шагов

отдавалось смехом. Щупальца Мальвейля тянулись даже сюда, в это святое место. Я зашагал быстрее, словно надеялся обогнать призраков.

Покои кардинала находились в задней части собора, и соединялись с основным зданием через ризницу. Еще один серво-череп идентифицировал меня и улетел будить Риваса. Я не стал ждать, и застучал в двери ризницы, не столько для того, чтобы мне открыли, сколько чтобы заглушить шепот призраков.

Через несколько минут Ривас открыл двери и пригласил меня в ризницу. Там было тепло и светло, и я благодарно рухнул в кресло, которое Ривас предложил мне. Он сел рядом, взволнованно глядя на меня.

— Что случилось? — спросил он.

— Слишком многое...

Еще дрожа от холода, я рассказал ему все, что произошло со времени нашего последнего разговора. Тени в комнате, казалось, сгустились, но шепота больше не было слышно. На какое-то время я нашел убежище. Но лишь ненадолго. Ужас — и долг сражаться с ним — ждали меня в ночи снаружи.

Когда я завершил свой рассказ, Ривас печально сказал:

— Я же просил, чтобы ты сообщал мне о происходящем.

— Я сообщаю сейчас.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

Я кивнул.

— Были вещи, которые я должен был сначала понять сам, — я посмотрел на своего друга. — Итак? Мою семью уже не спасти?

— Я надеюсь, что это не так. Очень надеюсь. Штроки всегда были оплотом Солуса против Монфоров. Вы воплощаете то, к чему должна стремиться наша знать.

— Могут благие дела искупить то, что сделал Деврис?

— Одни благие дела, увы, нет. Для очищения твоего дома от этой скверны нужно заступничество Императора.

— Это возможно?

— Я хотел бы сказать, что да. Но сначала мне нужно свериться со священными книгами. Нам предстоит бой.

Когда он сказал «нам», я сжал его руку.

— Спасибо, — выдохнул я.

— Ты мой друг, — ответил Ривас. — Мы боремся не только за твою семью, но за душу нашего мира. Если ваш род будет уничтожен, Солус больше никогда не освободится от власти Монфоров.

— Чего я не понимаю, — сказал я, — так это почему нас не уничтожили еще давно. Почему Монфоры не использовали ту картину против нас? Почему Вет Монфор не использовала ее против меня? Если я действительно опасен для нее, почему не уничтожить меня сейчас?

— Она не может использовать ее, — ответил Ривас. — Эта картина — самое неопровержимое доказательство ереси Девриса, но доказательство настолько опасное, что его невозможно использовать. Оно всегда должно быть спрятано. За одно лишь владение такой проклятой вещью Инквизиция может приговорить Монфоров к смерти. Если бы они предъявили эту картину сразу после того, как заполучили ее, это было бы другое дело. Но они так не сделали. Они решили сохранить ее у себя, и для каждого следующего поколения

Монфоров это решение становится все более гибельным. Твой род своими деяниями пытается искупить преступление одного предка. А тайна, которую хранят Монфоры, все больше и больше усугубляет их преступление. Им нужно какое-то другое доказательство.

— Картина стала ловушкой и для нас, и для них.

— Если зло может быть изгнано, ты станешь свободен. Картина тогда станет преступлением одних Монфоров.

— Значит, мы должны готовиться к бою.

— Где твои дети? — спросил Ривас.

— Я точно не знаю. Они должны были вернуться поздно.

— Не настолько поздно. Сейчас уже почти рассвет.

Чтобы прийти сюда, мне понадобилось больше времени, чем казалось.

— Тогда они, наверное, в доме, — сказал я.

— Они должны уйти отсюда. Скажи им, когда увидишься с ними. Они должны уйти и не возвращаться туда.

— Думаю, будет лучше, если ты им это скажешь, — заметил я. — Твои слова будут более весомы.

Я вспомнил реакцию Зандера, когда пытался поговорить с ним об Элиане. И Ривас будет точно знать, говорит он с настоящими детьми или нет.

«А сам Кальвен настоящий?»

«Да. Я больше нигде его не видел. Я только что держал его руку в своей».

— Хорошо, — сказал Ривас. — Я поговорю с ними. А тебе пока лучше остаться здесь. Когда я буду готов, мы сразимся с Мальвейлем вместе.

— Нет. Я должен вернуться.

— Во имя Императора, почему? Я еще раньше просил тебя покинуть Мальвейль. И умоляю не возвращаться туда сейчас.

— Я понимаю. Но ты должен понять, что я должен туда вернуться.

— Я не понимаю.

— Сегодня ночью я снова видел Элиану, — сказал я. — В прошлый раз я покинул ее. Если я не вернусь, то нарушу свою клятву ей.

— Это не Элиана!

— Это она. Она настоящая. Я знаю это всем сердцем. Она такая же настоящая, как и я.

«Она более настоящая, чем все остальное вокруг меня».

— Один день, — умоляюще произнес Ривас. — Дай мне один день.

— Я не могу.

— Ты знаешь, чем рискуешь?

— Думаю, да. Если я погибну, пусть будет так. Да и нет смысла мне прятаться где-то еще. Призраки всегда следуют за мной. Я видел их в городе. Я видел Элиану у моста Кардинала Рейнхардта. Видел ее на площади. Слышал призраков в соборе.

— Что же это за скверна? — в ужасе прошептал Ривас.

— Мы не можем позволить этой скверне длиться. Мы должны уничтожить то, что выпустил Деврис, уничтожить раз и навсегда. Мальвейль захватил душу Элианы и держит ее в некоем роде тюрьмы. Я должен попытаться спасти Элиану и...

Я едва не сказал «и детей», но вовремя остановился. *«Он верит, что мои дети взрослые. Надо сказать ему то, что он поймет».*

— Мое дело не умрет со мной. Катрин и Зандер продолжают его.

«Они же так сказали, не так ли? Если взрослые дети настоящие, то это правда».

— Я не буду никого пускать в дом. Никто не подвергнется опасности кроме меня.

— Как Адрианна и Тервин?

— Они пришли в Мальвейль и умерли там. Я не смогу удержать людей от посещения дома, если не буду там.

Ривас некоторое время размышлял, глядя в пол. Наконец он сказал:

— Вижу, что тебя не отговорить.

— Да.

— Хорошо. Я прикажу отвезти тебя назад.

— Спасибо тебе. За все.

Я не видел призраков на обратном пути. Теперь я чувствовал себя более сильным и решительным. Необходимо было действовать, и я действовал. Я всегда чувствовал себя лучше, когда мог навязать бой врагу. Возможно, призраки ощущали это.

Я не боялся смерти. Неудача, бесчестье, проклятие, гибель тех, кто был доверен моей заботе — этого я боялся.

Когда я снова вошел в Мальвейль, в доме было тихо. Я настороженно поднялся по главной лестнице, ожидая ужасов за каждым углом. Мрак и тишина встретили меня. И больше ничего.

Я не стал останавливаться у комнат Зандера и Катрин. Услышал бы я в них что-то или нет — в обоих случаях это могло быть обманом. Я должен был оставаться сосредоточенным и не позволить дому отвлекать меня от настоящего боя, который состоится завтра. Пусть Ривас подготовится и найдет оружие, которое нужно ему для этой кампании. А я подготовлю поле будущего боя, насколько смогу.

И Элиана будет знать, что я не покинул ее.

Когда я рухнул на кровать, то был в состоянии, настолько вышедшем за пределы обычной усталости, что не знал, как его назвать. Однако я заснул не сразу. Перед моим мысленным взором появилось изувеченное тело Тервина, а рядом с ним труп Адрианны Вейсс, и они взывали о справедливости. Я застонал от ужаса и чувства вины — и на помощь мне пришла Элиана.

Ее образ становился все отчетливее в моем воображении. То, что я увидел ее снова, даже издалека, после того, как в Хранилище Секундус бежал от нее, словно трус — это дало мне надежду, которая была нектаром для моей души, опьяняющим, но мучительным. Радость, горе и тоска по ней слились в одно пылающее чувство. Она вернется ко мне, и на этот раз я смогу искупить свою вину перед ней. Потребность искупить вину была еще сильнее, потому что боль от потери Элианы была такой же сильной, как в первое мгновение, когда я узнал о ее смерти. Я мечтал, что смогу поговорить с ней еще раз и сказать все, что должен был сказать, и попрощаться с ней должным образом. Эта мечта превратилась в кошмар, а кошмар стал частью моей реальности наяву. Но и чудесная надежда тоже стала ее частью. Я снова увижу ее. И эта определенность была чем-то вроде экстаза.

— Я люблю тебя, Элиана, — прошептал я.

Я медленно скользил в небытие. Тоска следовала за мной.

— Я так скучаю по тебе.

Скорбь тоже следовала за мной в сон. И сожаления, не о том, что было не сказано и не сделано, но напротив, о том, что было сказано и сделано, о всех радостях, маленьких и

больших, которых я больше никогда не испытаю. Я мог надеяться освободить Элиану. Я мог надеяться на достойное прощание с ней. Но то, что было потеряно, больше никогда не вернется.

Звук ее смеха. Скептический оттенок ее голоса, когда я говорил что-то глупое. Легкое прикосновение ее руки к моей шее. Веселье в глазах после разделенной шутки.

Все ушло навсегда. Остались лишь воспоминания. Воспоминания, которые были смутными, искаженными, неполными, постепенно забывавшимися. Моя потеря не была однократно случившимся событием. Это был ужасный, мучительный процесс. Смерть Элианы была лишь началом ее потери. Время будет стирать ее образ из моей памяти, пока не останется ничего кроме боли сожалений и полного осознания мучительной, бессмысленной жестокости потери.

— Я хочу, чтобы ты вернулась! — закричал я во сне.

И в этом сне она ответила. Элиана пришла ко мне.

Я повернулся на другой бок — и она была здесь в постели. И здесь была ее улыбка, и здесь были ее глаза. Обещание утешения, ушедшее навсегда.

— О, любовь моя, — прошептал я и заплакал.

— Шшш, — произнесла она. — Все хорошо. Я здесь. Я здесь.

Она погладила мою щеку. Стерла пальцем мои слезы. Я снова заплакал при этом прикосновении. Я так хорошо знал его. Я чувствовал тепло ее кожи. Одна из потерянных радостей вернулась ко мне. Я прошептал ее имя и потянулся к ней.

Она оказалась в моих объятиях, а я — в ее.

Мы поцеловались. Начало поцелуя было преисполнено радостного неверия. Наши губы едва соприкоснулись, словно их прикосновение могло прервать сон и отбросить меня обратно, в холодную реальность скорби. Но Элиана не исчезла. Она поцеловала меня еще сильнее, и я ответил ей тем же.

От неверия мы перешли к нежности, а от нее к страсти.

Слезы лились из моих глаз, и между поцелуями Элиана еще раз улыбнулась и сказала:

— Все хорошо. Я здесь. Я здесь.

Мы обняли друг друга с еще большей страстью.

Широкая улыбка Элианы сияла передо мной.

Слишком широкая.

— Все хорошо. Я здесь. Я здесь.

Вдруг Элиана изменилась. Ее тело стало будто размягчаться и таять. Плоть растекалась тягучей массой, текла, как зыбучий песок, и обрастала чешуей. Рогами. Ее смех звенел, словно лязг ужасных цепей.

Ее ногти стали словно клешни.

Словно шипы.

«Я здесь. Я здесь».

Ее голос стал хриплым. Улыбка все расширялась, разрывая щеки. Плоть сползала с костей и оборачивалась вокруг меня. Волосы ее стали словно паутина, а потом превратились в пленку из плоти, наброшенную мне на голову.

«Я ЗДЕСЬ! Я ЗДЕСЬ!»

Ее рычание оглушило меня, ее зубы вцепились в мои губы, и я закричал. Я отчаянно бился, но утопал в разрастающейся плоти, давился, задыхался. Я вопил и вопил в ужасе, пытаюсь вырваться из сна, освободиться из удушающих объятий плоти.

Наконец я очнулся, крича и рыдая от страха. Я не мог видеть, не потому что волосы-плоть закрывали мои глаза, а потому что глаза были крепко зажмурены. Сейчас я открою их и все будет хорошо, это всего лишь очередной кошмар.

Наконец я решился открыть глаза.

Я успел заметить, как что-то мелькнуло, исчезая обратно в сон — что-то, похожее на огромную клешню.

Это был сон. В моей постели не было Элианы.

Но была кровь. Моя кровь, вытекавшая из порезов на спине и раны в боку, где, казалось, что-то застряло.

На постели там, где лежала Элиана, осталось углубление, а вокруг него корчились и извивались кусочки бледной кожи. Они сворачивались, сжимались, растворялись — и, исчезая, они смеялись пронзительным смехом удовлетворенной страсти.

Мой рот был широко, болезненно открыт. Мой вопль застрял в груди. Я смог издать лишь слабый свист, звук мучительного стыда, разрывавшего меня.

А плоть кошмара смеялась, смеялась и исчезала.

ГЛАВА 17

Прошло какое-то время, прежде чем я смог дышать, и мои вздохи были прерывистыми и болезненными. Я уже не мог плакать. Я стонал, издавая такой звук, словно клешни кошмара вырвали мое сердце из груди. Стон перешел в пронзительный вой, я зажмурил глаза, не желая смотреть на мир вокруг, на следы того, что я сделал. Когда я открыл глаза, они закатились, мой взгляд был абсолютно пустым. Весь мир был чудовищем, на которое я не мог смотреть.

Я вцепился ногтями в свою кожу, оставляя на левой руке длинные царапины, пока не потекла кровь. Стоная от стыда, я терзал себя, словно мог вырвать скверну того, что я сделал.

— Повинуйся, и очищен будешь, — молился я. — В повиновении нет места мысли.

Я стал царапать руку сильнее, и по ней полилась кровь. Если бы в комнате была плеть, я бы бичевал себя, пока не содрал последний дюйм кожи со спины.

— Я не делал этого. Император, сделай так, чтобы я не делал этого...

Нечестивая плоть осталась на моей постели после того, как я проснулся, но в этом и было дело. Я проснулся. Мальвейль атаковал меня во сне. Я поддался нечестивому искушению.

«Это не была Элиана...»

«Но она была такой настоящей...»

«Это не она. Не она. Не она».

Кожа сдиралась под ногтями моих аугметических пальцев. Боль была искуплением, но этой боли было недостаточно.

«Оно было похоже на нее из-за моих воспоминаний о ней. Оно взяло ее из моего разума. Это мой грех, не ее. Ее здесь не было».

Мальвейль пытался заставить меня бояться ее. Пытался разлучить нас. Я должен был видеть в этом надежду. Это нападение должно было придать мне решимости. Оно означало, что я был угрозой, что я действительно мог сделать что-то для Элианы.

И оно почти сработало. Когда я пытался думать об Элиане, все, что я мог представить — как ее тело превращается в бесформенную массу голодной плоти, обволакивавшей меня. Лишь чувство стыда не позволило мне окончательно поддаться ужасу. Мальвейль перестарался. В отчаянии, охватившем меня, был осколок надежды. Я пылал от презрения к себе. Я хотел предать свое тело пламени, очистить свой грех и свою слабость, обратить в пепел мерзость, которой я стал. Я был уверен, что именно этого и хотел Мальвейль. Но моя ненависть к себе не позволила мне окончательно утонуть в кошмаре.

Я должен быть наказан за этот грех. Не она.

Я все еще верил в нее. В то, что смогу спасти ее. Более чем когда-либо, ее спасение станет моим. Единственный способ, которым я смогу смыть с себя этот позор — исполнить мою клятву ей.

Моя левая рука дрожала. Боль пронзала ее от запястья до плеча. Рука превратилась в массу ран, синяков и крови. Мои бедра тоже кровоточили. Мое тело было осквернено. Я думал, что никогда уже не смогу очистить его. Моя душа тоже была изранена.

Но не убита. Война еще не закончена. Я не сдамся. Я сумею победить этот дом.

Я оставался в своей комнате, наблюдая из окна, пока не увидел, как Катрин и Зандер вышли из дома. Я не мог встречаться с ними сейчас. Я не мог доверять им. Я не мог доверять себе. Если они настоящие, то Ривас предупредит их, чтобы они ушли из Мальвейля, и тогда, милостью Императора, они будут в безопасности.

«Как Адрианна? Как Тервин?»

Если они самозванцы, я не хочу иметь дела с их ложью.

Ривас сдержит свое обещание. В этом я не сомневался. Он придет сегодня, и мы сразимся с Мальвейлем. А тем временем я подготовлю поле боя, насколько смогу.

Я оделся, словно собираясь идти на заседание Совета. Длинный мундир губернатора скрыл кровь, просачивавшуюся сквозь мою рубашку. Когда я спустился в вестибюль, там меня ждал Карофф.

— Мне распорядиться, чтобы Белзек отвезла вас к Залу Совета, мой лорд? — спросил он.

— Нет, — сказал я. — Сегодня мне не понадобится ее служба. И твоя тоже. Я хочу остаться один. Все остальные должны покинуть дом.

— До вечера, мой лорд?

— До моих дальнейших распоряжений. Никто не должен входить в Мальвейль, пока я не прикажу.

Старый управляющий нахмурился и обеспокоенно посмотрел на меня.

— Со всем уважением, мой лорд, и с глубокими извинениями, но я очень прошу вас пересмотреть это решение.

— Твои опасения приняты во внимание, Карофф, но мое решение окончательное. Такова моя воля. Пожалуйста, распорядись, чтобы это было выполнено немедленно.

Он не двинулся с места. Должно быть, ему было очень нелегко сопротивляться привычке к немедленному повиновению.

— Я не выполнил бы свой долг перед вами, мой лорд, если бы настоятельно не просил вас передумать. Дело в том, что... — он не сразу подобрал слова, — я полагаю, вам опасно

оставаться здесь.

— Я знаю, — тихо сказал я. — Именно поэтому я хочу, чтобы ты и все остальные ушли из дома.

— Мой лорд, пожалуйста, не требуйте этого от меня. Я видел, что ожидает на этом пути. Я не хочу потерять еще одного лорда Штрока.

«Сколько их ты уже потерял?». Эта мысль поразила меня, вызвав подозрительность. «Не одного Леонеля? Сколько же ты здесь служишь управляющим? Я видел тебя ночью. Или ты ходил по этим залам с самого начала? Ты всегда притворялся, что служишь нам, а был верен лишь Мальвейлю?»

— Я делаю то, что велит долг, — сказал я более твердым голосом. — И от тебя ожидаю того же.

— Во имя этого долга я остаюсь здесь, мой лорд.

Я шагнул к нему.

— Уходи, — сказал я. — Немедленно. Или я буду знать, что ты не тот, за кого себя выдаешь.

Он увидел угрозу насилия в моих глазах и попятился.

— Да, мой лорд.

Я бы выхватил свой меч, если бы он был при мне. Нежелание Кароффа уходить насторожило меня. Я оставался в вестибюле, наблюдая, как слуги уходят, пока не убедился, что все они вышли из дома. После этого я последовал за ними на улицу, чтобы пронаблюдать, как они уходят. Они шли по подъездной аллее и были совсем не похожи на призраков. Они были четко видны в дневном свете, в них не было никакой расплывчатости. Впервые за много дней небо было ясным, и скупые солнечные лучи освещали земли Мальвейля. Все линии окружающего мира казались твердыми — и хрупкими. Нельзя было доверять даже тому, что являлось реальным. Его прочность была иллюзорной, его стабильность — лишь временной.

Слуги, кажется, не были призраками. *Кажется.* Я не мог доверять никому, кто был связан с этим домом. Подождав, пока последние слуги скроются из вида, я вернулся в дом и запер двери.

В своей комнате я взял дневник Элианы, и принес его в библиотеку. Осталось дочитать лишь несколько его страниц, но они были заполнены настолько неразборчивыми безумными каракулями, что на расшифровку последних мыслей Элианы могли уйти многие часы. Однако эта задача казалась мне необходимой частью подготовки к бою. Если на этих страницах можно было найти хоть один намек на природу скверны Мальвейля, я должен был его найти. Я боялся того, что ждало меня в конце дневника. Я боялся этого преддверия к самоубийству Элианы. Но моим долгом было дочитать его до конца.

Я сел у окна и начал вылавливать последние слова моей жены из дебрей безумия.

Я в последний раз обошла Мальвейль. Мне было приказано это сделать? Может быть. Я не знаю. Теперь я не знаю, какие из моих мыслей действительно мои.

Писать мелкими буквами. Эти слишком большие. Писать их вполонину меньше. Еще вполонину. Теперь так? Да. Ужась мысли насколько возможно. Может быть, тогда они будут моими.

Моими ради чего?

Мое наследие. Да. Оно еще есть у меня. Я все же нечто большее, чем лишь приток в

реке проклятия Штроков.

Я ходила по Мальвейлю. Я видела. Я снова была в Старой Башне. О, я действительно видела.

Я хочу, чтобы ты прочитал это, Мейсон. Я надеюсь, что ты это читаешь. Я хочу кое-что рассказать тебе. Ты думаешь, что так много знаешь о долге. Ты считаешь, что есть разница между долгом и рабством? Я уверена, ты так считаешь. Может быть, и есть. Разница между рабом и дураком.

Что насчет судьбы? Ты любил говорить о предназначении Штроков. Их предназначение — их долг. Их долг — их предназначение. Пустые слова и пустые мысли. Лишь жесты. Бессмысленно.

Все бессмысленно.

Нельзя было бросать меня там, где все пусто, где в действительности их нет, и меня нет тоже. Наша плоть скрывает пустоту, и то лишь ненадолго.

Вот что я скажу насчет судьбы, Мейсон. Я знаю, ты читаешь это. Судьба бессмысленна. В этом ее значение. Она уничтожает все надежды и мечты. Ибо они — проклятия, которым мы подвергаем себя, чтобы страдать, пока они горят.

Все бессмысленно. Все тщетно.

Все пусто.

Я ненавижу тебя, Мейсон. Это из-за тебя я узнала то, что узнала. Я проклинаю твою семью. Я проклинаю тебя. Я хочу, чтобы ты погиб. И я добьюсь этого.

Я здесь, с тобой, Мейсон, пока ты читаешь это.

Я вижу тебя. В библиотеке. У окна.

Я за твоей спиной.

Я вскочил с кресла и резко обернулся, дневник выпал из моей руки. Смеркалось. Время пролетело незаметно, пока я разбирал записи Элианы по одному слову. Библиотека погрузилась в сумрак. Но я видел Элиану вполне ясно. Она испускала некое дьявольское сияние. Ее волосы и платье развевались, словно на ветру. Она смотрела прямо на меня. Присутствие призрака ощущалось гораздо сильнее, чем когда-либо. Она ждала именно этого момента. Ждала, чтобы я прочитал все. Чтобы я понял.

Чтобы почувствовал проклятье.

Она протянула обе руки, словно собираясь обнять меня. Но ее руки оканчивались загнутыми когтями. Они собирались разорвать меня. Растерзать мое тело и разбросать клочья по ветру.

«Мейссссон», прошипела Элиана. Ее губы разошлись в злобной усмешке. «Я здесь, Мейсон».

Мои колени подогнулись, когда я услышал те же слова, что она произносила во сне.

«Все хорошо? Нет, здесь никогда не будет все хорошо, Мейсон. Я здесь. Я **ЗДЕСЬ Я ЗДЕЕЕЕССССЬ!**»

Последнее слово превратилось в вопль ярости и голода. Ее рот широко открылся, потом еще шире, еще шире. Рот открылся очень широко, но продолжал открываться. Верхняя челюсть откидывалась назад, словно на петлях, все дальше и дальше, череп сминался, пока челюсти не открылись на 180 градусов, ее острые зубы торчали вперед, длинный язык высунулся из горла, словно змея, извиваясь, превращаясь в шелкающую хитиновую тварь, искавшую жертву — меня.

«Это не...»

Я не мог закончить мысль. Это была Элиана. Элиана, какой она никогда не была. Ужасное чудовище, преисполненное ненависти.

Чудовище, которое явилось, чтобы уничтожить меня.

Ее движение было внезапным. Она бросилась прямо на меня, пролетая сквозь препятствия, ее вопль звучал все громче и громче, оконные стекла задрожали от внезапного порыва ветра, поднявшегося вместе с яростью Элианы.

ГЛАВА 18

Я бросился бежать. Столкнувшись с книжной полкой, я отскочил от нее и споткнулся, с трудом устояв на ногах. Безглазый вопящий призрак преследовал меня. Я выскочил из библиотеки в вестибюль. Я не думал ни о чем — только бежать, только оставить позади этот дом. Все мои клятвы были забыты.

Элиана оказалась права. Все было бессмысленно.

Несмотря на ужас, летевший за мной, я внезапно остановился, выбежав в вестибюль. Парадные двери были открыты, и на пороге стояла Адрианна Вейсс, глядя внутрь дома с растерянным выражением лица. Ее силуэт мигал, как на поврежденном пикт-экране, словно она была лишь пикт-снимком из прошлого. Когда она вошла в дом, в воздухе над ней материализовалось что-то. Это было ужасное скопление частей тел, тварь, состоявшая из конечностей разных существ, будто сшитых в одно чудовищное целое.

Ощетинившись когтями и копытами, тварь рухнула с потолка. Из ее бледного мясистого тела росли две огромные руки с клешнями. Хвост был словно у гигантского скорпиона, и оканчивался жалом таким огромным, что оно могло быть когтем.

Таким, какие я видел у тиранидов на Клоструме.

Чудовище свалилось с потолка, ударило хвостом и разmozжило череп Адрианны. Его длинные челюсти напевали и свистели песню чувственного удовольствия и ужаса — и я начал отвечать на эту песню, хотя застыл от страха. Лоснящаяся розовая масса поднялась с пола. Тварь схватила головной убор с трупа Адрианны и помчалась в направлении Старой Башни с невероятной для такого размера скоростью. Чудовище, собранное из кусков разных тел, протиснулось в двери, труп Адрианны свисал с его хвоста.

Вопль Элианы раздался прямо позади меня. Ее рука коснулась меня, рука, которую я так хорошо знал, но ледяная, ледяная, и пытавшаяся схватить меня когтями. Я вырвался из охватившего меня паралича и бросился к двери.

Снаружи повсюду мелькало странное движение. Призрачные твари пытались выбраться из стен. Силуэты бродили среди деревьев и плясали на фронтонах Мальвейля. Это были пока еще лишь тени демонов, пытавшихся прорвать в мир. То чудовище, что я видел в доме, физически не присутствовало там. Это была своего рода реконструкция, воспоминание о прошедших событиях. Существа среди деревьев и на крыше Мальвейля являли собой нечто едва ли большее, чем мысленные проекции, но они были нечисты. Болезнь и наслаждение, ярость и обещание бесконечных перемен сменялись в моей душе, когда я переводил взгляд

на мерцающие силуэты — багровые и зеленые, фиолетовые и синие. Тучи мух вырывались из земли, словно гейзеры, и некоторые из этих роев пели.

Добежав до подъездной аллеи, я оглянулся через плечо. Элиана исчезла. Ее страшный вопль прекратился. Мгновение спустя я снова услышал, как она кричит. Но на этот раз вопль был другой — очень человеческий крик ужаса. Он доносился с востока, с направления башни, в которой находилась моя спальня. Эта комната раньше была ее. Башня, у подножия которой лежало ее изломанное тело.

Хотя мир вокруг дрожал от явления непроизносимых ужасов, я замедлил бег и повернул голову — туда, куда приказывал Мальвейль — чтобы увидеть другое воспоминание из прошлого.

Увидеть, как моя жена умерла.

Я подумал, что увижу, как она падает с башни. Но она была на земле, еще живая — и в когтях другого чудовища. Существо, которое убило Адрианну, было похоже на ужасное животное. Это же было созданием глубокого — и злого — разума. Оно было рогатым, его длинное одеяние скрывало мускулистую плоть ярко-розового цвета. В одной из трех своих рук чудовище держало огромную книгу. Страницы книги шептали на языке, которого я не понимал, но мои уши начали кровоточить от их шепота. Его звуки говорили со мной намеками о судьбе, predeterminedенной тысячелетия назад, или об ужасах, еще не рожденных, но чье появление — эпохи спустя — было неминуемо predeterminedено событиями этого дня.

Держа свою книгу судьбы, чудовище положило тело Элианы на землю, и наступило на ее спину, ломая ее. Посмотрев на меня, ужасная тварь улыбнулась, словно услышав аплодисменты благодарных зрителей. Потом, что-то шепча, чудовище стало ломать кости и конечности Элианы, создавая из пытки и убийства картину суицида. Элиана до самого конца издавала придушенные захлебывающиеся стоны.

Видение померкло.

Был все еще день, но свет казался потускневшим и слабым.

Огромная тень Люктуса надвигалась на солнце, превращая день в сумерки. Затмение началось. Стремительно наступала ночь.

Свет исчезал за диском Люктуса.

Движение страшных теней вокруг началось снова. Они замерли, пока я наблюдал последние мгновения Элианы и ее долгие предсмертные страдания. Теперь они снова стали двигаться, и их движения были одновременно яростными и игривыми, свирепыми и танцующими. Они пытались пробиться сквозь завесу, отделяющую их от реальности. Существа, куда более реальные, чем эхо воспоминаний, угрожали прийти за мной.

Тварь, в которую превратилась Элиана, снова завопила, появившись в дверях Мальвейля. Мне было приказано наблюдать, и на это время я был отпущен. Я был игрушкой Мальвейля.

Я бежал. Я не мог сражаться. На каком-то уровне я знал, что не смогу и сбежать. Но все равно я бежал. Я бросился вниз по холму, в сгущавшийся мрак, пока Люктус пожирал солнце. Я бежал, а на землях Мальвейля вокруг меня пробуждалась нечестивая жизнь. Внутри заброшенных шахт визжали и пели призрачные твари. Ветер завывал в мертвых деревьях и ржавых стрелах кранов. Призрачные твари летели на крыльях ветра и плясали на железе мертвых машин.

Я пытался не смотреть на них. Я наполовину ослеп от ужаса и едва видел, куда я бегу, но продолжал бежать по дороге вниз с холма. Вопль Элианы преследовал меня. Потом я

услышал звук, из-за которого едва не расплакался от радости. Я услышал звук мотора, такой обычный, банальный, и поэтому столь чуждый кошмарам. Когда я добежал до поворота, мне пришлось броситься на обочину, чтобы меня не сбила машина Риваса. Я упал, перекатился и ударился о гору металлолома с такой силой, что меня оглушило.

Водитель резко затормозил. Ривас выскочил из машины и, подбежав ко мне, помог подняться. Он был в полном облачении кардинала Экклезиархии. Тяжелые одеяния придавали его движениям торжественную, благочестивую медлительность.

— Ты в порядке? — спросил он.

Я указал на холм, ожидая, что сейчас призрак Элианы настигнет нас. Но, хотя ярость ветра не уменьшалась, на землях Мальвейля воцарилась тишина. Всякое движение прекратилось. Ужасы прекратили свои попытки прорваться в реальность.

Я рассказал Ривасу, что произошло, насколько возможно кратко. Я не сомневался, что он поверит мне, и он поверил. Вернувшись к машине, Ривас взял свой кардинальский посох и тяжелую книгу, выглядевшую настолько священной, насколько книга чудовища была нечестивой.

— Поезжай обратно, — сказал он водителю. — Возвращайся в собор и молись непрерывно, пока я не свяжусь с тобой снова.

Когда мы остались одни, Ривас сказал:

— Это будет трудный бой. И тем более важный для нас.

Он глубоко вздохнул, готовясь к предстоящему бою, и направился вверх по склону холма.

— Ты знаешь, с чем нам предстоит сражаться? — спросил я, шагая за ним. Я не мог представить, как можно бороться с тем, что я видел. Если с чудовищем Мальвейля можно было сражаться, мне нужно было знать как. Мне нужна была надежда, которая приходит вместе с планом действий.

— Я знаю кое-что о его природе, и о том, что мы должны делать, — Ривас едва заметно улыбнулся. — У меня есть кое-какие связи в Инквизиции.

— Инквизиция знает о таких вещах?

— Ордо Маллеус знает.

Я только покачал головой. Как и все остальные, я мало что знал об Инквизиции, кроме того, что не стоит вызывать ее неудовольствие. Об Ордо Маллеус я никогда не слышал.

— Они сражаются с демонами, — пояснил Ривас.

Демоны. Это слово заполнило мой разум. Казалось, оно поднялось из некоей атавистической бездны безумия, и я хотел спрятаться от него, выжечь это слово, и то, что оно представляло, из моего разума.

— Многое все еще скрыто от меня, — продолжал Ривас. — Это была нелегкая задача — знать, где искать, и с кем говорить. И что именно говорить, чтобы не принести гибель тем, кто ее не заслуживает. Но я кое-что теперь знаю. Знаю достаточно. Мальвейль — сущность величайшего зла, Мейсон.

— Теперь это и мне ясно. Я должен был прислушаться к тебе раньше, и не возвращаться сюда. Мальвейль обманул меня.

Он положил руку мне на плечо.

— В действительности я не знаю, насколько твои действия до сих пор могли бы изменить ситуацию. История твоих предшественников — воистину мрачный урок.

— Ты имеешь в виду отсутствие этой истории.

— Да.

Когда Мальвейль снова вырос перед нами, затмение достигло полной фазы. Ночь окружала нас. Люктус торжествовал, свет дня был поглощен его громадной тенью. Дом словно взирал на нас, тоже готовясь к бою. Его молчание было угрозой. Он оценивал нового врага.

— Он знает, кто ты, — сказал я.

— Я не сомневаюсь, — кивнул Ривас.

— Я думаю, неужели до этого никто не осмеливался противостоять ему открыто?

— Не осталось никаких сведений о том, что кто-то пытался, — ответил Ривас. — По крайней мере, я не смог их найти.

— Вот почему он стирает историю, — сказал я. — Он скрывает свою угрозу, пока не станет слишком поздно для тех, кто чувствует ее.

Мы остановились у дверей в дом. Во мраке затмения вход в Мальвейль казался зияющей пастью, ожидавшей нас. Черные окна безмолвно взирали на свою добычу, их тьма была преисполнена ужасного знания.

Я поднял взгляд на небо. Стали видны звезды, и их присутствие лишь подчеркивало гигантский круг тьмы посреди них. Око пустоты отверзлось в небосводе, и я чувствовал родство между ним и той бездной мрака, что ожидала нас в Мальвейле.

— Император хранит, — прошептал Ривас.

— Император хранит, — повторил я.

Кардинал поднял посох в знак вызова силам зла, овладевшим домом.

— Я иду с Императором, и Он со мной. Я ничто, но я всё, ибо Он являет волю Свок через меня. Страшитесь меня, нечестивые, так же, как вы страшитесь Его.

Он опустил посох и кивнул мне.

— Император хранит, — снова произнес я.

— Воистину так. Ныне и присно, и во веки веков.

Мы вошли в открытую дверь.

Тьма в доме была абсолютной. Я шел на ощупь вдоль стены, пока не нашел фонарь. Он включился словно с большой неохотой. Его свет был слабым. Силуэты у дверей казались искаженными, словно их тени были чем-то большим, и вцепились бы в нас, если бы мы коснулись их.

— Мы должны нанести удар чудовищу в его сердце, — сказал Ривас. — Очищение, если оно вообще возможно, должно начаться с источника скверны.

— Там, где Деврис заключил свой пакт...

— Да.

— Старая Башня, — сказал я. — Сердце зла там. В этом я уверен.

Путь по залам и коридорам был долгим. Затмение так глубоко проникло в недра Мальвейля, что казалось, будто сам дом является настоящим источником ночи. Я изо всех сил старался осветить нам путь, но не слишком преуспел в этом. Ни один из люменов больше не работал. Фонари и факелы были лишь искрами в пустоте. Мы могли разглядеть, куда нам нужно идти, но не более того.

Тишина скользила по Мальвейлю, словно живое существо. Она будто обвивалась вокруг шороха наших шагов и скрипов и потрескиваний дома. В другом доме это были бы всего

лишь звуки осадки конструкций. Здесь это было глухое рычание Мальвейля, готовившегося к бою.

Дом испытывал наслаждение, мучая меня. Мои страдания были для него удовольствием, игрой. Ривас был иным. Он пришел сюда, вооружившись.

— Император хранит, — читал Ривас. — Пред взором Его нечестивые обратятся в прах. Ибо свет Его и сила Его. Услышь меня, Мальвейль. Я именую тебя, дабы знал ты, что Император взирает на тебя и судит тебя. Ужасен гнев Его. И обрушится он на тебя и развеет силы твои, словно солому по ветру.

Окна задрезжали в ответ. Ветер снаружи гневно взвыл.

Дверь в Старую Башню была открыта перед нами.

Ривас заметил мое удивление.

— Что такое? — спросил он.

— Я запираю эту дверь. Это похоже на приглашение. Мальвейль хочет, чтобы мы пошли туда.

— Чудовище преисполнено гордыни, — сказал Ривас. — И это станет его погибелью. Куда нам идти сейчас? Вверх или вниз?

— Вниз.

Застывший вихрь хлама поднимался снизу.

— Вниз, — повторил Ривас. Кивнув, он открыл книгу, ее страницы, казалось, сами раскрылись на часто читаемом месте. Было слишком темно, чтобы читать слова на страницах, но Ривас все равно смотрел на них, тихо шепча молитву, которую хорошо знал. Поцеловав книгу, кардинал оставил ее открытой. После этого он шагнул вперед и ударил посохом по первой из ступеней, ведущих вниз.

— Мы здесь! — объявил он. — Нечистая сила, мы противостоим твоей гордыне нашим смирением и верой в Бога-Императора. Услышь шаги Его!

Он стучал посохом по каждой ступени, эхо громко разносилось в башне.

— Император идет с нами! Это звук шагов Его! Это звук твоей гибели!

Я следовал за Ривасом, схватив по пути факел из настенной подставки у входа в башню. Его слабый свет отталкивал тьму, но тьма надвигалась снова, непроглядная и глубокая, как океан. Как только Ривас начал молиться, сквозняк из глубины башни превратился в ветер, постоянный и враждебный.

Мы спустились уже так глубоко, как я не заходил раньше. Теперь мы спускались в башню с четкой целью. Пройдя мимо места, где я нашел головной убор Адрианны, мы продолжили спускаться. Вниз, вниз, вниз, мимо обломков личных историй моих предшественников. Теперь я понимал, почему тут было накоплено столько старых вещей. Понимал, почему и Элиана внесла вклад в это накопление. Прошлое было слишком чудовищным, чтобы позволить ему выйти на свет. Его надо было похоронить под массой другого прошлого. Поколения Штроков, когда их злой рок настигал их, делали то немногое, что оставалось в их силах, и жертвовали своим прошлым, своим наследием, своей историей и своей личностью в тщетных попытках обуздать сердце Мальвейля.

А Мальвейль выбрасывал их прошлое вверх. Этот вихрь хлама лишь казался неподвижным. На самом деле он, хоть и медленно, но вращался, и когда он чуял добычу, то вращался быстрее. Он вращался быстрее сейчас, когда мы спускались все дальше и дальше в глубины Мальвейля. Он стонал и потрескивал в своем вращении. Маленькие вещи опрокидывались, а более крупные выдавливались наверх. Края этой гигантской массы

блестели в свете факела, освещавшем разные предметы, банальные и важные, все, что стало частью тщетных попыток сопротивления жертв проклятой династии. Я видел золотую астролябию, армиллярные сферы из бронзы, инкрустированной драгоценными камнями. Я видел большие солнечные часы, не менее пяти футов в диаметре, гномон, выполненный в виде одной железной руки скелета, сжимавшей другую, словно в борьбе. Я видел окно из цветного стекла, его облик напоминал глаз гигантской рептилии.

Солнечные часы и окно встревожили меня. Один их вид внушал беспокойство, они производили впечатление огромной, нечеловеческой древности. Они явно не относились к обычным вещам из жизни жертв Мальвейля. Они были чем-то иным. Я чувствовал, что они поднялись снизу, из глубины. Они были чем-то жутким, и могли принадлежать лишь этому дому, а не какому-либо разумному человеку.

Я задумался, сколько еще таких вещей могло быть в этом огромном вихре, медленно поднимавшемся из глубины.

Ривас продолжал непрерывно читать молитвы, эпиклезы и анафемы. Он ненадолго прервался лишь когда мы прошли мимо солнечных часов.

— Мы очень глубоко под землей, — сказал он.

— Да. Никакие подвалы не могут находиться так глубоко.

Ступени впереди продолжали спускаться во тьму, и конца им не было видно.

— Хорошо, — кивнул Ривас. — Тогда мы продолжим.

Мы продолжили. Бесконечный спуск по огромной спирали лестницы Старой Башни, вниз, вниз и вниз. Я повторял за Ривасом его молитвы. Вихрь хлама вращался, кружась все быстрее по мере того, как мы спускались. Фундамент дома гулко стонал, словно гора. Других нечестивых проявлений не было. Мальвейль пока не наносил удары.

Мне было страшно думать, какими мощными они окажутся, когда наконец обрушатся на нас.

Сначала я не заметил сияния. Оно было еще слабым. Я лишь обратил внимание, что некоторые предметы вокруг нас видны более ясно. В то же время моя тревога все росла. Странные фрагменты мыслей мелькали в моем разуме, скользя, словно ртуть, но не сливаясь вместе. Когда я заметил, что света стало больше, я также увидел, что с ним было что-то не так. Этот свет был хуже, чем тьма. Он вел себя не так, как должен свет. Он, казалось, стекал и лился словно вода. Его цвета были безмянными. Неестественное свечение лилось к нам ручейками из глубин. Оно мигало, рассыпаясь каплями, потом сливалось вместе, превращаясь в пленку слизи безумных оттенков.

Я взял Риваса за руку, остановив его. Он не сопротивлялся. Его молитвы замерли на устах, когда он посмотрел на жуткое свечение, ползущее по стенам и ступеням.

— Это энергия варпа, — сказал я.

Мне везло в моих путешествиях по Имматериуму. Поля Геллера на каждом корабле, на котором мне довелось бывать, исправно держались. Но однажды они начали поддаваться под ударами варп-шторма. Буря в варпе была достаточно сильной, чтобы сбить нас с курса, и мы вышли в реальное пространство в сотне световых лет от цели полета и спустя восемь месяцев после перехода в варп. В самый опасный момент бури, хотя все иллюминаторы были плотно задраены, потоки энергии варпа просочились в некоторые отсеки внешнего корпуса. Мы немедленно задраили их, но зрелище этого света, который не был светом, цветов, которые не были цветами, мигающего и пляшущего пламени безумия осталось в моей памяти. Теперь ужасы этих воспоминаний ожили снова.

— Значит, вот что совершил Деврис Штрок, — сказал Ривас. — Он открыл портал к эмпиреи в этих глубинах.

— Это отсюда приходят ужасы?

— Да.

«И наши богатства тоже».

Внезапное появление такого изобилия полезных ископаемых в недрах Мальвейля не могло иметь рационального объяснения. Но могло иметь объяснение иррациональное.

Ручейки света становились все сильнее по мере того, как мы спускались. Вихрь хлама вращался еще быстрее, и теперь явно поднимался. Я представил, как он вырывается из крыши Старой Башни, разбрасывая по округе оскверненные вещи, как Мальвейль распространяет свою скверну дальше и дальше...

— Мы не можем спускаться дальше, — предупредил я.

Я уже не надеялся, что у этой лестницы будет конец. Старая Башня уходила все дальше и дальше вниз, ее основание было где-то в варпе.

— Я знаю, — сказал Ривас. — Еще немного. У нас будет только один шанс. Мы должны использовать его.

Я согласился. Мы продолжали идти, и спустя несколько минут, были вознаграждены за наши усилия. Ступени выходили на широкую площадку. За ней они продолжали спускаться вниз, но здесь мы могли обороняться.

Камнебетонные конструкции, из которых состояла наземная часть Мальвейля, остались далеко позади. На этой глубине ступени и стены были из черного гранита. Они являли собой единое целое, кирпичей и блоков не было. Ступени казались не высеченными, а выглядели так, словно они выросли из стен. На полу площадки было заметно изображение восьмиконечной звезды. Глубокие борозды в камне, казалось, не были вырезаны никаким режущим инструментом.

«Здесь он сделал это. Здесь Деврис заключил пакт и проклял наш род навсегда».

Ривас старался не наступать на изображение звезды.

— Мы не будем касаться этого нечестивого знака, — сказал он.

Мы встали вместе, и Ривас снова открыл свою книгу, поцеловал страницы, и, воздев посох, с силой ударил им о камень.

— Император повелевает! — воскликнул он. — Кто смеет отрицать Его?

— Никто не смеет отрицать Его, — ответил я.

— Нет света кроме света Императора. Нет бога кроме Императора. В свете Его да сгорит вся ложь. Горите, создания лжи и тьмы! Горите, чудовища! Горите!

Он произносил слова анафемы с пылом святости. Я раньше часто говорил, что Ривас святой, а теперь подумал, может быть, он действительно был святым. Его голос гремел в стенах Старой Башни, поднимаясь до самой крыши, невидимой отсюда. Он был воодушевлен. Словно сама сила святости явилась сюда свести счеты с нечестивостью Мальвейля.

— Император не позволит нечестивому жить! Император судит тебя, нечестивая тварь! И по суду Его тебе должно погибнуть!

— Погибнуть! — повторил я.

— Нет пощады демонам в свете Императора!

— Нет пощады! — воскликнул я.

Ривас воздел руки, книга и посох были его орудием казни против демона Мальвейля.

— Да очистит свет Императора этот дом!

И явился свет. Истинный свет. Ривас был его средоточием, и свет исходил от него. Ореол света превратился в сферу, и сфера стала расширяться, оттесняя тьму Старой Башни. Вращение вихря снова начало замедляться. Стоны дома, казалось, стали утихать.

Я снова почувствовал надежду, настоящую надежду, освященную верой. Император был могуществен, и являл волю Свою через Своего благочестивого кардинала. Император был с нами, и волей Его тьма уходила. Мы победим врага в Мальвейле. Мы узнаем, *что есть Мальвейль*.

Я почувствовал нечто большее, чем надежду. Я ощутил экстаз.

«Мы увидим истину. Мы увидим твою слабость. Мы узнаем, что за ужасы ты прячешь здесь. Узнаем, каким богам они служат.

Мы увидим, что скрывается в варне. Мы познаем бесконечное и ужасное.

Мы познаем перемены, и гнев, и излишества, и чуму. Мы увидим Трон, и Лабиринт, и Дворец, и Сад.

Мы познаем имена...»

Я вскрикнул и, отшатнувшись от Риваса, вцепился в череп, пытаюсь вырвать чудовищное свечение, проникавшее в мое сознание, а оттуда — в мою душу.

Свет был ловушкой. Это была атака Мальвейля. На нас обрушилось откровение, откровение, которое ни один человек не мог перенести.

Ривасу понадобилось еще несколько секунд, чтобы понять, что происходит с ним. Он был окутан сияющим светом, ярким и белым, словно кость. Он перестал молиться. Его рот и глаза были широко открыты при виде чудовищной истины, открывшейся ему. Какая-то часть его осознала опасность, и он застонал от ужаса. Из его глаз потекли кровавые слезы. Его священная книга вдруг вспыхнула, и навершие его посоха тоже было охвачено огнем. Багровые, фиолетовые, зеленые и синие языки пламени переплетались, и, казалось, боролись друг с другом.

Резко дернувшись, Ривас бросил книгу и посох в центр восьмиконечной звезды. Огонь, охвативший их, слился вместе, и посох обвился вокруг книги, словно змея.

Грохот голоса Мальвейля раздался снова, скрежет двигавшихся камней, в котором формировались ужасные слова. Стены словно вспухли. Из их камней стали раздуваться огромные пузыри, они становились прозрачными, и внутри них нетерпеливо бились страшные твари. Потом пузыри лопались, и ликующие чудовища вырывались на свободу. Они спускались по стенам и бросались к нам, бесконечный поток ужасов. Были среди них существа пугающей чувственности, с огромными клешнями, которыми они могли перекусить человека надвое. Были рогатые монстры с багровой кожей, ревущие в ярости. Были смеющиеся массивные розовые чудовища, подобные тому, которое я видел раньше. Были гниющие, покрытые опухольями твари, бормотавшие благодарственные молитвы. Стены Мальвейля расцвелись всеми оттенками безумия. Чудовища, которые раньше не появлялись даже в худших моих кошмарах, были здесь, в башне, и они были ответом Мальвейля на молитвы Риваса.

— Император, помоги нам, — прошептал Ривас.

Никто его не слышал.

Демоны дрались друг с другом, чтобы первыми попасть на площадку. Некоторые из них срывались со ступеней и падали в глубины Старой Башни. Демон в длинном одеянии, изувечивший тело Элианы, воздел руки, издевательски передразнивая жест Риваса. Его

ужасный смех словно пронзил мой разум осколками разбитого зеркала. Спустя несколько секунд мы были окружены на площадке, и из стен вылезали все новые и новые чудовища.

Окружив нас, демоны на секунду замерли, наслаждаясь мгновением, прежде чем наброситься на добычу. Я заметил, что их глаза устремлены только на Риваса.

Он тоже это осознал, и повернулся ко мне, на лице его отразилась смесь страха, отчаяния и решимости.

— Мальвейль еще не покончил с тобой, — сказал он. — Заставь его заплатить.

— Заставлю, — пообещал я.

«Я не знаю как». Но я не мог признаться в этом моему другу на грани смерти.

Потом я бросил взгляд на факел в моих руках. Я вспомнил о призрачном поджигателе, которого я выгнал из дома, и которого видел каждый из моих предшественников.

— Император осветит мой путь, — произнес я.

Ривас улыбнулся.

Демоны рванулись вперед. Я бросился бежать, оставляя моего друга на верную смерть. Демоны расступались передо мной, словно вода. Я мчался мимо них, вверх по ступеням. Успев бросить взгляд назад, я увидел, что они схватили Риваса и дрались за удовольствие разорвать его. Он боролся, осыпая их проклятиями, хотя его голос дрожал от ужаса.

Я видел своего друга в последний раз. Изгиб лестницы вел меня вокруг вихря из хлама, и Ривас скрылся из вида. Потом он начал кричать и хрипеть, раздались влажные рвущиеся звуки и громкий хруст.

Ривас не прекращал кричать. Старая Башня содрогалась от ревущего хохота демонов и воплей моего друга. Когда его крики зазвучали по-другому, я побежал еще быстрее. Мне нужно было уйти прочь от этого звука, потому что это был голос святого, потерявшего свою веру.

ГЛАВА 19

Я бежал, перескакивая по две ступени сразу, и ожидая, что дом сбросит меня в бездну Старой Башни. Мальвейль посмеялся надо мной и украл у меня все, ради чего мне стоило жить. Он изуродовал всю мою жизнь, как и жизнь всех Штроков со времен великого греха Девриса. Он забрал свет, который Ривас принес во тьму, и использовал его против нас. Мальвейль никогда не устанет мучить свои игрушки, которые он сделал из Штроков. Но я еще не сдался. Я уничтожу этот дом и погибну с ним, если необходимо. Какую бы цену ни пришлось заплатить, я покончу с этим проклятием.

Вопли Риваса, наконец, затихли, хотя я боялся, что его мучения не кончились. Демоны кричали и хохотали, бушевали и пели. Мелодичные голоса демонов излишеств сливались с кровожадным ревом. Звенели колокола, из глубин башни поднимались шепчущие напевы, повествующие о переменах и судьбе. Хотя я поднимался по лестнице так быстро, как только мог, постепенно я бежал все медленнее. Мои ноги отяжелели, грудь разрывалась от боли с каждым мучительным вздохом, и я был все еще слишком далеко от выхода из Старой Башни.

Его не было видно, и, оставив площадку позади, я не чувствовал, что продвигаюсь вперед. Вихрь из хлама вращался, и вещи в нем поднимались наверх быстрее меня. В этой гонке с вихрем я проигрывал, и, казалось, что мне придется бежать по лестнице вечно.

Я уже начал думать, что, может быть, это и есть новая пытка Мальвейля. Мучительная усталость брала свое, притупляя мою решимость. Я бежал и бежал бесконечными кругами по винтовой лестнице, но никак не мог убежать от следов энергии варпа. Ручейки не-света, извиваясь, ползли по стенам и кружились вместе с вихрем в многоцветии безумия.

Вскоре я уже не мог бежать, и едва тащился по ступеням. Я мог думать лишь о следующей ступени, о следующем движении ног. Когда я поднимал взгляд, то видел впереди по-прежнему лишь черную стену. Казалось, я никуда не двигаюсь. Яростное веселье демонов преследовало меня, но сами чудовища не показывались. Им и не нужно было. Все равно я никуда не уйду от них.

Я не знал, насколько давно мы с Ривасом вошли в Старую Башню. Мальвейль украл у меня и чувство времени, как украл и многое другое. Взамен он дал мне темную бесконечность, существование, сведшееся к бесконечным ступеням, цель, которую невозможно достигнуть, и все изнеможение безнадежности.

«Я не позволю тебе победить. Я не войду в твою тьму без борьбы. Я причиню тебе боль. Ты узнаешь, что я могу сопротивляться».

Я взмахнул факелом, его пламя коснулось краев вихря. Край свернутого ковра начал дымиться. Бумаги в открытом ящике вспыхнули. Вращаясь, вихрь создавал ветер. Пламя охватило ковер и стало распространяться по вихрю, словно яд по венам.

Шагая по ступеням, я держал факел рядом с вихрем. Огонь охватывал все больше и больше вещей. Казалось, они вспыхивали с готовностью, разжигая долгожданное пожарище. Струйка огня превратилась в ручеек, а ручеек стал рекой. В Старой Башне быстро стало жарко. Вихрь хлама с ревом запылял гигантским факелом.

Я словно оказался в дымовой трубе. Было тяжело дышать, но время снова двигалось вперед. Теперь в башне происходили перемены. Весь ее центр превратился в колонну огня. Далеко внизу веселье демонов, едва слышное за шумом пламени, перешло в гнев. Чудовища гнались за мной. Я все-таки сумел причинить боль Мальвейлю.

Впереди показался выход из Старой Башни.

«Я обжег твое сердце и заставил тебя отпустить меня. У тебя есть слабости. Тебя можно уничтожить».

Я нашел в себе новые силы и бросился вперед.

Пылающая боль пожирала мое лицо. Легкие, казалось, сворачивались от жара. Каждый вздох мог стать смертельным. Шатаясь, я выскочил в дверь и захлопнул ее за собой. Железо рамы уже раскалилось. Огонь скоро вырвется из башни.

Я бежал по дому, сея огненную гибель. Я предавал пламени ковры и гобелены. Я поджигал картины. В комнатах, забитых хламом, я создавал новые костры. Вскоре огонь уже не нуждался в моей помощи. Я отбросил факел и побежал по коридорам, языки пламени охватывали потолки впереди меня.

Хотя каждый вздох давался с трудом, я кричал, бросая вызов дому:

— Ты не заберешь меня с собой! Я призрак, который ждал, чтобы сжечь тебя, все эти поколения! Ты был судьбой Штроков! Теперь я — твоя судьба!

Наконец я понял, кто был тот призрак, который бежал по дому, поджигая его. Это был я. Это всегда был я. Я был погибелью Мальвейля.

Дым наполнял коридоры. Занавески колыхались, словно от боли. Я прислушивался, ожидая услышать рычание демонов и злобных призраков. Но слышал только голос огня.

Пламя было алчным, голодным, яростным. Оно охватывало дом так, словно каждая поверхность была полита прометием. Это был пожар, назревавший и готовившийся столетиями. Он репетировался снова и снова. И наконец он случился. Я не спас Элиану. Спасать было уже некого. Я потерял ее, когда Мальвейль сначала пожрал ее, а потом превратил в чудовище, исполненное ненависти. Но искупление все же возможно — может быть, не моих грехов, но грехов Девриса. Если я выживу, то смогу искать прощения Элианы лишь в моих воспоминаниях о ней.

Когда я поджигал дом, то ожидал увидеть призрак Элианы. Но в огненной буре не было места призракам. Время очищения пришло. И я был его вершителем.

— Император идет со мной, — прохрипел я.

В вестибюле я упал на колени, кашляя и задыхаясь, мои глаза почти ослепли от непрерывно лившихся слез. Последние несколько ярдов до выхода из дома мне пришлось ползти, и двери оказались заперты. Мальвейль хотел, чтобы я умер вместе с ним на его погребальном костре.

Но обжигающую боль от пламени и удушливый дым я ощущал как победу. И это чувство давало мне силу проползти еще ярд, еще фут, еще дюйм ближе к спасению.

Я дополз и вцепился в ручку двери. Собрав последние силы, я потянул. Дверь сопротивлялась, но потом, может быть, потому что пожар ослабил дом, все-таки поддалась.

Я вывалился в ночь.

В тишину.

Затмение кончилось. Люктус был высоко в небе, и в его зловещем сиянии не было видно звезд. Ветер утих до едва слышного шепота. Стоя на коленях, я жадно вдыхал чистый воздух.

Я не чувствовал запаха дыма.

Подавив стон отчаяния, я обернулся и увидел безмолвный, *невредимый* дом.

«Мальвейль еще не покончил с тобой», сказал Ривас. И еще нескоро покончит. Мальвейль никогда не устанет играть в эту игру.

— Чего ты хочешь? — прошептал я. — Почему ты не убил меня вместе с Кальвеном? Что еще тебе нужно от меня?

Шум мотора заставил меня повернуться. Это приехала моя машина. Белзек привезла Катрин и Зандера домой.

Я встал, шатаясь куда сильнее, чем ожидал.

— Отец? — спросил Зандер. — Что случилось?

— Что ты делаешь? — спросила Катрин. Зандер казался удивленным, а голос Катрин звучал обвиняюще.

— Я споткнулся, — сказал я.

Едва ли кто-то из них поверил в эту ложь. Но им достаточно знать, что это все, что я готов им сказать.

— А вы почему здесь? — спросил я, задав встречный вопрос и позволив отчаянию проявиться в виде гнева. — Разве кардинал Ривас не говорил с вами?

Катрин не позволила себя отвлечь.

— Карофф беспокоился насчет тебя, — сказала она. — Вижу, у него были основания.

Зандер шагнул вперед, изображая миротворца, и поддержал меня за руку, когда я снова

пошатнулся. Моя левая нога была готова подогнуться от страшной усталости. Если бы не моя бионика, я бы снова упал, и, наверное, вовсе не смог бы встать.

— Пойдем в дом, отец, — сказал Зандер. — Здесь холодно.

Он говорил со мной словно с дряхлым стариком.

Возможно, так оно и было.

«Нет. Они хотят, чтобы ты поверил в это».

Катрин, похоже, на какое-то время отложила свой допрос. Белзек уехала, и мы вошли в дом. И я увидел, что и изнутри дом был совершенно невредим. Не было никаких следов пожара, ни малейшего запаха дыма. Коридоры были ярко освещены. Я внезапно представил, как бегу по дому, представляя, что зажигаю пожар, а на самом деле я просто зажигал все фонари, настенные светильники и люмены.

Дом использовал против меня другую тактику, иное орудие пытки, чтобы причинить иной вид боли. Он хотел, чтобы я снова усомнился в себе. Он хотел, чтобы я думал, будто все случившееся было видением. Иллюзия царившего сейчас в доме спокойствия была настолько полной, а мое состояние усталости настолько правдоподобным, что было очень легко попасть в эту ловушку.

«Ты хочешь заставить меня усомниться во всем, что я видел и слышал с тех пор, как вернулся на Солус. Но ты не сможешь».

— Пойдем в библиотеку, — сказал Зандер.

Мне нужно было собраться с силами, поэтому я не возражал. Я позволил человеку, который называл себя моим сыном, подвести меня к креслу, в котором я читал дневник Элианы. Дневник был все еще там, где я уронил его. Усаживаясь, я незаметно толкнул дневник ногой, забросив его под кресло. Я точно не знал, почему хочу сохранить его в тайне. Какая-то часть меня хотела скрыть его. Кроме того, я не хотел, чтобы этим двоим стало известно, как много я знаю о Мальвейле.

— Вы встречались с Ривасом? — спросил я, прежде чем Катрин успела возобновить свой допрос.

— Да, — сказала Катрин. — Он предупредил нас, чтобы мы не оставались здесь. Но не сказал почему.

— Дела Империиума, — произнес я. — Вы должны были послушаться его. Зачем вы приехали сейчас?

— О чем ты говоришь, отец? — удивился Зандер. — Ты послал за нами.

— Что? Что ты имеешь в виду?

— Именно то, что он сказал, — Катрин подошла ближе ко мне, отодвинув Зандера. — Мы получили твое сообщение, в котором ты просил нас срочно вернуться. Что здесь происходит? Зачем ты хотел нас видеть?

— Кто передал вам это сообщение? — спросил я.

— Кардинал Ривас, — ответил Зандер.

— Когда?

— Менее получаса назад, — сказала Катрин.

Это невозможно. Ривас к тому времени уже погиб в башне. Судя по тому, сколько времени прошло с тех пор, как мы с ним вошли в Мальвейль, он был мертв, вероятно, уже несколько часов. Или Мальвейль послал его призрак к моим детям, как он послал ко мне Адрианну, или... или они лгали мне.

«Зачем им лгать тебе?»

«Потому что они не настоящие».

«Они выглядят настоящими».

«Вейсс тоже выглядела настоящей, после того, как умерла. И Тервин тоже».

Я слишком долго тянул с ответом. Я чувствовал их взгляды на себе.

«Это ничего не значит. Я чувствовал жар огня. Все это казалось таким реальным — но это не было реальным. Возможно, это еще одна игра Мальвейля. Еще одна иллюзия. Он показывает мне, как распознать призраков, но не позволяет сделать это, когда это действительно важно».

— Карофф очень беспокоился за тебя, — сказала Катрин. — Ты отослал всех слуг?

— Да.

— Почему?

— Причины касаются только меня, — если она была настоящей, она все равно не поверит правде. Если она призрак или самозванец, то неважно, что я ей скажу.

— Отец, будь разумным человеком, — умоляюще произнес Зандер.

Катрин подняла руку, и Зандер замолчал.

— Уже поздно, — сказала она. — Мы все устали.

Это была правда.

— Будет время поговорить об этом утром.

Зандер кивнул и вышел из библиотеки. Катрин осталась. Она хотела поговорить со мной наедине, и Зандер это понял.

— Ты понимаешь, почему Карофф так обеспокоен? — спросила она. — Он помнит, что случилось после того, как Леонель отдал такой же приказ.

— Он выполнил приказ Леонеля, и пусть выполняет мой.

— Он выполнит приказ, — Катрин присела передо мной. — Но я — нет. Я не покину тебя.

Ее лицо было таким же суровым и бесстрастным, как всегда. Она говорила, как на своих лекциях в Схоле Прогениум. Каждое ее заявление звучало как приказ. Но даже так, это было выражение любви этой холодной, недоверчивой женщины. «Я не покину тебя». Так, как покинули ее. Ее отец повинувался долгу перед Империиумом, а ее мать погубило зло. Никто из нас не принимал решение добровольно покинуть наших детей. Это решение было принято силами, куда более могущественными, чем мы. От нас ничего не зависело, но результат был один — мы покинули Катрин и Зандера, когда они были еще детьми. Они сумели найти способ выжить. Зандер отказался воспринимать жизнь всерьез. Катрин, старшая сестра, которая несла ответственность за младшего брата, воспринимала всерьез все, и закрылась за непроницаемым щитом отсутствия эмоций, чтобы не испытывать боль.

Но мое возвращение заставило ее задуматься о том, чтобы снять этот щит. Теперь она тянулась ко мне, обещая, что не покинет меня, не подвергнет тому, что, по ее опыту, было самым худшим предательством.

Я хотел обнять ее и уверить дитя, которое еще жило в этой суровой женщине, что все будет хорошо, что больше я не причиню ей боль. Я хотел сказать моей дочери, что я люблю ее.

Моя левая рука дернулась от побуждения потянуться к ней.

«Именно этого и хочет от меня Мальвейль. Очень убедительная ловушка. А если это не моя дочь, в какое чудовище она превратится? И что она сделала — или сделает — с моей

настоящей дочерью?»

Последняя мысль заставила меня в гневе стиснуть зубы.

— Спасибо, — сдержанно сказал я, сохраняя между нами холодную дистанцию.

Катрин увидела, что бесполезно говорить что-либо еще, и ушла.

Я оставался в библиотеке еще какое-то время, давая моим *детям* время заснуть, а потом поднялся вверх по лестнице. Я шагал туда-сюда по коридору между дверями их спален, размышляя, что же мне делать, и пытаюсь угадать, каким образом Мальвейль в следующий раз постарается причинить мне боль.

«Через детей. Как же еще? Что еще у меня осталось?»

Ничего. Элиана погибла. Мои самые близкие друзья погибли. Если и была еще возможность нанести поражение Монфорам и вернуть честь Солусу, я не знал, как это возможно сделать. Впрочем, мне уже было все равно. Я снова уступил поле боя врагу. Еще одна неудача. Еще одно поражение. Еще один позор.

Я подумал, не распространилось ли влияние Мальвейля на Клострум. Дом имел власть над судьбами Штроков с тех пор, как мы поселились в нем. Может быть, он всегда управлял нами. Может быть, даже у Девриса не было выбора, и с самого рождения он был обречен на проклятье, как и все последующие поколения. А я был так далеко, не зная ничего о событиях, происходивших на Солусе. И все же меня вернули сюда, с такой фатальной неизбежностью, словно я был прикован цепями к Мальвейлю все это время.

Может быть, это дом решил, что должно случиться на Клоструме. Может быть, он был настолько могуществен.

Я не мог бороться с такой неодолимой силой.

Я должен был бежать. Перед такой непобедимой злой волей бегство казалось единственным разумным решением.

«Куда бежать? Он найдет меня повсюду на Солусе. Если он смог найти меня на Клоструме...»

Я не мог сдаться. Я признал, что Монфор удалось победить меня, потому что я больше не мог выиграть этот бой. Это было лишь отвлечение, которое Мальвейль использовал как часть своей паутины мучений, которую он создал для меня. Нужно было спасти Солус и низвергнуть Вет Монфор. Мой долг не был выполнен, даже если события, создавшие этот долг, были срежиссированы Мальвейлем. Борьба против Монфоров могла состояться лишь по ту сторону битвы с Мальвейлем, и я пока не мог представить такой перспективы.

Но я буду сражаться. Мальвейль еще не все отобрал у меня. Даже если бегство еще было бы возможно, я должен сражаться до последнего.

Еще оставались мои дети. Бегство не спасет их. А я должен их спасти. Это все, что мне оставалось.

Я продолжал шагать вперед-назад по коридору между дверями их спален. Я не знал, как сражаться. Не знал, кого спасать. Была *вероятность*, что *если* эта женщина и этот мужчина, спавшие за этими дверями, реальны, то они *могут* быть моими детьми. Но если нет? Если они — воплощенная ложь, тогда настоящие Катрин и Зандер были где-то здесь. Я видел их. Мальвейль удерживал их.

Я должен найти их и спасти. Это было искупление, которое мне еще оставалось. И если я умру, пытаюсь это сделать, по крайней мере, это будет смерть с честью.

Но дети могут быть и способом, которым Мальвейль будет мучить меня. Он уже угрожал им. И на этом он не остановится.

И я не мог ударить первым. Я должен был ждать, пока враг нападет. Тогда я смогу нанести ответный удар. В последний раз.

Это будет конец, так или иначе. Если я проиграю, в моей душе не останется ничего, с чем мог бы играть Мальвейль.

Вперед-назад. Задерживаюсь у дверей, думаю о том, чтобы постучать, предупредить, что опасность надвигается, и мы должны бороться. Но потом отхожу прочь, охваченный злой подозрительностью.

Вперед-назад. Бесконечные часы ночи. Бесконечная тьма.

И тогда, словно я знал, что так и будет, я услышал голоса. Тонкие голоса. Голоса детей. Голос маленького мальчика, плакавшего в страхе, и маленькой девочки, которую внезапно покинули родители.

«Отец!»

ГЛАВА 20

Дети звали меня из коридора, ведущего в другое крыло дома. Я едва мог разглядеть их. Это были Катрин и Зандер, какими я знал их. Дети, которых я вернулся защищать. Я позвал их, но они не слышали меня. Они смотрели в другую сторону, протягивали руки и шли во тьму, в дальний конец коридора.

«Отец! Отец! Где ты?»

— Катрин! — закричал я. — Зандер!

Я бросился к ним. Но как только я начал бежать, свет померк. Фонари на стенах потускнели до слабого оранжевого света, словно затухающие угли. Тени в дальнем конце коридора превратились в абсолютную тьму. Они тянулись длинными когтистыми руками по стенам и потолку, гася свет, пытаясь схватить моих детей.

Я снова позвал детей, но они не слышали меня. Они не могли, потому что дом снова ожил. Он стонал. Он рычал. Камни говорили гулким скрежещущим шепотом. Камнебетон грохотал, словно гром. Двери в коридоре содрогались под тяжелыми ударами, едва сдерживая пытавшихся прорваться в них тварей.

— Стойте! — кричал я. — Посмотрите на меня!

Они не обернулись. Они не слышали меня, но я слышал каждое их слово. Они умоляли отца отозваться.

— Отец, я говорила, что здесь призраки! — плакала Катрин.

— Призраки! Приииизраки! — хныкал маленький Зандер, держась за пояс старшей сестры.

Двери содрогались от ударов рядом с ними. Катрин остановилась у одной двери.

— Отец? — она со страхом посмотрела на дверь. — Он может быть там, — сказала она Зандеру.

— Я не хочу туда! Я не хочу туда!

Я бросился мимо главной лестницы. Теперь я был в том же крыле дома, что и дети. Но почему-то я бежал так медленно, будто находился под водой.

— Не открывайте эту дверь! — закричал я. — Катрин! Зандер! Слушайте! Я здесь!

— Пожалуйста, не надо! — рыдал Зандер.

— Мы должны, — сказала Катрин. Она всегда была более смелой. Более сильной. Она знала, что если они не найдут меня в коридорах, значит, я должен быть за этой дверью.

Она потянулась к ручке двери.

«Трон Святой, пусть она будет заперта!»

Дверь распахнулась от одного прикосновения Катрин.

Моя дочь смотрела в дверной проем.

— Отец...? — произнесла она.

Зандер поднял взгляд.

— Это он?

Они закричали. Мои дети вопили в отчаянном, невыносимом ужасе.

Я был в двух шагах от них, когда что-то с рычанием втащило их в комнату.

Дверь захлопнулась.

— НЕТ! — завопил я.

Со всей силой моей любви к семье и ненависти к Мальвейлю, я врезался в дверь бионическим плечом и вышиб ее. Я ворвался через порог комнаты.

Я оказался в некоей палате в медицинском центре. Здесь сильно пахло дезинфицирующим средством, но не настолько сильно, чтобы полностью заглушить зловоние смерти. Это было большое помещение с множеством коек, на них лежало много маленьких силуэтов. Было тихо для места, в котором так много детей.

У постели в центре палаты стояли два человека, оба в клювастых медицинских масках, скрывавших лица. На одном была униформа медработника, другой был облачен в одеяния члена Правящего Совета.

— Что с этим? — спросил медик.

— А вы что думаете? — высокомерно произнес советник.

Даже приглушенный маской, этот голос был знаком мне настолько, что я его никогда не смогу забыть. Это была Вет Монфор.

На койке лежал Зандер, укрытый тонким серым одеялом. Хотя ему было только четыре года, его лицо было иссохшим, словно у старика. В углах рта и под носом вздулись нарывы. Его тело сотрясал тяжелый кашель, он выхаркивал черную слизь. Он дышал с мучительным усилием, его легкие издавали пронзительный свист. И после каждого болезненного вздоха он снова заходил в приступе кашля.

Медик взглянул на горсть ампул, которые держал в руках.

— Мы можем попытаться спасти его.

Монфор покачала головой.

— За него некому заступиться. Он один. Таков уж суд Императора. Родители покинули его, и он оказался недостаточно силен, чтобы выжить. Надо делать выбор.

— Он не один, — сказал я, подходя к ним. — Я его отец.

— Жестокая логика, — сказал медик, обращаясь к Монфор.

— Но от этого не менее верная.

— Да уж, — согласился он.

— Вы не слышите меня? Немедленно окажите ему помощь, — приказал я. — Я — лорд-губернатор Штрок, и я приказываю вам спасти моего сына.

Они ушли, оставив Зандера в этом безымянном хоре кашлей и хрипов.

Его маленькие руки вцепились в грудь. Голова откинулась назад, рот широко открылся, он изо всех сил пытался вдохнуть. Свист, раздававшийся из его легких, звучал еще пронзительнее, казалось, что легкие моего сына каменеют. Его кожа стала багрово-красной.

Я склонился, чтобы помочь ему подняться.

— Все хорошо, Зандер. Я здесь. Я здесь.

Я не мог поднять его. Я не мог прикоснуться к нему. Потому что меня там не было.

Меня никогда там не было. Я покинул его, а потом его покинула Элиана, и такова была цена.

Я плакал. Я молился Императору и звал Зандера снова и снова. Мой сын не отвечал. Он не мог услышать призрака.

Он забился еще сильнее. Кожа из багровой стала фиолетовой.

— Помогите! — закричал я в пустоту.

Свист прекратился. Зандер лежал неподвижно. Его лицо постепенно теряло цвет, становясь из красного серым.

Рыдая, я снова попытался поднять его. На этот раз я смог. Теперь, когда ему уже не нужно было мое утешение, я смог нести его. Я завыл от горя. Он был легким, как воздух, но я едва не упал. Тяжесть потери была слишком невыносимой. Я раскачивался вперед и назад, что-то вопя.

Взяв моего сына, я пошел за Монфор. Я заставлю ее заплатить. Должно быть возмездие. Должна где-то в галактике быть справедливость.

Мои глаза помутнели от слез. Шатаясь, я вышел из палаты.

Оказавшись снаружи, я заметил, что держу перед собой лишь свои пустые руки. Зандер исчез.

Я был на улице перед стенами Схолы Прогениум. Это была не та Схола, что в Вальгаасте. Здание выглядело гораздо более ветхим и запущенным. Камнебетон стен потрескался и давно не ремонтировался. Здание стояло рядом с казармами Солусской Гвардии, и дорога содрогалась от проезжавшей бронетехники, возвращавшейся с учений. Канавы на улице были полны мусора. Жилое здание напротив схолы рухнуло или было снесено. В его развалинах играли дети. Среди них была Катрин. Она была старше, чем в то время, когда я покинул Солус. Она яростно спорила о чем-то с мальчиком примерно ее возраста. Катрин угрожающе держала в руках металлический прут, который, наверное, нашла в развалинах. Они стояли примерно в дюжине ярдов от края дороги.

Я направился к ним, пробираясь через камнебетонные обломки. Подойдя ближе, я услышал, о чем они спорят.

— Извинись, — потребовала Катрин, сжимая прут обеими руками. Ее лицо было искажено от гнева, все тело дрожало от напряжения. — Ты не имеешь права так говорить о моей матери.

— Она была трусливой, — издевательски оскалился мальчишка. — Она была слабой. У Ваньи кухня из рода Монфоров, и она все знает. Она рассказала нам. Твоя мать сошла с ума от того, что была в доме одна, и выпрыгнула из окна, — он сплюнул. — Жалкое зрелище.

Другие дети прекратили играть и собрались вокруг Катрин и ее оппонента. И на Катрин они смотрели отнюдь не дружелюбно.

Я поспешил к ним быстрее, разорвав правую штанину об острый кусок железа,

торчавший из развалин.

— Возьми свои слова обратно, — угрожающе произнесла Катрин.

— Заставь меня, — ухмыльнулся мальчишка.

Катрин взмахнула металлическим прутом и ударила его по голове. Его лицо побледнело от боли и страха. Он ожидал еще несколько раундов перебранки, но не мгновенного нападения. Он рухнул на колени, крича и держась за голову. Катрин ударила его еще, и потом еще, целясь железным прутом в его голову.

— Катрин, нет! — закричал я и бросился к ней. Она собиралась убить мальчика.

И снова меня там не было. Катрин была там, потому что я покинул ее, а потом умерла Элиана. Катрин была последней, кто мог сражаться за честь нашей семьи, и она была одна. Ее поддерживал лишь ее гнев, и сейчас он овладел ею.

Я попытался оттащить Катрин от мальчика, но не смог. Я пытался отнять у нее прут. Но каким-то образом он все время проскакивал мимо моих рук, слишком быстро мелькая в воздухе. Она ударила мальчика еще раз, и еще. Повсюду была кровь. Она ударила его снова, и я услышал, как треснула кость.

Треск проломленного черепа заставил очнуться остальных детей, засмотревшихся на избиение. С криками они набросились на Катрин. Она отбросила прут и побежала, осыпая их бранью и перепрыгивая через камнебетонные обломки.

Я не мог догнать их, все время отставая на несколько шагов.

Катрин бежала к сколе. Дети настигли ее на краю территории развалин. Они вцепились в нее. Катрин отчаянно отбивалась руками и ногами, и плевалась в них. Дети окружили ее вихрем ненависти. Когда я догнал их, два мальчика схватили Катрин и швырнули ее на дорогу. Она упала прямо под гусеницы проезжающей «Химеры».

— Стой! — закричал я, вытянув руки, словно одно мое отчаяние могло остановить машину.

Раздался страшный удар и треск, словно ломалась связка сырых веток.

Голова Катрин откатилась в канаву.

Я завопил, зажмурив глаза, но эта картина осталась в моем разуме. Она останется там навсегда. Ее череп катился, катился, катился...

Я вопил, пока в груди не кончился воздух, и с моих губ полилась струя слюны. Когда я снова открыл глаза, то был в Силлинге, в том самом шпиле. Снизу раздавался смех. Дверь открылась, и вошел Зандер в сопровождении Вет Монфор.

Теперь Зандер был молодым человеком, едва старше двадцати. Он был пьян, и хуже того. Он шатался, смеясь, и Вет Монфор приходилось поддерживать его. Его зрачки были расширены, он был бледным и очень худым, выглядел так, словно долго не ел. Его пожирали другие желания. Одежда его была растрепана, словно он надевал ее в спешке. Он дико ухмылялся, и казался одновременно удовлетворенным и жаждущим новых наслаждений.

На его зубах была кровь.

— Зандер, — печально сказал я. Я не тянулся к нему, и знал, что он не услышит меня. Я покинул его, и меня не было рядом с ним. Никогда не было.

— Это было... потрясающе, — произнес Зандер. — Просто нет слов. О, это было... чувствовать это...

— Ты зашел слишком далеко, — сказала Монфор, рассеянно погладив свою дыхательную трубку. Глаза опытной развратницы прищурились, выражая неодобрение.

Зандер рассмеялся.

— Конечно, я зашел слишком далеко! Для этого мы и здесь, не так ли? А как у тебя было в первый раз?

— Это у тебя уже не первый раз, — сказала Монфор. — Тебе не следовало этого делать.

Зандер закружился по комнате, раскинув руки.

— Я лечу! — закричал он в экстазе. — Посмотри на меня! Я лечу!

— Я приказала вынести из моего дома то, что осталось, — поморщилась Монфор. — Найдут его в другом месте. Но милиция обратит на это внимание.

Зандер не переставал смеяться.

— Только послушать тебя! Сплошные приличия и строгость! С каких пор ты ограничиваешь себя в наслаждениях? Я видел, что ты делала!

— Я знаю, когда остановиться. Удовольствия без дисциплины опасны.

— Тогда это не настоящие удовольствия! — воскликнул Зандер. — Я превзошел моего учителя! — он хлопнул в ладоши. — Здесь слишком низкий потолок! Я скоро пробью его!

— Послушай меня, — предупредила его Монфор. — Тебя могут казнить.

— Сначала пусть они поймают меня!

— Как ты собираешься сбежать?

— Они умеют летать?

— Нет. А ты умеешь?

— Теперь — да! — Зандер распахнул окно. С неба взирало огромное око Люктуса.

— Там, — Зандер указал на луну. — Там они меня не поймают. Не так ли?

— Наверное, нет, — усмехнулась Монфор.

— Спасибо тебе, — сказал Зандер, все еще смеясь. — Какой вечер!

Его глаза и улыбка еще больше расширились, на его лице проступил новый экстаз.

— Какой прекрасный вечер!

Он прыгнул в окно.

Сломленный горем, раздавленный отчаянием, я подошел к окну. Вопреки своему желанию, я посмотрел вниз, добавив еще один ужас к кошмарным картинам в моем разуме.

Зандер ударился о землю головой.

— Где ты был, отец?

Голос Катрин заставил меня обернуться. Мы были в библиотеке. Она сидела в кресле, в котором я, казалось, вечность назад, читал дневник Элианы. Она была немного моложе, чем та Катрин, которая, вероятно, спала сейчас на верхнем этаже. Она была одета в форму инструктора Схолы Прогениум.

Катрин подняла взгляд, ее лицо было пепельно-бледным.

— Где ты был? — спросила она снова.

Я стоял перед окном, и она, казалось, смотрела прямо на меня.

— Я не знал, — ответил я, отчаянно пытаюсь добиться ее понимания. — Откуда я мог знать? Она знала, почему я покинул вас. Ты сама понимаешь, что значит долг перед Империем. Как я мог поступить иначе?

Я замолчал. Она смотрела прямо сквозь меня. Она говорила с отцом, которого здесь не было, не было никогда, когда он был нужен.

В библиотеку вошел Зандер. Он выглядел не столь распушенным, как в Силлинге. На ходу он снимал свой пояс советника.

— Что это? — спросил он.

— Ничего, — Катрин закрыла дневник. — Абсолютно ничего.

— Не книга. Это, — Зандер указал на завернутый в ткань предмет в кресле рядом с креслом Катрин.

Она встала.

— Это подарок от советника Монфор.

— Ты шутишь!

— Не шучу.

— Да уж.

— Монфор говорила что-то об этом? — спросила Катрин.

— Об этом? — сказал Зандер. — Нет, не думаю.

Он нахмурился.

— Раз уж ты упомянула о ней, она казалась очень довольной собой. Все время многозначительно говорила о чести и хитро улыбалась. Я так и не понял, что она имела в виду.

— Я знаю. Она имела в виду это, — Катрин указала на сверток.

— Но что это? — спросил Зандер.

Катрин помедлила, с явной неохотой. Потом она со вздохом развернула ткань. Под ней оказался портрет Девриса Штрока. Катрин медленно отступала от него, пока не оказалась за спиной Зандера.

Зандер уставился на картину, конвульсивно потирая руки, словно что-то ледяное оставило липкий след на его коже.

— Я не понимаю, — сказал он, хотя, судя по дрожи в голосе, на каком-то интуитивном уровне он понимал. — Что это значит?

— Это правда нашей семьи, — произнесла Катрин безжизненным голосом. — Это наша судьба.

— Так не должно быть, — прохрипел я. — Вместе мы справимся с ней.

Но меня снова не было там, и они не слышали меня.

— Это зло, — прошептал Зандер, отшатнувшись от портрета. Он пытался оторвать взгляд, но не мог.

— Да, зло, — Катрин распахнула свою шинель и вытащила из кобуры болт-пистолет.

— Нет... — простонал я.

— Что нам делать? — умоляюще произнес Зандер.

— Я читала о нашей истории, — ответила Катрин. — Мы ничего не можем сделать. Все предрешено. Это судьба.

— Я не хочу верить в это. Император хранит.

— Да, — сказала Катрин, и выстрелила Зандеру в затылок. Его череп взорвался кровавым туманом. Болтерный снаряд пробил насквозь стену перед ним. Кровь забрызгала портрет, попав на лучи восьмиконечной звезды, и холст мгновенно впитал ее.

— Император хранит, — произнесла Катрин.

На мгновение она потеряла самообладание и испустила горький стон, словно в ответ на ложь этих слов. Потом она приставила ствол болт-пистолета к своему лбу и нажала спуск.

Я скорчился, зажмурил глаза и зажав руками уши, по моему лицу текли слезы. Я не хотел видеть и слышать, как мои дети умирают снова и снова. Я не хотел открывать глаза. Не

хотел подвергать себя еще одному кошмару, который я не мог остановить, еще одной трагедии, случившейся из-за того, что я покинул своих детей во имя долга.

Постепенно я понял, что единственными звуками, которые я слышал, были лишь мои сдавленные рыдания. Я лежал на полу. Открыв глаза, я увидел, что лежу в коридоре на втором этаже, между дверями в спальни Катрин и Зандера.

Опираясь о стену, я встал на ноги. Мгновение я стоял неподвижно, пытаюсь восстановить равновесие. Мое тело онемело, но я знал, что это скоро пройдет. Шок защищал меня. Но скоро чувство вины нахлынет снова и затопит меня.

— Теперь ты доволен? — спросил я, обращаясь к Мальвейлю. Я едва сумел прохрипеть эти слова. Мое горло было так надорвано от плача, что глотать было мучительно больно. — Не осталось ничего, что ты еще можешь отнять у меня.

Теперь я знал правду. Катрин и Зандер были мертвы. Они были отняты у меня еще давно. Они умирали, и умирали, и умирали перед моими глазами, и не имело значения, какое из этих видений было правдой, а какие ложью. В конечном счете они все были правдой. Я потерял моих детей. Я покинул их. Те, которые казались мне моими взрослыми детьми, были лишь еще одной иллюзией, лишь проекцией моей души, истерзанной скорбью и чувством вины, как призрак Элианы.

Мне не было прощения. Не было искупления. Не было надежды.

Оставалось лишь еще одно, последнее, что я еще мог совершить.

Все более твердым шагом я направился к башне и моей спальне.

ГЛАВА 21

Войдя в спальню, я открыл большой шкаф и вытащил из него пластальной ящик для хранения оружия. Он прошел со мной сквозь десятилетия военных кампаний. Мои товарищи погибали, но этот ящик и то, что в нем было, всегда оставались со мной. Я поставил его на кровать и открыл. Внутри был мой плазменный пистолет, мой церемониальный меч полковника и боевой цепной меч.

Церемониальный клинок был тщательно начищен, и ярко блестел в свете люмена. Мастерство, с которым он был изготовлен, изящество его линий, было еще одним напоминанием о моей неудаче. Я не заслуживал звания, которое он символизировал.

Я ничего не заслуживал.

— Что ты делаешь?

У закрытой двери стоял Ривас.

— Я не слышал, как ты вошел, — сказал я.

— Ты был слишком сосредоточен на этом ящике.

— Конечно.

«За какого же глупца ты меня принимаешь? Тебя же нет. Ты не настоящий».

«Он кажется таким настоящим. Посмотри на его глаза».

«Прямо как у нас, когда мы думаем о детях».

«Именно. Но мы-то теперь знаем, не так ли?»

Ривас медленно направился ко мне.

— Ты не ответил мне. Что ты собираешься делать с этим?

— Думаю, ты знаешь.

— Оставь это, Мейсон.

— Мне интересно, как ты оказался здесь?

— Я не мог заснуть, потому что слишком волновался за тебя, — сказал он. — После того, как я поговорил с Катрин и Зандером...

— О, да, — прорычал я. — Когда ты попросил их вернуться сюда.

— Да. Что не так, Мейсон?

Я вздохнул, подняв взгляд к потолку.

— Мальвейль, — сказал я. — Я устал от этих игр. Пора их заканчивать.

— Остановись, — предупредил Ривас. — Ради Трона, вспомни, кто ты. Вспомни с своим долге. Вспомни свои клятвы Императору. Ты предашь Его?

— Нет, — произнес я. — Не предам.

Я поднял плазменный пистолет, направил ему в лицо и нажал спуск.

Ничего не произошло. Просто щелчок. Пистолет бы мертв, разряжен.

Ривас покачал головой.

— Не стоило тебе пытаться делать что-то подобное.

Онемение мгновенно прошло. В одну секунду рухнули все барьеры, сдерживавшие чувства, обуревавшие меня. Скорбь и чувство вины были так невыносимы, что могли меня убить. Но не убили, а разожгли пламя моего гнева. Моя ненависть к Мальвейлю и тому, что он сделал со мной и моей семьей, была столь же колоссальна, как и мои страдания. Она пылала с жаром звезды. Я мог бы разорвать Солус пополам голыми руками. Весь этот гнев сосредоточился в одной точке — на этой пародии на моего друга, стоявшей передо мной.

Я не мог позволить этой твари существовать.

Я бросил бесполезный пистолет и с яростным рычанием схватил цепной меч, нажав кнопку активации. Меч с ревом включился.

Глаза Риваса испуганно расширились.

— Мейсон... — прошептал он в ужасе. — Не делай этого...

Я больше не собирался быть жертвой иллюзий. Я знал, что страх на лице кардинала был ложью, потому что само лицо его было не настоящим. Ударом сверху вниз я опустил цепной меч на череп Риваса. Зубья взвыли, распиливая кость. Меч разрубил кардинала надвое. Это было все равно что разрубить гнилое дерево, пустое внутри. Хоть это выглядело как убийство человека, но внутри фальшивого Риваса ничего не было. Оболочка, выглядевшая как Кальвен Ривас, развалилась на две части, рассеченная моим ударом, половины его лица застыли в имитации ужаса.

Куски тела упали по обе стороны от меня.

Я стоял над фальшивым трупом. Мое дыхание вырывалось ритмичными рычащими вздохами. Я рычал вместе с цепным мечом.

Тело кардинала стало терять форму. Одевания и плоть Риваса стекались вместе, цвета расплывались, пока все не слилось в бесформенную розоватую массу. Постепенно она растаяла, обратившись в ничто.

— Вот! — воскликнул я, обращаясь к дому. — Теперь мы знаем правду! Пора покончить со всеми иллюзиями!

Я вышел из спальни и спустился по лестнице, держа в руке ревуший цепной меч.

Выйдя в коридор, я попытался открыть дверь спальни Катрин. Она была заперта.

— Зачем тебе запирать дверь, если ты не самозванка? — произнес я.

Отойдя назад, я ударил в дверь бионической ногой. Мне пришлось пнуть дверь три раза, прежде чем замок сломался и дверь распахнулась.

Катрин проснулась и вскочила с кровати, когда я вошел в комнату.

— Отец, что... — начала она.

— Я не твой отец, — прорычал я, и бросился на нее с цепным мечом.

Катрин присела, упираясь в пол руками, и нанесла удар обеими ногами по моему протезу. Хотя я не почувствовал боли, она ударила с достаточной силой, чтобы сбить меня с ног. Я упал, и цепной меч, взвывая, рассек кровать. Щепки и клочья постельного белья разлетелись по комнате.

Катрин выбежала из спальни, крича, чтобы разбудить Зандера. Я быстро поднялся и бросился за ней. Я бежал быстро, но она еще быстрее, и когда я снова был в коридоре, из своей спальни, шатаясь, вышел Зандер, растерянный и только что проснувшийся. Его глаза были похожи на глаза испуганного животного. Иллюзия была правдоподобной, не менее убедительной, чем фальшивый Ривас. На лице Зандера застыла безмолвная мольба о пощаде, почти заставившая меня остановиться.

Они бежали, я гнался за ними, а Мальвейль снова пробудился к темной жизни. Пол вздыбился волнами. Коридор раскачивался, словно корабль в шторм. Гулкий хор демонических голосов распевал песнь ужаса. Я ревел, чтобы не слышать ее, и размахивал цепным мечом с еще большей яростью. Но я не мог полностью заглушить песнь демонов. Ее ритм когтями вцеплялся в самую мою сущность. Ее ужасное значение постепенно всплывало на поверхность. Если я не покончу со всем этим как можно скорее, то мне явится откровение, которого мой разум не переживет.

И еще более громким, чем песня, был звук, похожий на чудовищный замедленный взрыв. Это был рокот барабана размером с гору, грохот удара астероида, выстрел пушки, разрушающей миры, и биение сердца размером с мой ужас.

Я шел, словно пьяный, шатаясь от одной стороны коридора к другой, а дом пел и раскачивался. Катрин и Зандер первыми добежали до лестницы и бросились вниз. Пол снова вздыбился, будто волна, и Зандер не удержался на ногах. Он врезался в Катрин, и они оба полетели вниз по лестнице.

Когда я подбежал к лестнице, Зандер скорчился на площадке между пролетами. Он попытался подняться на ноги и застонал. Катрин упала дальше, и я не видел ее сверху.

Притворная уязвимость Зандера еще больше разъярила меня, и я бросился вниз по ступеням, не обращая внимания на то, что они раскачивались. Гнев придал мне силы и скорости.

Зандер приподнялся и умоляюще протянул руки ко мне.

— Отец! — воскликнул он.

Я вонзил цепной меч в его грудь.

Клинок разорвал грудную клетку. Зубья окрасились красным. Клочья легких и сердца брызнули мне в лицо. Зандер конвульсивно содрогнулся, когда меч вспорол его тело. Этот удар оборвал его вопль, рассекая торс и шею. Я кричал в вихре крови. Это был крик победы, яростной радости, потому что здесь передо мной умирала ложь. Теперь я нанес удар дому через то же оружие, что он использовал против меня. За все, что дом совершил с историей нашей семьи, за все, что он сделал со мной и с моими любимыми, за поражение на

Клооструме, за планету, которая погибла потому, что Мальвейль хотел, чтобы его игрушка вернулась к нему. Это было мое возмездие. Я рванул цепной меч вверх, и он, разрубив подбородок Зандера, прошел сквозь череп и мозг. Наконец содрогающийся труп соскользнул с клинка.

Я задержался на мгновение, рыча и стиснув зубы, моя одежда и лицо намокли от крови. Дом неохотно расставался со своей ложью.

Пение становилось громче. Стены вспучились, в них появились огромные пасти десятифутовой высоты. Они выли и рычали на меня. Дунул резкий порыв ветра, едва не сбросивший меня с лестницы. Я оставил Зандера и спустился на первый этаж. На моем пути в стенах открывались новые гигантские рты. Пение стало оглушительным, и колоссальный грохот болью отдавался в моем позвоночнике. Я едва мог держаться прямо. Но мой гнев был со мной, и теперь меня поддерживало ожидание победы.

Еще одна ложь. Еще одна ложь, и все закончится.

У подножия лестницы была кровь. Призрак имитировал травму от падения. Я прошел по кровавому следу к выходу. Существо, притворявшееся Катрин, должно быть, пыталось открыть дверь, потому что здесь было больше капель крови. Я толкнул двери, они не открывались. Я был заперт вместе с призраком. Хорошо. Я не собирался уходить, пока не покончу со всем этим.

Кровавый след привел меня в библиотеку. Когда я вошел, Катрин бросилась на меня со щитом, украшенным гербом нашей семьи, который она сняла со стены. Она ударила меня краем щита в плечо, отбросив назад, и снова атаковала, яростно размахивая щитом.

«*Зачем ты это делаешь?!*», закричала она.

Я не отвечал. Я не хотел говорить с Мальвейлем и позволить ему снова запутать мой разум. Вместо этого я сосредоточился на том, чтобы блокировать атаку Катрин. Она сражалась умело и быстро, но ее подготовки было недостаточно для поля боя. Я предвидел ее следующий удар, и отступил назад, избежав его. Катрин потеряла равновесие. Резким движением цепного меча снизу вверх я выбил щит из ее рук. Она попыталась отступить.

Но не успела. Быстрым ударом сбоку я обезглавил ее. Ее тело на мгновение застыло, из шеи вырвался фонтан крови. Потом она упала. Ее голова покатилась по полу.

Катилась, катилась, катилась...

Она остановилась лишь у окна.

Дом перестал содрогаться. Пение прекратилось.

Наконец наступила тишина.

ГЛАВА 22

Я вытер кровь с лица.

Я стоял рядом с трупом, ожидая, когда он исчезнет. Начиналось утро, и серый свет уже просачивался в окна. Становилось все светлее, а я по-прежнему стоял, не двигаясь, пока не наступил день. Кровь стекалась в лужу. Кровь начала засыхать. Библиотеку наполнило липкое зловоние смерти.

А призрак не исчезал.

В дневном свете было в зрелище трупа что-то чудовищно банальное. Голова Катрин смотрела на меня, остекленевшие глаза были широко раскрыты, казалось, в изумлении.

Цепной меч выскользнул из моей руки и упал на пол.

Труп должен исчезнуть. Ночь кончилась.

Я отчаянно пытался не думать, когда вышел из библиотеки и поднял взгляд на лестницу. Изуродованные останки Зандера все еще лежали на площадке. С подножия лестницы я видел одну его свесившуюся руку, намокшую от крови, ладонь была вытянута, словно в протесте.

Я знал, что я совершил.

Я не мог двигаться. Я не знал, куда идти. Мне некуда было бежать от себя, и никак не укрыться от чудовищности моего преступления. Я не мог даже плакать. Мальвейль столько раз убивал моих детей той ночью, и я испытал столько горя, что сейчас я мог чувствовать лишь самую ужасную пустоту.

Я оглядывался между лестницей и открытой дверью в библиотеку. Я сделал шаг в одном направлении, потом в другом, и снова замер. Если я не буду двигаться, время остановится. Мне не придется принимать никаких решений. Не придется думать. Что-то заставит это ужасное мгновение исчезнуть.

Но я знал, что вскоре эта пустота будет заполнена. Вскоре я почувствую всю тяжесть того, что я сделал. Если бы только забвение настигло меня, прежде чем это случится. Если бы Мальвейль был способен на эту маленькую милость.

Вместо этого раздался тяжелый железный стук дверного молотка. Он звучал как приговор.

Но я не двигался. Лишь повторившийся стук заставил меня прийти в движение. Очень медленно я повернулся и, шатаясь, направился к двери. Глупые, едва сформировавшиеся мысли кружились в моем разуме.

«Я измазан в крови. Надо отмыться. Они увидят и догадаются. Что если это Штаваак?»

«Какая разница».

Ничего не имело значения. Больше ничего. К чему прятаться? Я заслужил осуждение. Сейчас я буду рад любому человеку. Это будет воистину милость.

Я открыл дверь, и обнаружил, что на пороге стоит Вет Монфор.

Она была одна. Должно быть, она оставила машину и водителя у ворот поместья.

Я понял, что еще способен удивляться. Я был так изумлен, что отреагировал на ее появление с яростью, словно еще вел бой.

— Что вы здесь делаете? — спросил я.

Она смерила меня долгим оценивающим взглядом, не проявив никакого удивления. Она вообще не проявила никаких эмоций.

— Вы сделали это, не так ли? — спросила она.

— Что сделал? — бессмысленные автоматические рефлексы требовали от меня быть готовым сражаться. Моя реакция была болезненно абсурдной. Я стоял здесь, измазанный в крови моих детей.

«Цепной меч в библиотеке. Это близко. Монфор не может двигаться быстро. Я могу убить ее, и она ничего не расскажет. Я могу...»

Это побуждение погасло, исчезнув в тумане отчаяния.

Я не нападу на нее. И Вет Монфор знала это.

— Что сделал? — повторила она, но без насмешки. Она не выглядела удовлетворенной. Ее голос звучал холодно и странно устало. — Ваше преступление. Это всегда преступление.

Я шагнул назад от двери.

— Вы желаете посмотреть на это лично? — спросил я с горечью. — Заходите. Почему бы вам не насладиться вашей победой?

— Я никогда не перешагну этот порог, — ответила она. — Думаю, что теперь и вы тоже.

— Что вы имеете в виду?

— Вы можете покинуть дом? — она шагнула назад. — Можете выйти ко мне на улицу?

Я не сразу понял, о чем она говорит. Как будто сама мысль о пространстве за стенами Мальвейля стала странной для меня. Я попытался сделать как она сказала, и выйти за порог. Но сделать шаг вперед оказалось для меня не легче, чем взлететь.

Из дыхательной трубки Монфор вырвался вздох.

— Значит, это воистину свершилось, — сказала она. В ее монотонном голосе слышалось некое облегчение. — С вами покончено. Солус в безопасности.

Абсурдность ее заявления разожгла во мне тлеющие угли гнева.

— Солус никогда не будет в безопасности, пока ваш род не уничтожен, — сказал я.

— Вы ошибаетесь. Монфоры — стражи Солуса. Мы давно защищаем его от Штроков и той скверны, что вы выпустили.

— *Вы* защищаете Солус от нас?

— Вы удивлены, как это может быть? Но кто из нас обагрен кровью своих жертв? Кровью ваших детей, если я правильно понимаю.

Я не сказал ничего.

Она кивнула.

— Я так и думала. И да, мы стоим на защите Солуса. Я скажу больше. *Мы* есть защита Солуса. Только Монфоры оказались достаточно сильны, чтобы делать то, что необходимо. Дисциплина, даже в разврате — наше оружие против Штроков. Так мы сопротивляемся. Мы знаем, как далеко мы можем зайти, — она указала на порог. — Я знаю, какую линию не стоит переходить.

— Почему вы не сдали нас Инквизиции? — устало спросил я.

— Мы уже пытались. Инквизиция не помнит этого, но мы помним. Монфоры — единственные, кто это помнит. Мальвейль правит через молчание, но мы помним. Даже вас мы будем помнить.

— Значит, вы могли бы остановить это?

— Нет. Мы не можем остановить Мальвейль. Все, что мы можем сделать — пытаться сдерживать худшее. Мы и здесь знаем, где остановиться. Мы знаем, что лучше не стоять на пути того, что нельзя победить.

— Вы трусы.

— Мы не глупцы, — она ядовито улыбнулась. — Не поймите меня неправильно. Мне нравится моя жизнь. Я не хочу ее терять.

Все это уже не имело значения. Мне было все равно. Пусть она выжмет из Солуса хоть все его богатства. Я больше не мог понять важность потерь, что несли другие.

— И кто придет за мной теперь? Штаваак?

— Никто не придет. Никто не войдет в Мальвейль, пока вы не сотретесь из памяти. Штаваак тоже забудет вас. Я думаю, что в своих снах он, возможно, понимает больше, чем

знает. Или, по крайней мере, понимает достаточно, чтобы не пытаться понять больше, чем нужно. Нет, за вами придет лишь ваша судьба. Я позволю дому пожрать вас, и мы будем надеяться, что его аппетит удовлетворен, и какое-то время все будет спокойно. Пока не придет следующий лорд-губернатор Штрок из другой ветви вашей семьи. Всегда будет еще один Штрок, и мы всегда должны оставаться наготове.

Она повернулась, чтобы уйти, потом остановилась.

— Вам будет приятно узнать, что вы добились своей цели? Некоторые из моих союзников превзошли предел в своей жадности, и я не сдержала их. Нельзя позволять Солусу уклоняться от исполнения долга перед Империем. Это будет исправлено.

— Нет, — сказал я. — Теперь мне это безразлично.

— Не думала, что это будет вам безразлично. Что ж, прощайте, лорд-губернатор Штрок. Я рада видеть вас уничтоженным.

Монфор ушла, стуча тростью по земле. Она больше не оглянулась. Я смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом дороги. Она — последний человек, которого я вижу.

Дверь медленно закрылась, и когда она захлопнулась, щелчок замка был окончательным.

И тогда стали раздаваться шепоты, произносившие мое имя, звавшие меня к моей последней задаче.

Голосов было много. И среди них был голос Элианы. Я не знал других голосов, но чувствовал связь с ними. Они были человеческими, и я ощущал, что нас связывает кровь и скорбь.

«Почитай тишину», говорили голоса. *«Повинуйся тишине»*.

Дом пожирал меня, но был все еще голоден. Он пожрал моих детей и мою жену. Он уже поглотил почти все, что составляло сущность Мейсона Штрока, и ему не терпелось докончить начатое. Он пожирал наши тела, наши души, нашу историю. И слушая шепоты, я, наконец, понял, что огромные массы старых вещей скапливались здесь не затем, чтобы похоронить под ними ужасы дома. Это была еще одна ложь. Горы хлама и вихрь в Старой Башне кормили дом, окончательно направляя наследие Штроков в челюсти Мальвейля.

И, приступив к исполнению своей последней задачи, я, наконец, начал плакать. Мне пришлось подняться по ступеням и еще раз увидеть, что я сделал с моим сыном, когда я прошел мимо него, чтобы собрать свои личные вещи — все, что могло что-то рассказать внимательному наблюдателю обо мне. Я работал с безмозглой настойчивостью сервитора, стаскивая все из моей башни на первый этаж, и я видел Зандера снова и снова.

Я бросал все в кучу хлама в комнате рядом с обеденным залом. Шепоты стали более настойчивыми, и приказали мне сделать самое трудное.

Одно последнее дело. Последнее путешествие. Самое трудное.

Я стащил тело Зандера вниз по ступеням. В библиотеке я поднял труп Катрин, перекинул его через плечо, и подобрал ее голову. Держа ее, и сгибаясь под тяжестью тела дочери, я вышел из библиотеки. Взяв Зандера за одну ногу, я потащил и его, начав долгий, мучительный путь в Старую Башню.

«Вы все», послышался среди шепотов голос Элианы. *«Вы все сразу»*.

Я делал так, как было сказано. Много раз по пути я падал. Часть пути я прополз, волоча два трупа сразу. Но наконец я достиг Старой Башни, и ее дверь была открыта для меня. Войдя в нее, я столкнул трупы моих детей со ступеней. Они упали, став частью вихря. Вихрь снова кружился, и далеко внизу, за шепотами, слышалось пение и рычание иных,

нечеловеческих голосов.

Я спускался не потому, что смирился со своей судьбой, а потому, что у меня не было выбора. Я достиг площадки, на которой Деврис совершил свой великий грех. Тело Риваса лежало там, разорванное на куски, его плоть и органы были разложены по линиям восьмиконечной звезды. В центре ее стояли солнечные часы, которые я видел раньше в вихре хлама. Когда я шагнул на площадку, железные руки скелета изогнулись, и гномон начал вращаться. Часть стены с грохотом скользнула в сторону. Внутри открывшегося за стеной помещения сиял не-свет варпа.

Я перешагнул последний порог, влекомый цепями судьбы, цепями, которые неумолимо влекли каждого Штрока в пасть Мальвейля.

В комнате за стеной меня ждала Элиана. В первое мгновение она еще не была чудовищем. С ней были десятки других призраков, я видел их лица раньше — на портретах в коридорах Мальвейля. Я был окружен моими забытыми предками. Они собрались, чтобы приветствовать меня.

Потом стена снова закрылась, скрыв из виду последний настоящий свет, который я видел в жизни. Комнату поглотила великая тьма, и призраки начали изменяться, их черты таяли и искажались, принимая чудовищные облики, которые дал им дом.

— Шшш, — прошипела Элиана. Ее улыбка все расширялась, глаза исчезли в черных провалах. — Шшш.

Шепот. Шипение.

— Я здесь. *Я здесь.*

Я завопил, когда они бросились на меня. Я вопил, когда Элиана сжала свои когти вокруг моей шеи.

Я вопил. Начинались первые мгновения вечности.

Больше книг на сайте - Knigoed.net